

Выпуск готовили:

В.А. Зубакин (главный редактор)
Е.В. Зубакина
Е.В. Чернова

Дизайн и вёрстка: **Е. Чернова**
Фотография пухляка на первой
странице обложки: **А. Голубева**

**Адрес Координационного
центра Союза: Россия,
111123, Москва, шоссе
Энтузиастов,
дом 60, корп. 1
Тел/факс (495) 672-22-63
e-mail: mail@rbcu.ru
http://www.rbcu.ru**

**Благодарим за поддержку
всех тех,
кто безвозмездно
помогал и помогает
в издании «Мира птиц».**

**Если вы хотите
тоже помочь журналу,
можете перечислить
деньги на расчётный счёт
4070381000031000041
в ОАО «Банк Москвы»
г. Москва, инн. 7702000406
БИК 044525219
к/с 3010181050000000219
с пометкой
«благотворительный взнос
для «Мира птиц»,
или внести пожертвование
в Координационный центр
Союза охраны птиц России.**

Мнение авторов статей может
не совпадать с мнением редакции.

Распространяется среди членов
Союза охраны птиц России
бесплатно.

Тираж 2000 экз.
© Союз охраны птиц России

СОДЕРЖАНИЕ Contents

ТЕМА НОМЕРА 2	К. Пичугин. «Замри» 24
TOPIC OF THE ISSUE	K. Pichugin. "To stand still"..... 24
Е.С. Преображенская. Про пухляка..... 2	Г. Калашников. Соловьиная ветка 26
E.S. Preobrazhenskaya. On Willow Tit	G. Kalashnikov. The Nightingale's branch
О. Бородин. Гаичка – серенькая птица года..... 4	А. Белашов. Чудо жизни 27
O. Borodin. The Willow Tit is grey bird of the year 2017	A. Belashov. The wonder of live
	А. Субботин. Палач-караульщик 28
	A. Subbotin. The executioner-watchman
ВЕСТИ ОРНИТОЛОГИИ 6	Е. Стрельников. Про Гека..... 31
ORNITHOLOGICAL NEWS	E. Strel'nikov. About Gek
А.Е. Варламов. Орнитологические наблюдения на Витязевском лимане черноморского побережья Краснодарского края 6	ВАШИ НАБЛЮДЕНИЯ 33
A.E. Varlamov. Ornithological observations on Vityazevskiy estuary, the Black Sea coastal belt of the Krasnodarskiy Kray	YOUR OBSERVATIONS
Г. Джамирзоев. Первый случай зимовки фламинго в России 8	А.Д. Липкович. Зима в степи 33
G. Dzhmirzoev. The first record of wintering Greater Flamingo in Russia	A.D. Lipkovich. Winter in steppe
Г. Джамирзоев. Зимовка кудрявого пеликана 9	ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ 34
G. Dzhmirzoev. The wintering Dalmatian Pelican	TRAVEL NOTES
Г. Джамирзоев. На нескольких КОТР в Дагестане планируется создать ООПТ регионального и федерального значения 9	В.П. Белик. Знакомство со Средней Азией..... 34
G. Dzhmirzoev. Some federal and regional SPAs are planned to establish on IBAs in Dagestan	V.P. Belik. Knowing of Central Asia
Ю.В. Краснов. Дистанционные методы исследования птиц..... 10	Т.К. Железнова. Даурия 41
Yu.V. Krasnov. The remote methods of bird study	T.K. Zheleznova. Dauria
Е.А. Даниленко. Урагус (<i>Uragus sibiricus</i>) на юго-западе Москвы 13	Т.К. Железнова. Монголия 44
E.A. Danilenko. The Long-tailed Rosefinch <i>Uragus sibiricus</i> in S-W of Moscow	T.K. Zheleznova. Mongolia
Е.И. Ильешенко, В.Ю. Ильешенко. Птицы Антигуа и Барбуды 15	СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 54
E.I. Il'yashenko, V.Yu. Il'yashenko. Birds of Antigua and Barbuda	HISTORY OF ORNITHOLOGY
А. Киселёв. Двухэтажная квартира 15	Детство и война (воспоминания В.М. Галушина) 54
A. Kiseliyov. Two-storeyed apartment	Childhood and war (memoirs of Vladimir Galushin)
ПРОБЛЕМА 16	Е.Э. Шергалин. Статья птицелюба Марии Пассек из имения Нирвана под Батуми 55
THE PROBLEM	E.E. Shergalin. An article of bird admirer Maria Passek from Nirvana estate near Batumi
А.Д. Липкович. Безумие скотовода..... 16	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 56
A.D. Lipkovich. Folly of cattle-breeder	MEMORABLE DATES
В.А. Дугинцов. О сером гусе в Амурской области..... 17	Г.С. Ерёмкин. К 140-летию Г.И. Полякова 56
V.A. Dugintsov. On the Greylag Goose in Amur Region	G.S. Eriomkin. On the 140 anniversary of G.I. Polyakov
Е.В. Чернова. Утка массового поражения..... 18	НАШИ ПОТЕРИ 59
E.V. Chernova. The duck of "mass defeat"	IN MEMORIAM
Б.М. Звонов, А.В. Салтыков. Перспективы развития системы птицевоспитательных устройств в России 19	Памяти Святослава Георгиевича Приклонского (1932-2016) 59
B.M. Zvonov, A.V. Saltykov. Perspectives of development of bird protection devices in Russia	Svyatoslav Georgievich Priklonsky (1932-2016)
ПТИЦЫ ВОКРУГ НАС 20	Памяти Георгия Александровича Носкова (1937-2017) 60
BIRDS AROUND US	Georgiy Alexandrovich Noskov (1937-2017)
О. Михайлова. Путешествие к можжевельниковому закату 20	Памяти Тихона Игоревича Шпиленка (12.10.1980 – 23.12.2016)..... 61
O. Mikhaylova. The travel to juniper sunset	Tikhon Igorevich Shpilenok (12.10.1980 – 23.12.2016)
Е. Чернова. Приключения Серёжки в мире птиц (сказка)..... 22	Алексей Владимирович Яблоков (03.10.1933 – 10.01.2017)..... 61
E. Chernova. Adventure of Sergey among birds (tale)	Alexey Vladimirovich Yablokov (03.10.1933 – 10.01.2017)
	Николай Павлович Харитонов (1956-2016) 62
	Nikolay Pavlovich Kharitonov (1956-2016)
	Алексей Александрович Естафьев (17 апреля 1941 г. – 26 декабря 2016 г.) 62
	Alexey Alexandrovich Estaf'ev (17.04.1941 – 26.12.2016)
	КАК ВСТУПИТЬ В СОЮЗ 63
	HOW TO JOIN THE RBCU

Требования к материалам, присылаемым в редакцию бюллетеня для публикации

Электронные тексты : допустимые форматы – .txt, .doc, .rtf. Таблицы просьба присылать в форматах .doc и .rtf. Объем текста не более 10 000 знаков. (включая пробелы).

Компьютерная графика: Для векторных изображений допустимы форматы .eps, .cdr, .ai. Для растровых изображений – .tif, .psd, .jpg (обязательно без сжатия). Для формата .tif возможна LWZ-компрессия. Разрешение изображений должно быть не менее 300 dpi.

Рукописи, машинописные тексты, слайды и фотографии принимаются, если невозможно предоставить электронный вариант. Ссылки на литературу в тексте статьи мы просим приводить только в том случае, если их отсутствие существенно влияет на содержание. Редакция оставляет за собой право отклонять и сокращать присланные материалы. Тексты не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке материалов ссылка на «Мир птиц» обязательна.

На 4 странице обложки сверху вниз слева направо:

Большая синица *Parus major*; хохлатая синица *Parus cristatus*; пухляк (буроголовая гаичка) *Parus montanus*; лазоревка *Parus caeruleus*; ополовник (длиннохвостая синица) *Aegithalos caudatus*; князёк (белая лазоревка) *Parus cyanus*; черноголовая гаичка *Parus palustris*; москвова *Parus ater*.

Использованы фотографии А. Голубевой, В. Забугина, О. Хромушина, В. Тяхта.

Про пухляка

Если бы мне надо было выбрать птицу – символ России, то я предложила бы не орла, не журавля, не ласточку и не жаворонка, а буроголовую гаичку – пухляка. Смешно? А вы посмотрите на географическую карту. Больше двух третей России на ней – это леса, причем в основном из хвойных деревьев (ели, сосны, лиственницы) или с их участием. И зима на этой территории – со снегом, морозами – продолжается от четырех месяцев до полугода. Недаром российские любители птиц жалуются, что в Международные дни наблюдений птиц, которые проходят в первое воскресенье октября, много где большинство птиц уже улетели.

Разных птиц в российских лесах много. Но большая часть из них – перелетные. Пеночки, дрозды, мухоловки, коньки, славки и другие – все они проводят зиму в теплых краях: в тропиках Африки, Индии, Юго-Восточной Азии, в Средиземноморье. А если поближе – то в странах Западной Европы, на Кавказе и в Крыму. Птиц, зимующих в лесах России, совсем немного. И буроголовая гаичка – самая многочисленная из них. Это подтверждено многолетними учетами зимующих птиц, проводящимися на территории России и сопредельных регионов уже три десятка лет. На огромном пространстве – в Якутии, на Алтае, на Урале, в Башкирии, в Архангельской области, Карелии, Татарстане, Подмосковье, Брянских лесах – везде пухляк входит в число самых массовых зимующих птиц. И в другие сезоны, весной до начала мая, во второй половине лета и осенью, пухляки в лесах обычны и хорошо заметны. Только в мае-июне они как будто исчезают – становятся на время гнездования очень осторожными и мало заметными. Так что, если посчитать в среднем за год, то пухляк окажется в России одним из самых многочисленных, а может и самым многочисленным видом птиц.

Зимой пухляки, в отличие от своих ближайших родственников, больших синиц и лазоревок, не соби-

раются к кормушкам в населенные пункты. Хотя с удовольствием посещают кормушки на опушках хвойного или смешанного леса. Они остаются в лесах – разыскивают спрятавшихся на зиму насекомых и пауков, семена, используют запасы корма, которые заготовили летом и осенью. В морозные зимние ночи пухляки прячутся в дупла или забираются под снег, в пустоты под корнями, нижними засыпанными ветками деревьев, под снежные шапки на ветвях.

Пухляки – всегдашние зимних синичьих стай хвойных и смешанных лесов. Впрочем, синичья стайка – название не совсем точное; кроме синиц (пухляков, лазоревок, больших синиц, москочков, гренадёрок) в нее могут входить и другие птицы – желтоголовые королики, ополовники, пищухи, поползни, малый пёстрый дятел. Птицы, перепархивая в кронах деревьев, постоянно попискивают, поддерживая таким образом связь друг с другом. Что-то вроде: «Вы здесь? – Я тут! Как дела? – Все в порядке!». Если же обнаруживается что-то опасное – например, птицы находят притаившуюся среди ветвей сову – начинают кричать громче. Более громкие сигналы раздаются и тогда, когда кто-то из членов стаи намеревается изменить направление движения, например, свернуть или перелететь через поляну.

Пары взрослых пухляков, которым весной удалось успешно вывести птенцов, круглый год придерживаются постоянного участка леса. Своих отпрысков, когда они вырастают (обычно это происходит ко второй половине июня – началу июля) родители прогоняют. Молодежь стайками кочует по лесам, а к зиме присоединяется к паре взрослых – но не своих родителей. С ними проводит зиму, весной же взрослые выгоняют их со своего участка, и молодым приходится искать для гнездования другую территорию. Если кто-то из взрослых или оба не переживают зиму, их заменяют молодые птицы. Так участок обитания может существовать много лет – гораздо дольше жизни птицы (а она у пухляка в природе обычно не превышает 5 лет).

Питаются пухляки предпочитают беспозвоночными: различными насекомыми, пауками, но в холодное время года охотно едят и семена. Семян же зимой в таежной зоне птицам доступно немного. Это семена бурьянных растений, торчащих из-под снега, семена березы, если они сохраняются до зимы, семена ольхи из шишек. Но особенно хороши как корм семена ели: по сравнению с семенами большинства трав и других деревьев они крупные и очень питательные. Недостаток таких семян как птичьего корма – то, что ель плодоносит не ежегодно, а раз в 3-4 года, и, соответственно, корм этот то есть, то его нет. Кроме того, большую часть времени чешуйки шишек плотно прижаты, и семена для мелких птиц, которые не

У дупла. Фото Ю. Ляпустина

могут их открыть, недоступны. Раскрываются шишки только в ясную, солнечную погоду, когда они нагреваются и высыхают. Обычно это происходит в конце зимы, в марте. Реже шишки открываются в ясные теплые осенние дни. Когда при большом урожае шишки раскрываются, и семена начинают высыпаться, еловый лес превращается в гигантскую кормушку, и множество птиц – и синицы, и вьюрковые, и куриные – активно кормятся еловыми семенами.

Пухляки в такое время не только наедаются вдоволь, но и запасают семена – прячут их в разные укромные места на стволах и ветках. Они могут запасать и другой корм, когда его много, в том числе и насекомых. Места, куда спрятан корм, синицы не запоминают, отыскивая его позже так же, как спрятавшихся на зиму насекомых, обшаривая подходящие укрытия. Получается общий «банк кормов» – запасы может найти и другая птица того же или близкого вида. Это отличает синиц от других запасующих корм птиц, например от соек и кедровок, прячущих на зиму жёлуди и орешки кедра. Эксперименты, в которых оценивали скорость отыскивания этими птицами своих и чужих запасов, показали, что свои кладовые кедровки и сойки помнят и отыскивают намного быстрее, чем чужие. Одна птица делает на зиму несколько сотен кладовых и запоминает, где они все находятся.

Добывать корм зимой пухлякам, как и другим синицам, позволяют специфические особенности их поведения. Главное – это их умение отыскивать скрытые кормовые объекты (спрятавшихся беспозвоночных, семена в соплодиях) и извлекать их: расклёвывать укрытия, выковыривать, вытаскивать. Среди нашей орнитофауны это умеют далеко не все птицы. Например, трясогузка, пеночка, мухоловка или ласточка не могут извлекать спрятавшихся насекомых – у них нет для этого ни нужной программы поведения, ни специально устроенных клювов и лапок. Синицы же готовы расковыривать все, что угодно. Широко известна история о том, как в Англии обыкновенные лазоревки научились открывать вна-

чале оставленные на улице у порога дома торговцами молочные бутылки, закрытые крышечками из фольги, а позже – пакеты с молоком.

У нас на Костромской биостанции был интересный случай, иллюстрирующий способность пухляков к поиску скрытых кормовых объектов. Как-то раз, размечая по лесу маршрут для учётов птиц, мы развесили на ветках бумажные «флажки» – сложили небольшие листки бумаги вдвое, надели на ветки и закрепили по бокам канцелярскими скрепками. Через несколько дней обнаружили, что пухляки «разгрызли» листки бумаги сверху. Видимо, решили проверить, не прячется ли кто-то в пустом пространстве между бумагой и веткой. Как же тщательно они обследуют, сканируют все возможные закоулки в заснеженном зимнем лесу! Кроме умения находить и расклёвывать убежища насекомых и соплодия с семенами, синицам в их зимней жизни помогает еще одна способность – «подвешиваться» на ветках сбоку и снизу, в том числе вниз головой, прицепившись на согнутых лапках и крепко ухватившись коготками. Движение, которое они при этом выполняют, напоминает подтягивание спортсмена на перекладине. Для человека это упражнение достаточно трудное. Синицы же, благодаря особенностям строения своих нижних конечностей, выполняют подобные движения без специального усилия сотни раз в день. Это позволяет им осматривать ветки со всех сторон и находить убежища насекомых, в том числе, и снизу, под ветвями и хвоей.

Всего по данным зимних учетов в лесах Европейской России зимой насчитывается около 20-25 миллионов буроголовых гаичек. Всего же их в России, вероятно, в 5-7 раз больше. Много то или мало? Удивительное совпадение – оказывается, что по численности пухляков в России примерно столько же, сколько людей... А в Европейской России пухляков по сравнению с людьми примерно в 4 раза меньше. Казалось бы, что птиц, особенно самых массовых, должно быть больше, чем людей. Но это не так. Кроме того, численность пухляков, зимующих на территории Европейской России, снизилась за последние

Пухляк. Фото Ю. Ляпустина

Обследование. Фото В. Никифоровой

На рябине. Фото В. Никифоровой

три десятилетия более чем на четверть. Так, в 1980-1990 годах их было по расчетам 26-28 миллионов, в первом десятилетии двухтысячных – 21-26, во втором – 19-20 миллионов. Причины этого снижения не до конца ясны; основные среди них, вероятнее всего, это массовые вырубки таёжных лесов и изме-

нения климата. Влажные зимы с оттепелями пухляки переносят хуже, чем многоснежье и морозы.

Любители птиц в России очень много внимания уделяют редким видам. Это, конечно, правильно. Но пример буроголовой гаички показывает, что пора уже задуматься и о массовых видах птиц – ведь, на самом деле, не такие уж они и массовые... Особенно если учитывать «экономику природы». Одна гаичка весит в среднем около 12 граммов; один человек – допустим – около 60 килограммов. То есть, по биомассе пухляк в 5 тыс. раз меньше человека. Если количество пухляков и людей по численности на территории России примерно одинаково, то во сколько же раз больше люди потребляют ресурсов? Понятно, что в тысячи раз. При такой нагрузке на среду обитания выживание даже для самых массовых видов, если они нуждаются не в антропогенной, а в природной среде обитания, становится непростым делом.

Обычно, когда речь идет о «птице года», то встает вопрос – что мы можем для этого вида сделать? Основное, что может помочь гаичкам, это охрана места их обитания – взрослых хвойных и смешанных, таежных лесов – от уничтожения, от вырубок и пожаров. Ну, и кормушка зимой в лесу или невдалеке от него, конечно, тоже пригодится.

Е.С. Преображенская

Гаичка – серенькая птичка года

Когда меня попросили написать что-нибудь про «Птицу года» – гаичку, я сначала испугался, потому что птица эта, как кажется, ничем особенным не отличается. А потом заинтересовался этимологией этого слова. Энциклопедии сообщают, что «гаичка» – общее название нескольких видов синиц, обитающих в равнинных и горных лесах Евразии и Северной Америки. Что касается происхождения слова «гаичка», так же как и похожего по звучанию «гаечка», «гайка» – то тут полная неясность. Как известно, «гайка», «гаечка» – это «крепёжное изделие с резьбовым отверстием, образующее соединение с помощью винта, болта или шпильки». Какое отношение оно имеет к нашей синице?! Надо сказать, любители птиц постоянно ошибаются и пишут название синицы через букву «е». Начитавшись самых невероятных и экзотических версий, я всё-таки предложу свою, личную, биологическую, – хотя не являюсь лингвистом. Мне кажется, название лесной синицы «гаички» произошло от русского и украинского слова «гай» («дубрава, роща, лес»). Вот такое простое объяснение – «лесная птица». Действительно, ни гаичку без леса, ни нормальный лес без гаички я себе не представляю.

Наша семья долгое время жила в Молдавии, где я провёл своё детство и юность. Уже в старших классах я неплохо знал местных птиц, даже лично

общался с Иваном Михалычем Ганей, Николаем Ивановичем Зубковым – великими молдавскими орнитологами. Но так получилось, что родителей потянуло в нашу милую Россию, и мы волею случая оказались в Среднем Поволжье, в Ульяновске, а не в Калининграде, Волгограде или в Астрахани (как бы всё изменилось, случись иное...). Уже первые сентябрьские экскурсии в пригородный Северный лесопарк Ульяновска и на берег Куйбышевского водохранилища открыли для меня целый ряд «экзотических» видов, среди которых первой была буроголовая гаичка – пухляк. В Молдавии пухляки не обитали, а тут этими скромно окрашенными синичками леса были просто переполнены. Пушистое серовато-пепельное оперение, буроватее и темнее сверху, с чёрной «шапочкой» и тёмной «бобинкой» под клювом, более светлые «щёки» – вот и всё описание этой непримечательной птички. Голос пухляка со знаменитым гнусоватым «чжжжэээ-чжжжэээ-чжжжэээ...» известен многим любителям природы, живущим в лесной зоне и лесостепи нашей страны, как в европейской части, так и за Уралом. Чуть пахнёт весной – незатейливая, но звонкая свистовая приятная песенка буроголовой гаички оживит заснеженный тихий лес.

В Северном лесопарке Ульяновска, о котором я уже упомянул, целая аллея уже десятки лет завешана

Буроголовая гаичка. Фото Г. Катановой

всевозможными кормушками, на которых посетители подкармливают лесных птиц. Кроме вездесущих больших синиц, основные гости на этих кормушках – пухляки. Они настолько доверчивы к человеку, что часто, особенно в сильные морозы, садятся на протянутую ладонь с семечками. Конечно, такое бесстрашие подкупает; и вот ты, нагруженный нежареными семечками подсолнечника и несолёным салом, раз за разом проходишь «птичью» аллею, общаясь с этими пушистыми созданиями, которые встречают тебя как родного.

Так прошла зима, а в апреле, когда на лещине только стали распускаться почки, я стал свидетелем таинства – в осиннике пара гаичек делала дупло для гнезда. Синички совершенно меня не пугались, и можно было в деталях наблюдать за процессом с расстояния одного метра на уровне глаз. Пухляки не долбили, а выщипывали дупло в трухлявом высоком осиновом пне. Гнилая древесина была настолько мягкой, что легко мялась пальцами. Оставлю «Яндекс» подробности про гнездование, питание и другую «биологию» этих пичуг – там всё подробно прочтёте.

Интересно, что до сих пор пухляк остаётся строго лесной птицей. За прошедшие почти полсотни лет обычным городским жителем стала большая синица, кое-где (а именно, в Москве) – также и обыкновенная

Черноголовая гаичка. Фото С. Адамова

Сероголовая гаичка. Фото А. Андреева

лазоревка, а вот буроголовая гаичка лишь зимой и во время осенних миграций изредка заглядывает в большие городские парки, держится в пойменной «зелёнке», на городских улицах увидеть её случается очень редко.

Позже мне удалось в поймах рек Сура и Большой Черемшан найти и идентифицировать черноголовых гаичек (болотных), которые довольно редки в нашей местности, и их трудно отличить от пухляков.

Всего у нас в России три вида гаичек – буроголовая (пухляк), черноголовая и сероголовая. У всех этих видов ареал растянут, в основном, по лесной зоне и лесостепной подзоне Евразии. Но они все чётко разделены экологически. Сероголовая гаичка населяет северные таёжные леса, буроголовая (пухляк) – хвойные, смешанные и мелколиственные леса немного южнее, черноголовая – сырые широколиственные леса, урёмы вдоль рек в лесной зоне и лесостепи. Все они очень похожи друг на друга. Черноголовая и буроголовая гаички вообще – виды-двойники. Не каждый орнитолог сразу их различит. У пухляка окраска менее контрастная, непропорционально большая голова и короткий хвост, «шапочка» далеко заходит на спину, чёрное пятно под клювом большое и имеет скорее треугольную форму. Но, самое главное, у пухляка наружные опахала второстепенных и третьестепенных маховых имеют светлые каёмки, образующие светловатое поле на крыльях. Лучше всего, надёжнее, черноголовая и буроголовая гаички отличаются голосом. У черноголовой гаички более звонкие и сильные позывки, напоминающие писк детских игрушек. Сероголовая гаичка крупнее, у неё тёмно-бурый, а не чёрный голова, охристые бока, большое тёмное пятно под клювом.

Я честно искал, чем эти серенькие обычные птички отличаются от других, чем они оригинальны. Вроде ничего особенного. Но, что удивило: у маленьких, в 10 граммов, суетливых гаичек – пары образуются, как правило, на всю жизнь. Как у лебедей...

Олег Бородин

Орнитологические наблюдения на Витязевском лимане черноморского побережья Краснодарского края

Обследование лимана было проведено в период с 10 по 20 июля 2013 года. Наблюдения проводились, в основном, на территории, прилегающей к посёлку Витязево, входящем в черту города Анапа, а также в самом посёлке и на косе Анапская пересыпь. За этот период удалось выявить следующие виды птиц.

Чомга (*Podiceps cristatus*). Встречалась в небольшом количестве, не более 10 особей в пределах видимости. В основном они держались на открытой воде лимана вдаль от берега.

Большой баклан (*Phalacrocorax carbo*). Наблюдались стаями по 100 и более особей, в частности, когда совершали перелёты на ночёвку и обратно.

Волчок (*Ixobrychus minutus*). Судя по всему, гнездящийся вид. Две пары птиц наблюдались в пресноводном заливчике приустьевой части впадающего в залив ручья с зарослями тростника возле посёлка.

Большая белая цапля (*Casmerodius albus*). Единично встречалась на лимане среди малых белых цапель.

Малая белая цапля (*Egretta garzetta*). В некоторые дни на мелководьях кормились в количестве 60-70 особей.

Серая цапля (*Ardea cineria*). Держались на лимане у пос. Витязево в количестве обычно до 15 особей, реже – немногим больше.

Каравайка (*Plegadis falcinellus*). 17-19.07 на территории лимана у посёлка одновременно наблюдались не менее 130 особей, в другие дни – в меньшем количестве.

Огарь (*Tadorna ferruginea*). 10-11.07 встречены 3 птицы, 14.07 – 4 особи.

Пеганка (*Tadorna tadorna*). До 10 птиц отмечались 10-11.07. 14.07 встречена стая из 13 особей, 16.07 – 1 птица.

Кряква (*Anas platyrhynchos*). Три выводка и только одна самка отмечены 11.07. Две самки с выводками встречены на пресноводном заливе 19.07. В небольшом количестве отмечены линяющие самцы.

Чирок-трескунок (*Anas querquedula*). Один самец 11.07 и 9 особей 18.07 встречены возле пресноводного залива.

Широконоска (*Anas clypeata*). 2 самца и 1 самка наблюдались у пресноводного залива 12 и 18.07.

Болотный лунь (*Circus aeruginosus*). По 1-2 птицы отмечались у лимана в разные дни. Возможно, гнездится. 16.07 встречена молодая особь, по всем признакам, сеголеток, а также встречались кочующие неполовозрелые особи.

Чеглок (*Falco subbuteo*). 14.07 прилетал охотиться на ласточек, держащихся у лимана; также высоко летящая птица отмечена 19.07.

Кобчик (*Falco vespertinus*). Одна особь, пролетевшая над лиманом, замечена 16.07.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*). В разные дни наблюдались одиночные особи, охотящиеся в окрестности посёлка и у лимана.

Камышница (*Gallinula chloropus*). 2-3 пары гнездились возле пресноводного залива близ посёлка. Встречены выводки.

Малый зуёк (*Charadrius dubius*). Встречались в разных местах в небольшом количестве. Среди них были и молодые особи.

Чибис (*Vanellus vanellus*). Единственная встреча держащейся на лимане одиночной особи 18.07.

Ходулочник (*Himantopus himantopus*). Гнездящийся вид. В период с 10 по 20.07 встречались стаи, состоящие из взрослых и лётных молодых птиц. Максимальное количество птиц учтено 19.07 – 45 особей.

Шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*). На территории лимана, непосредственно прилегающей к пос. Витязево, гнездились 8-10 пар. В период наблюдений многие птенцы были ещё пуховыми, другие оперяющимися.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). Наблюдались в небольшом количестве в разные дни, в основном по 1-2, не более 10 особей. 14.07 пара птиц тревожилась на гнездовом участке. Другие пары к 10.07, по-видимому, уже отгнездились и начали кочевать.

Черныш (*Tringa ochropus*). В некоторые дни встречались по 1-2 особи.

Фифи (*Tringa glareola*). Наблюдались в количестве до 100 и более особей.

Большой улит (*Tringa nebularia*). В разные дни держались в количестве от 10 до 100 особей.

Травник (*Tringa totanus*). По 2-5 особей встречались 11, 16 и 18.07.

Поручейник (*Tringa stagnatilis*). В разные дни встречались в количестве до 10 особей.

Щёголь (*Tringa erythropus*). Одиночная особь отмечена 13.07 и, возможно, еще одна – 14.07.

Перевозчик (*Actitis hypoleucos*). В разные дни встречались в количестве до 10 особей.

Круглоносый плавунчик (*Phalaropus lobatus*). Одиночная особь зарегистрирована 10.07.

Турухтан (*Philomachus pugnax*). В период наблюдений самый многочисленный вид среди куликов. Их количество в некоторые дни оценивалось от 100 до 200 особей.

Белохвостый песочник (*Calidris temminckii*). Одиночная особь наблюдалась 19.07.

Краснозобик (*Calidris ferruginea*). Одиночная особь в брачном оперении держалась на лимане 11 и 12.07.

Песчанка (*Calidris alba*). 4 особи встречены 10.07.

Бекас (*Gallinago gallinago*). Пролетающие 3 особи были встречены 13.07.

Большой кроншнеп (*Numenius arquata*). Одиночная особь появлялась на лимане 12 и 16.07.

Большой веретенник (*Limosa limosa*). Встречена только 1 птица 19.07.

Черноголовая чайка (*Larus melanocephalus*). Одиночная особь в стае с другими чайками наблюдалась 19.07.

Озёрная чайка (*Larus ridibundus*). В течение периода наблюдений количество птиц данного вида, скапливающихся на лимане и держащихся в окрестностях, достигало 1000 особей. В основном это были взрослые птицы, прилетевшие на линьку. Среди них также были отмечены кочующие молодые особи. Больше всего чаек этого вида слетались на лиман на ночёвку.

Морской голубок (*Larus genei*). Несколько раз наблюдались по 1-3 особи.

«Серебристая» чайка. В период наблюдений самый многочисленный вид птиц на лимане. В большом количестве слетались на ночёвку. Например, вечером 19.07 их численность оценивалась не менее чем в 6000 особей. Гнездящиеся птицы к 10.07 уже в основном покинули колонии. Встречались лётные птенцы. По-видимому, основное количество птиц принадлежало к виду **средиземноморская чайка** (*Larus michahellis*), хотя раньше птицы из группы «серебристых» чаек для данной территории указывались как **хохотуны** (*Larus cachinnans*).

Белокрылая крачка (*Chlidonias leucopterus*). Несколько птиц отмечены у лимана 14.07.

Белощёкая крачка (*Chlidonias hybridus*). От 3 до 5 птиц появлялись над лиманом 10.07.

Чайконосная крачка (*Gelochelidon nilotica*). По-видимому, гнездились в окрестности лимана. Встречались ежедневно в количестве до 20-25 особей, в том числе с лётными молодыми; отмечены также беспокоящиеся птицы и особи с брачным поведением. Места, где предположительно были гнёзда, не осмотрены.

Чеграва (*Hydroprogne caspia*). Две особи пролетели над лиманом 10.07, одиночная взрослая птица, отдыхающая вместе с озёрными чайками, встречена 19.07.

Пестроносая крачка (*Thalasseus sandvicensis*). Возможно, гнездились в окрестности лимана. Встречались в разные дни в количестве от 1 до 8 особей. 19.07 наблюдалось, как вслед за взрослой птицей пролетела молодая, выпрашивая корм.

Речная крачка (*Sterna hirundo*). Ежедневно наблюдались в относительно небольшом количестве в основном по несколько особей, в том числе и с гнездовым поведением.

Малая крачка (*Sterna albifrons*). Наблюдались с гнездовым поведением в окрестностях лимана. Из крачек была самой заметной. В пределах видимости одновременно удавалось видеть до 38 особей. Среди них были и молодые птицы. В окрестности лимана предположительно гнездились не менее 20 пар.

Вяхирь (*Columba palumbus*). Несколько раз видел по 1-2 особи в районе лимана. 14.07 отмечено токование.

Сизый голубь (*Columba livia f. domestica*). Встречается в посёлке.

Кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*). Встречается в посёлке, где и гнездится.

Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*). Размножалась в районе лимана. Токование самца отмечено 11.07; один раз самец прокуковал утром 16.07. Самка, издавшая трель и держащаяся у тростников, встречена 13.07. В двух местах обнаружены кукушата, покинувшие гнёзда. Первый встречен 18.07, второй 20.07. В первом случае родителей-воспитателей достоверно определить не удалось: мелкая камышевка была с сильно изношенным оперением в состоянии линьки; предположительно это была индийская камышевка. Во втором случае кукушонка кормила тростниковая камышевка.

Чёрный стриж (*Apus apus*). В относительно небольшом количестве наблюдались стрижи, летающие над посёлком и лиманом.

Удод (*Uria eopops*). Одиночные особи встречены 11 и 18.07.

Сирийский дятел (*Dendrocopos siriacus*). Регистрировался в посёлке и на деревьях близ лимана. В том числе 18.07 встречена молодая птица.

Береговушка (*Riparia riparia*). Пролетевшая одиночная особь отмечена 16.07.

Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Обычный вид, гнездящийся в посёлке.

Воронок (*Delichon urbica*). Гнездящийся в посёлке вид, по численности не уступающий деревенской ласточке. 13.07 замечено скопление до 40 особей вместе с вылетевшими из гнёзд птенцами, держащаяся у тростниковых зарослей лимана.

Хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*). В небольшом количестве встречался на окраине посёлка и у пляжей морского побережья.

Полевой конёк (*Anthus campestris*). Несколько птиц с подозрением на гнездование встречены на Анапской пересыпи близ пос. Витязево.

Белая трясогузка (*Motacilla alba*). Встречались в посёлке, где гнездились, а также кормились на илах лимана.

Трясогузки из группы «жёлтых». Пролетали над лиманом несколько раз. Вероятнее всего, это **жёлтые трясогузки** *Motacilla flava*, начавшие послегнездовые перемещения 19.07.

Обыкновенный жулан (*Lanius collurio*). Рядом с лиманом близ посёлка обнаружены две гнездившиеся пары, 16.07 – слётки, выпрашивающий корм.

Чернолобый сорокопуд (*Lanius minor*). На Анапской пересыпи, недалеко от пос. Витязево, 18.07 встречен выводок и ещё одна территориальная птица.

Обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*). Держались в посёлке и у лимана, в основном стаями до 50-60 особей.

Сорока (*Pica pica*). В малом количестве встречались у посёлка и лимана.

Грач (*Corvus frugilegus*). Одиночный грач, держащийся у лимана вместе с серыми воронами, наблюдался 14 и 19.07.

Серая ворона (*Corvus cornix*). В разные дни держались у лимана, обычно в количестве до 10 особей.

Индийская камышевка (*Acrocephalus agricola*). Вероятно, в небольшом количестве гнездится в тростниковых зарослях у лимана. Поющий самец отмечен 12.07. 20.07 встречена одна, по всем признакам самостоятельная, молодая особь.

Тростниковая камышевка (*Acrocephalus scirpaceus*). Гнездилась в тростниках у лимана. Отмечались поющие самцы. 16-19.07 встречались слётки.

Дроздовидная камышевка (*Acrocephalus arundinaceus*). Гнездились в тростниках у лимана близ посёлка. Молодые птицы были встречены 14 и 17.07.

Пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybita*). Одиночная линяющая особь держалась в тростниках 16.07.

Обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*). Несколько раз встречалась у посёлка.

Усатая синица (*Panurus biarmicus*). Перемещающаяся по тростникам стая из 12 особей, где были и молодые птицы, встречена 16.07.

Ремез (*Remiz pendulinus*). Молодые особи, недавно покинувшие гнездо, были встречены 16 и 18.07; само гнездо было обнаружено 17.07. 19.07 в другом месте была встречена стая из 11 особей, в основном состоящая из молодых птиц. Судя по всему, у лимана близ пос. Витязево гнездились две пары ремезов.

Лазоревка (*Parus caeruleus*). Встречались в разных местах у посёлка. 16.07 отмечены 4 молодые особи, держащиеся в тростниках.

Большая синица (*Parus major*). В небольшом количестве держалась в посёлке.

Домовый воробей (*Passer domesticus*). Обычный вид, держащийся в посёлке.

Полевой воробей (*Passer montanus*). Встречались в меньшем количестве, чем домовые воробьи.

Зеленушка (*Chloris chloris*). Встречались на краю посёлка у лимана; часто держались вместе со щеглами по зарослям бурьянов.

Черноголовый щегол (*Carduelis carduelis*). Обычный вид. Держались в основном на краю посёлка.

Просянка (*Miliaria calandra*). 19.07 две особи пролетели у тростниковых зарослей лимана.

Камышовая овсянка (*Schoeniclus schoeniclus*). 3 особи перелетали вдоль берега лимана над тростниками 16.07. Возможно, здесь гнездились.

А. Варламов

Первый случай зимовки фламинго в России

Редкое событие наблюдается этой зимой в Самурском заказнике, на юге Дагестана. Стайка фламинго осталась зимовать на рыбопродуктивном пруду и соседней лагуне на побережье Каспийского моря.

Впервые инспекторы Дагестанского заповедника обнаружили этих редких птиц 10 декабря 2016 г. Тогда, по данным инспекторов, на пруды прилетело около 30 фламинго. Большая часть фламинго продолжили свой путь на юг, а небольшая стайка из 13 птиц осталась в заказнике. Птицы внешне выглядят здоровыми, активно кормятся, периодически перелетая с лагуны на пруды и обратно. Почти все птицы в стае молодые, только одна имеет характерный наряд взрослой, с розовым оттенком на крыльях.

Для справки. Фламинго – редкий охраняемый вид, занесенный в Красные книги России и Дагестана. Включён также в приложения СИТЕС, Боннской и Бернской Конвенций и другие международные соглашения по охране мигрирующих птиц. В Дагестане регулярно регистрируется на осеннем и весеннем пролете вдоль западного побережья Каспия, и иногда отмечается в летнее время. Зимующие птицы встречаются в Дагестане крайне редко, а такая стая отмечена впервые.

Территория Самурского заказника выделена Союзом охраны птиц России как КОТР международного значения (КОТР «Устье реки Самур»).

Г. Джамирзоев

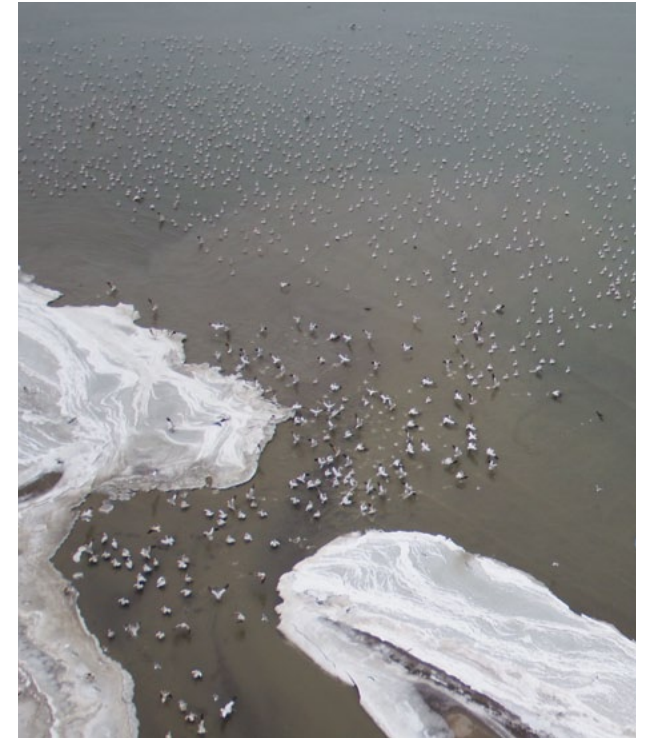
Зимовки кудрявого пеликана

Начало зимы в Северном Дагестане было отмечено довольно сильными морозами; в первой половине декабря температура падала до –20 градусов. Тем не менее значительное количество кудрявых пеликанов смогли пережить холода на побережье Аграханского заказника.

Вечером 12 декабря 2016 г. по дороге в заказник мы наблюдали массовый перелёт пеликанов со стороны КОТР «Ачикольские озёра» на восток, в сторону Аграханского заказника и устья Терека. Птицы летели стаями по 50-100-200 особей, в общем – до 3 тысяч, растянувшись более чем на 2 км.

При повторном учете 19 декабря в Аграханском заливе и прилегающих территориях наиболее крупные скопления кудрявого пеликана отмечены с самолёта на восточном побережье полуострова недалеко от устья Терека (около 1200 птиц) и на острове непосредственно в устье реки (около 300 птиц). Общая численность кудрявого пеликана в Аграханском заказнике составила около 1800 птиц, а на всем побережье от Махачкалы до Северного Аграхана – до 2 тыс. особей.

Г. Джамирзоев

На нескольких КОТР в Дагестане планируется создать ООПТ регионального и федерального значения

Несколько КОТР международного значения в Дагестане в ближайшие годы могут стать особо охраняемыми природными территориями федерального или регионального значения.

При поддержке ПРООН и Минприроды России подготовлена и подана в комитет МАБ ЮНЕСКО заявка на создание биосферного резервата «Кизлярский залив», в разные зоны которого попадают следующие КОТР: Остров Тюлений, Кизлярский залив, Нижнекумские

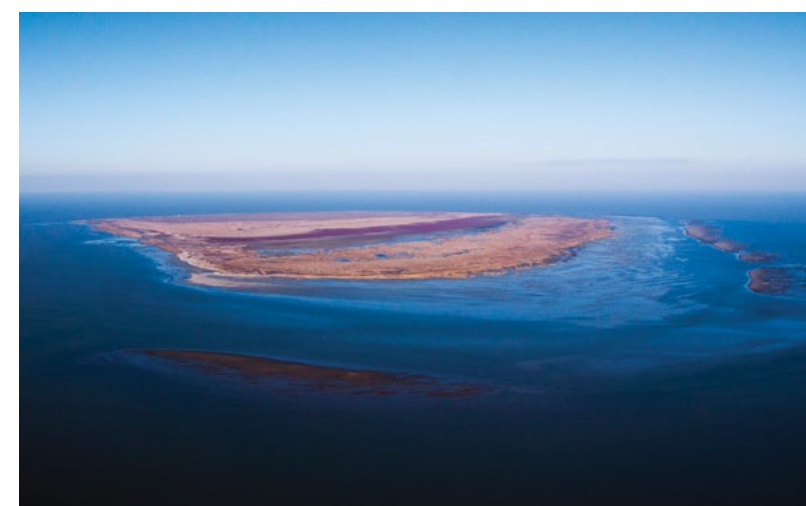
озера. В случае одобрения заявки, остров Тюлений может быть включен в состав Дагестанского заповедника в качестве биосферного полигона.

При поддержке Минприроды Дагестана ВВФ России подготовлены документы и прошли стадию общественных слушаний материалы комплексного обследования урочища «Муравейник» (КОТР «Сулакская лагуна») и озера Аджиджи (КОТР «Озеро Аджиджи»), на которых будут созданы ООПТ регионального значения.

ВВФ России начал работу по подготовке материалов комплексного экологического обследования территорий, предлагаемых в состав проектируемого Самурского национального парка, куда могут попасть такие КОТР международного значения, как урочища «Щур-Дере» и «Ламан-Кам», «Базардюзи-Шалбуздагские высокогорья», и собственно КОТР «Устье реки Самур» на территории Самурского заказника.

Отрадно отметить, что во всех этих проектах принимают участие члены Союза охраны птиц России.

Г. Джамирзоев

Остров Тюлений

Дистанционные методы исследования птиц

Под дистанционными способами исследования птиц обычно подразумевают всё методическое разнообразие, возникшее в последние десятилетия с развитием технического прогресса. Чаще всего в орнитологии дистанционные методы применяют в области исследования миграций. Классический способ их изучения и самый распространённый – кольцевание. Птиц кольцуют металлическими и пластиковыми, нередко цветными кольцами. Зачем? Ответ на этот вопрос знает даже троечник: чтобы выявить пути пролёта и обнаружить районы зимовки и концентраций мигрирующих видов. На лапку пойманной птицы надевают кольцо с номером и обозначением страны или центра кольцевания. Подразумевается, что окольцованная особь когда-либо сможет попасть в руки человека и тот вернёт колечко в национальный центр кольцевания или сообщит туда данные об обнаруженной птице. И эти надежды не лишены оснований. В целом метод работает неплохо. Так или иначе, птицы перемещаются над районами, заселёнными человеком, контактируют с ним и на путях пролёта, и в районах зимовки. Правда, чтобы получить необходимые данные, порой приходится кольцевать десятки тысяч птиц одного вида.

Иная ситуация с морскими птицами. Это особая экологическая группа пернатых. С суши они связаны лишь в период размножения. Остальное время проводят в море, где, за редким исключением, не сталкиваются с человеком. Для того, чтобы узнать, где держатся до и после размножения массовые виды морских птиц, их долгие годы кольцевали десятками тысяч – обычными металлическими кольцами. Увы, как правило, окольцованных морских птиц находили больными или погибшими уже на берегу. И то не очень часто. Стало ясным, что в отношении этой группы пернатых традиционное кольцевание – не слишком эффективный метод исследования. Районов концентраций птиц на акваториях морей и океанов выделить не удаётся, конкретные пути их пролёта установить невозможно. Да и есть ли они в реальности? Может быть, морские птицы следуют за скоплениями корма и не имеют чётко выраженных районов зимовки и миграционных путей?

В конце прошлого века появилась возможность изучения птиц с помощью спутникового слежения. Передатчик закрепляли на теле пойманной птицы, а его сигналы принимал приёмник на спутнике. Со спутника полученная информация пересылалась в наземный центр обработки, где исчислялись координаты места нахождения передатчика. В настоящее время спутниковые передатчики могут весить около 10 граммов, что позволяет использовать их на птицах с массой до 400-500 граммов. В нашей стране спутниковые датчики стали применять с начала 1990-х гг. Стоимость оборудования для такой программы

исследований очень высока и самым серьёзным образом ограничивает возможности исследователя. Чаще всего, денег хватает на датчики для 15-20 птиц. А если вид массовый и в период гнездования широко распространён на морских побережьях? Ясно, что данные от такого небольшого количества меченых птиц не могут полностью выявить все особенности миграций вида, насчитывающего несколько десятков тысяч, а иногда и сотен тысяч особей.

Но с помощью спутниковых датчиков удалось выявить принципиальные особенности миграции морских птиц. Например, норвежскими орнитологами было установлено, что стеллеровы гаги после зимовки в прибрежных водах у южного побережья Баренцева моря, из Варангер-фьорда, пересекая открытое море, отлетают к западному побережью Новой Земли, где совершают промежуточные остановки на пути следования к местам размножения в тундрах Западной Сибири. После размножения самцы возвращаются в эти районы для линьки. Визуально никто таких миграций не наблюдал, это была принципиально новая информация. Ранее, при анализе результатов визуальных наблюдений, большей частью попутных и случайных, было установлено, что стеллеровы гаги совершают миграции вдоль южной части Баренцева моря к местам зимовки, главным образом, у побережья Кольского п-ова и у берегов Финнмарка. Небольшое количество птиц следует через Белое в Балтийское море. Место массовой линьки самцов было известно у восточных берегов Кольского п-ова (у Терского берега). Таким образом, весь комплекс данных (визуальных наблюдений и спутникового слежения) позволил получить орнитологам гораздо более полное представление о характере миграций стеллеровой гаги и местах ее концентрации на акватории Баренцева моря.

Очень эффективно проявили себя спутниковые датчики и при изучении миграций белой чайки – обитателя полярных районов, предпочитающего в морях зону

Фото 1. Логгер крепится к кольцу на ноге птицы. Антенны датчика ориентированы вверх.

Фото 2. Моевка с логгером на гнезде. Земля Франца-Иосифа.

дрейфующих льдов. Для изучения миграций такого вида традиционное кольцевание совершенно неподходящий метод. Совместные российско-норвежские исследования с помощью спутникового слежения позволили закрыть многие белые пятна в сезонном распределении этого вида в Арктике.

В последние годы наиболее популярен другой вид приборов дистанционного сбора информации. Развитие микросхем позволило создать новый вид датчиков – логгерные метки (геолокаторы), в основе которых лежит хронометр и фотоэлемент. Датчик прикрепляется к кольцу птицы на лапку (фото 1). То есть он невелик. Уже есть логгеры массой около 2 граммов. Их можно ставить даже на такую морскую невеличку, как полярная крачка. Птицу выпускают на свободу, и прибор записывает показания освещённости через определенные интервалы времени. И никуда их не передаёт, хранит в памяти. Для того, чтобы получить информацию, через год необходимо поймать эту же птицу и снять датчик. Координаты нахождения птицы определяются по уровню освещённости и времени восхода и захода солнца. Точность такого определения невысока – 50-100 км. Ясно, что такие датчики лучше всего подходят для исследования «морских бродяг», кочующих на обширных океанских просторах, где ошибка в сто-двести км не имеет особого значения. Но в случаях изучения локальных перемещений птиц на акваториях ограниченной площади (например, в Белом море) такие датчики совершенно бесполезны.

Фото 3. Кольцо с логгером хорошо заметно даже на летящем люрике, но ему совершенно не мешает.

Кроме того, есть у логгеров и специфические «родовые травмы». Прибор сбивает в дни весеннего и осеннего равноденствия. И, что самое печальное, он не даёт корректной информации полярным днем и полярной ночью. Зато, по сравнению со спутниковыми датчиками, он дешёвый, а, значит, имеется возможность метить птиц сериями в разных частях видового ареала. Так, в настоящее время работает международная программа по изучению, с использованием логгеров, маршрутов миграций морских птиц в Баренцевом море.

Не зря говорят, что недостатки – это продолжение достоинств. Всем хороши логгеры, но отловить птицу второй раз?! В крупных и устойчивых колониях со стабильной кормовой базой это не становится большой проблемой. Но работать приходится не только в таких районах. Напротив, там, где всё хорошо и стабильно, «пенки» давно сняты. А там, где о миграциях птиц ничего не известно, там и работать порой чрезвычайно сложно. Например, на Земле Франца-Иосифа, где и обычных, стандартных данных о морских птицах не так много, как того бы хотелось. А уж об их миграциях и местах зимовки не известно НИЧЕГО. Простое кольцевание не работает. Вся надежда на дистанционные методы исследований. Но спутниковое слежение для таких массовых видов птиц, как кайры и моевки, люрики и бургомистры, вряд ли решит проблему. Ставка сделана на логгеры (фото 2-4).

На первый взгляд всё просто: обнаружил колонию, отловил птиц, поставил датчики и жди следующего сезона размножения. На практике всё гораздо сложнее. Вот, скажем, на Земле Франца-Иосифа наиболее известны колонии морских птиц на острове Гукера. В 2013 году группа орнитологов из международной экспедиции повесила логгеры на несколько десятков птиц из самых верхних участков (150-200 м) колонии скалы Рубини. Остальные части колонии и в этот исключительно тёплый и сухой сезон были практически недоступны. Увы, оказалось, что на следующий

Фото 4. Прежде чем поймать птицу с логгером, её надо обнаружить среди тысяч особей в колонии.

Фото 5. Бургомистр обнаружил приманку со снотворным препаратом, взял её в клюв...

Фото 6. ... и выбросил её подальше.

год вся скала была покрыта снегом и льдом, а подходы к ней с моря полностью забиты дрейфующим льдом. При всём желании попасть в колонию и отловить там птиц было невозможно. Практически вся дорогостоящая и очень трудоёмкая работа оказалась напрасной. Но есть и другие объективные сложности. Колонии птиц структурно неоднородны. У массовых колониальных видов наиболее устойчивы центры колоний, или «ядра». Периферийные участки очень динамичны, и состав птиц на них сильно меняется год от года. Но у гнездящихся на отвесных скалах птиц-базарников для отлова доступны, чаще всего, только краевые участки. Кроме того, птицы-базарники (моевки и кайры) сильно зависят от наличия в конкретном сезоне доступных массовых видов корма. Чем обильнее корм в предгнездовых районах откорма, тем большее количество птиц вернётся на следующий год на прежнее место гнездования и, соответственно, тем больше шансов поймать меченых птиц и вернуть датчики с информацией. Собственно, именно по этим причинам маршруты миграций и районы зимовок птиц одного вида в разных районах ареала изучены столь неоднородно.

Впрочем, некоторые виды морских птиц – например, крупные виды чаек, обладающие сложными формами трофического и социального поведения – могут дополнительно и целенаправленно осложнять работу исследователя. Методы отлова этих видов на практике применяют самые разнообразные. Различные ловушки, петли и даже приманки со снотворным. Как правило, большинство особей, особенно в крупных колониальных структурах, легко поддаются различ-

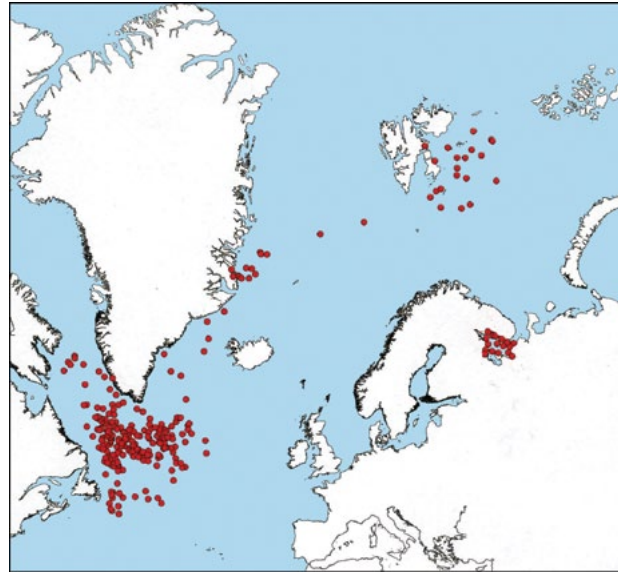

Рис. 1. Карта-схема сезонных кочёвок моевки из колонии на мысе Крутик (Восточный Мурман).

ным ухищрениям исследователя. Однако наиболее опытные особи нередко вступают в персональную дуэль с ловцом, благополучно избегая его разнообразных каверз в виде ловушек и приманок. Эти конкретные особи демонстрируют полное понимание ситуации и нередко распознают своего «обидчика» среди сторонних людей. В таких случаях легче пренебречь данной птицей и попытаться поймать другую. Увы, иногда в районе исследования количество птиц данного вида столь мало, что пренебречь даже одной особью невозможно. На фото 5-6 показана одна из попыток отлова самца бургомистра. Птица внимательно наблюдала за посещением человеком своего гнезда, обнаружила приманку со снотворным препаратом, взяла его в клюв, вынесла за пределы гнездового участка и выбросила.

И все-таки усилия орнитологов, в конце концов, приводят к успеху. Появилось четкое представление о характере и маршрутах миграций многих видов морских птиц. Например, на рис. 1 показана рабочая картосхема с данными о размещении одной из моевок с мурманского побережья во внегнездовой период. Красными точками на карте отмечены координаты пребывания этой птицы осенью, зимой и весной.

Применение логгеров позволило не только разобраться в специфике миграций типичных морских птиц, получить представление об индивидуальных маршрутах конкретных особей, но и выявить сезонные места концентраций птиц из различных районов ареала на океанических просторах. В наше время, когда экономическая деятельность человека все более нарушает морские экосистемы, морские птицы как биологические индикаторы позволяют отслеживать эти изменения. Полученная с помощью логгеров информация поможет четче спланировать мероприятия по сохранению морских птиц для будущих поколений.

Ю.В. Краснов

Урагус (*Uragus sibiricus*) на юго-западе Москвы

Вечером 24 февраля 2016 г. при осмотре мест зимовки чёрных дроздов в ООПТ «Ландшафтный заказник «Тёплый Стан» я встретил самца урагуса, который сидел на высоком стебле чернобыльника *Artemisia vulgaris*¹ и кормился его семенами. Под ним на снегу копошились большие синицы.

Не каждый день удаётся встретить эту птицу, поэтому я более часа наблюдал за ней, и ещё около 4 часов в последующие дни. На сегодня известны только две встречи урагусов в Москве и Подмосковье – весной 2001 г. и летом 2005 г. (см. В. Конторщиков, М. Калякин. Первые встречи урагуса в Московском регионе // Новости программы Птицы Москвы и Подмосковья, № 2, сентябрь 2005 г. С. 25-26).

В период наблюдений (24-27 февраля) было тепло, от +1 до +3°C. Преобладала ясная безветренная погода. Дважды ночью шёл снег, а днём он, задержавшийся на соснах, активно таял – как будто шёл настоящий дождь.

В литературе я не нашёл подробного описания питания и поведения данного вида. А в период пребывания его «в гостях» мне удалось подсмотреть отдельные моменты из его жизни.

Все дни урагус держался на двух небольших участках зарослей бурьяна площадью примерно в 100 и 60 м², располагающихся на склоне в узкой, от 4 до 7 м шириной, полосе между лесом и бордюрными посадками боярышника вокруг пруда. Первый, больший участок, где я обнаружил птицу, начинается от устья оврага, по которому сбрасываются талые воды в пруд, второй отстоит от него на 20-25 м к западу.

По моим наблюдениям, более 90% времени урагус тратил на кормёжку. Кормясь семенами чернобыльника, птица много раз перемещалась. Покормившись на польни, она слетала на снег и подбирала выпавшие семена. После этого урагус перелетел на ближний куст боярышника с сохранившимися плодами. Усевшись возле плодов, он отщипывал от одного из них мякоть и съедал её. В период наблюдения плоды были мягкими, т.к. оттаяли. Поев немного мягкой сочной пищи, урагус вернулся в бурьян, уселся на стебель городского гравилата *Geum urbanum* ниже корзинки с семенами и, вытянувшись вверх, стал выдергивать и поедать семена. Затем снова полетел в боярышник, где в то время находились несколько больших синиц, и набросился на одну из них. Та улетела, а остальные синицы продолжали кормиться, не обращая внимания на случившееся. После стычки урагус принялся в очередной раз кормиться плодами боярышника. При этом птица не обкусывала полностью мякоть плода, а, отщипнув несколько раз от одной ягоды, принималась за другую.

¹ Растения определены геоботаником Г.А. Крюковой, которой мы выражаем глубокую признательность.

После кормёжки урагус уселся на солнечной стороне куста и просидел так 2-3 мин, отдыхая и осматриваясь.

Потом птица перелетела на куст ивы, примерно в 30 м от устья оврага. Приблизившись к нему на 2,5-3 м, я увидел, что урагус снова кормится, на этот раз ягодами сладко-горького паслёна *Solanum dulcamara*, который густо оплетал ветви ивы. После нескольких минут активной кормёжки на одном месте птица перебиралась к другой кисти с плодами и продолжала спокойно есть. Плоды съедались целиком, лишь иногда оставались оболочки. Наевшись, урагус переместился на противоположную сторону ивы и, немного посидев, нырнул в нижнюю часть соседнего куста, заваленного старыми отмершими ветвями, присыпанными снегом, – по всей видимости, для отдыха. У основания этого куста в ненастную погоду иногда прячутся и чёрные дрозды.

Продолжив наблюдение, я увидел, как из куста вылетели урагус и большая синица и направились в сторону бурьяна. На этот раз урагус покормился немного на польни, немного на боярышнике, затем снова слетел в бурьян.

Через сутки, 26 февраля в середине дня, я издали заметил урагуса в компании больших синиц в нижней части ивового куста, где рос паслён. При моем приближении на 5-6 м синицы улетели, а урагус остался. Он что-то доедал. Когда расстояние между нами сократилось до 3 м, урагус оживился, перебрался выше, в середину куста, уселся возле кисти с ягодами паслёна и продолжил кормёжку. При моей попытке подойти ещё ближе, птица поднялась ещё выше и стала усердно чистить клюв и подергивать хвостом. Успокоившись и немного выждав, еще раз почистила клюв, под села к следующей кисти паслёна и продолжила пиршество.

Позднее урагус улетел кормиться на первый участок бурьяна. При моей попытке подойти к нему ближе, чем на 3,5 м, он перелетел на второй участок, где ел семена польни в компании не менее 30 больших синиц. Когда я подошёл туда, он стал удаляться, перелетая

Урагус на боярышнике.

Урагус, кормящийся на чернобыльнике.

сначала по бурьяну, затем по нижним ветвям боярышника. Достигнув последних кустов, уселся в верхней части кроны. Через некоторое время он вернулся на второй участок, где сначала кормился семенами полыни, а затем перебрался на куртинку со смешанным набором сорных растений, выбрав на этот раз щавель туполистный *Rumex obtusifolius*. Потом птица полетела в направлении куста с паслёном, а позднее вновь была встречена на бурьяне. На этот раз, после очередного кормления семенами полыни, урагус спустился на снег, поискал корм и, ничего не найдя, по снегу направился к тротуару. Что он делал на тротуаре, видно не было, но, скорее всего, кормился мякотью плодов боярышниковой падалицы, раздавленной прохожими – как это часто делали ранее рябинники, чёрные дрозды, большие синицы и лазоревки. Люди, шедшие по дорожке, вспугнули урагуса, и на этом наблюдения закончились.

В третий раз, 27 февраля, в первой половине дня я застал урагуса кормящимся семенами чернобыльника. Время от времени он перемещался на несколько метров. Иногда вокруг него собиралось некоторое количество больших синиц, скрупулёзно обследовавших стебли сорных растений. Потом урагус перелетел на боярышник, где поедая его плоды, временами очищая клюв о ветви. На этом мы расстались до вечера.

Вечернее наблюдение было предпринято для установления места ночёвки урагуса. Как и накануне, в 17.15 я нашёл его в ивняке у плодов паслёна. В течение 1 часа 9 минут я вёл наблюдение, стоя от него сначала в 3-4 м, потом немного дальше, чтобы не оказывать на него давление. Урагус продолжал кормиться, не обращая на меня внимания. За это время он сменил восемь точек в пределах куста и дважды садился на заснеженные толстые ветки и усердно клевал снег, утоляя жажду.

Каждый раз при смене места кормёжки – а когда она затягивалась, то и во время неё – урагус чистил клюв о веточки. Доев очередной плод, он сидел на том же месте 2-3 мин, втянув голову в плечи; затем осматривался. После короткого отдыха перебирался к новому месту.

Рябинник, кормившийся на боярышнике, после захода солнца (17.58) улетел на ночёвку в ближний сосняк, а урагус продолжал есть. Спустя еще 6 минут, когда и серые вороны отправились на ночёвку в жилой квартал, он отдыхал после очередной трапезы. В этот момент я тихо засвистел, урагус прервал отдых, засуетился, задвигал хвостом, спустился ниже, активно прыгая по ветвям. Снова поднялся сантиметров на 40 выше, уселся выше кисти паслёна и, немного посидев спокойно, вернулся к кормёжке. Закончил урагус только в 18.24, когда стало уже довольно темно. Немного посидел, почистил клюв, запрыгал по ветке, поднимаясь выше. С этой позиции он отправился на ночлег к основанию соседнего старого ивового куста, где он однажды уже отдыхал в светлое время. Урагус выбрал для ночёвки небезопасное место – внизу, у самого снега. В пяти метрах находились сосновые посадки, где регулярно ночуют и укрываются от непогоды и хищников чёрные дрозды и рябинники – обитатели боярышниковых зарослей.

28 февраля утром и 29 вечером птицу обнаружить не удалось. Возможно, она перелетела через Ленинский проспект в кустарниковую пойму реки Самородинки с бурьянами, луговинами и сырыми западинами; именно такие местообитания характерны для этого вида в Сибири. Не исключено, что к пруду урагус и прилетал как раз из поймы.

Полагаю, что птица улетела не из-за недостатка кормов. Плоды паслёна и боярышника еще оставались, не говоря об обилии сорных растений. По-видимому, отлёт объяснялся исключительно приверженностью к кочевому образу жизни.

В результате непродолжительных, но продуктивных наблюдений (суммарно 5 часов за 3 дня) удалось выявить некоторые самые общие черты экологии этого «сибиряка». В целом птица вела себя дружелюбно с другими видами, по крайней мере, с большими синицами, в окружении которых она находилась значительную часть времени, лишь изредка проявляя агрессию по отношению к отдельным особям. На такую её особенность в летнюю пору указывал и В. Конторщиков (2005).

Несмотря на то, что в зарослях бурьяна, где кормился урагус, присутствовали и другие широко распространённые виды сорных растений (лопух большой *Arctium lappa*, крапива двудомная *Urtica dioica*, василёк луговой *Centaurea jacea*, норичник шишковатый *Scrophularia nodosa* и др.), урагус использовал в качестве корма семена только трёх видов, отдавая явное предпочтение полыни обыкновенной (чернобыльнику), возможно, из-за её обилия.

Кормление урагуса проходило по одной и той же схеме: семена – мякоть плодов. Краткость периода наблюдений не позволяет говорить о закономерности, но поведение птицы, которая вела себя естественно, кормилась размеренно и относительно долго, свидетельствует о том, что для неё это привычно.

Анализ помёта урагуса показал, что семян паслёна в нём не было, т.е. птица не проглатывала семена вместе с мякотью. Они оставались на ветках, об которые птица чистила клюв. То есть, отщипнув порцию ягоды, урагус усердно отделял мякоть от обильных семян, которые в результате такой операции оказывались у него на подклювье. Когда семян накапливалось много, он счищал их о ветви. Поэтому, кормясь паслёном, птица чаще чистила клюв, чем при кормлении плодами боярышника.

Урагуса нередко содержат в клетках, он легко выкакает к неволе. Не беру на себя ответственность рассуждать о причине появления этой птицы в Москве. Подчеркну лишь, что осмотр с близкого расстояния и многочисленные фотографии птицы подтверждают, что она здорова и лишена каких-либо признаков повреждения перьевого покрова, как и других свидетельств содержания этой особи в неволе.

Е.А. Даниленко
Фото автора

Птицы Антигуа и Барбуды

В феврале 2016 г. мы провели орнитологические исследования в государстве Антигуа и Барбуда (в переводе с испанского «Древний» и «Бородатый»). Оно расположено на севере Малых Антильских островов (южная часть Карибских островов), который населяют потомки рабов, торговцев, пиратов и рабовладельцев. С запада их омывает Карибское море, с востока – Атлантический океан. В состав государства входит три острова – Антигуа, Барбуда и маленький вулканический необитаемый Редонда, объявленный охраняемой природной территорией. С 1632 г. острова вошли во владения Великобритании. С 1670-х гг. самый крупный о. Антигуа (15x19 км) стали использовать для выращивания сахарного тростника и хлопка, в результате чего сведено 92% растительности. В 1960-х гг., после демпинга цен на тростниковый сахар, его производство прекратилось, и остров зарос вторичной растительностью, главным образом разнообразными акациями, лианами и кустарниками. Остатки первичных дождевых лесов остались в более холмистой юго-западной части острова на двух лесных участках. Только в них обитают типично лесные виды, такие как красношейный голубь, антильская эуфония, жемчужноглазый и чешуегрудый крикливые пересмешники и американская горихвостка. Эти два лесных участка являются ключевыми орнитологическими территориями. Остальные восемь КОТ на Антигуа – пресноводные водоёмы, поддерживающие водоплавающих и околоводных птиц. Фоновые виды таких водоёмов – голубокрылый чирок, багамская шилохвость, желтоногий и пёстрый улиты, мексиканский ходулочник, малая голубая цапля. Небольшой остров Барбуда, в отличие от Антигуа, покрыт первичной растительностью, главным образом ксерофильными кустарниками. На нём единственный посёлок Кодрингтон, где живет всё население острова. Туристы посещают Барбуду нечасто, главным образом, это бёрдвотчеры. Их цель – увидеть барбудского лесного певуна, эндемика острова, а также самую большую в мире (5-6 тыс. особей) колонию великолепного фрегата. Наиболее обычные виды, встречающиеся повсеместно на обоих островах – банановый и золотистый лесные певуны, земляная воробьиная горлица, бородастая снегириевая овсянка, чернолицый тиарис и хохлатый

колибри, а также эндемики Карибов – белошапочный голубь и антильская горлица. Всего мы отметили 65 из 182 видов, включая зимующие североамериканские и местные, в том числе эндемики.

Фото авторов см. на 3 обложке.

Полную версию статьи можно посмотреть по ссылке: <http://www.rbcu.ru/information/1883/32986/>

Е.И. Ильешенко, В.Ю. Ильешенко

ДВУХЭТАЖНАЯ КВАРТИРА

Снимок сделан в июне 2016 на даче в Талдомском районе Московской области. В скворечнике на одной из берёз традиционно селятся мухоловки и синицы. В этот раз скворечник после птичьих «разборок» достался синицам и они стали высиживать там птенцов. Но молодая семья рябинников также облюбовала это место и соорудила своё гнездо прямо на крыше скворечника. Каким-то образом эти птицы смогли договориться о совместном проживании и, что очень странно, мирно прожили почти месяц, пока не поставили на крыло сначала синичек, а потом уж и дроздят.

А. Киселёв
Фото автора

Безумие скотовода

То, что любые природные угодья, используемые в хозяйстве человека, имеют пределы устойчивости, – общеизвестно. Наиболее древним способом природопользования в степях является выпас. Превышение пастбищной нагрузки губительно как для степных экосистем, так и для выпасаемых животных, а, следовательно, и для хозяйства животноводов.

Казалось бы, все сказанное представляет собой простую истину, но история степного скотоводства дает многочисленные примеры грубого пренебрежения ею, что каждый раз приводило к экологическому кризису. Разрушение растительного покрова и нарушение почвенного слоя вызывали бескормицу и массовый падеж животных. Обнаженные неумеренной пастбищной почвой подвергались ветровой эрозии, что служило причиной возникновения пыльных бурь. В результате некогда богатые пастбища превращались в рукотворные пустыни, и скотоводы были вынуждены бросать привычные места в поисках земель, еще не подвергшихся истощительному воздействию перевыпаса.

Неспособность скотовода бережно относиться к кормилице-степи сегодня кажется навсегда ушедшим анахронизмом. Ведь за окном XXI век! Многочисленные институты и опытные хозяйства разработали нормы и сроки пастбищности животных, оформленные в виде законодательно закреплённых документов, обязательных к исполнению. Отвечают за выполнение установленных законом норм органы местного самоуправления. Да и сами современные животноводы не должны бы уподобляться своим малограмотным предкам, неоднократно оказывавшимся в положении человека, подрубившего тот самый сук, на котором он сидел.

Тем более парадоксальным представляется происхождение сегодня на пастбищах Ремонтненского района Ростовской области. А происходит масштабный перевыпас. Со всеми признаками экологического кризиса и сопутствующими явлениями.

Заповедник «Ростовский» пытался призвать животноводов, ведущих хозяйство на сопредельных территориях, к соблюдению установленных норм и

сроков пастбищности. На заседание научно-технического совета были приглашены как скотоводы-землепользователи, так и представители администраций Орловского и Ремонтненского районов. Но и те, и другие это приглашение проигнорировали.

Уже осенью стало ясно, что пастбища стравлены до предела. Сено на зиму многие скотоводы не заготавливали и не закупали. Нормы нагрузки на пастбища были превышены практически всеми землепользователями в 3 – 6 раз!

Недостаток кормов на пастбищах приводил к многочисленным попыткам нарушения границ заповедных участков. Как правило, скот загонялся в заповедник на ночь, в надежде, что инспекторы не заметят. Тем не менее, нарушения выявлялись, составлялись протоколы, взыскивались штрафы. О том, что нарушителями заповедного режима часто становились одни и те же животноводы, свидетельствуют данные отдела охраны. В 2015 году выявлено 5 злостных нарушителей. Двух «рекордсменов» наказали по 7 раз.

В наступившем 2016 году противостояние заповедника и скотоводов продолжается. Так, задержанный 7 раз в 2015 г. Магомед Расул Сулейманов уже дважды нарушил заповедный режим в 2016 г.

Показательно, что не все скотоводы, пасущие свои стада вблизи заповедника, имеют документы на аренду пастбищ. Этого не могут не знать работники районной администрации. Как и не могут не видеть происходящего на опустошенных перевыпасом пастбищах.

Совместный выезд сотрудников научного отдела заповедника и инспекторов по охране выявил страшную картину. На полностью сбитых пастбищах бродят стада исхудавших коров и овец. Многие животные, уже не имея сил двигаться, обречённо лежат или стоят посреди изуродованной степи. Многочисленные трупы животных привлекают хищных птиц. Орланы-белохвосты парят над стадами в ожидании свежей падали или пируют на разорванных волками трупах.

Скотомогильник, не оборудованный по существующим нормам, полон трупов овец и открыт для хищных зверей. И хищники пользуются доступной пищей, о чем свидетельствуют следы волков. Вокруг скотомогильника разбросаны трупы коров и овец, открыто лежащие на местности.

Жалкое зрелище представляют изреженные лесополосы. На доступном для голодного скота уровне деревья и кустарники обглоданы. Травяной покров того, что еще недавно было степью, уничтожен. Размокшая от талых вод почва обнажена и изрыта следами копыт. В ближайшее время потепление сделает её доступной для ветровой эрозии. Это значит, что ожидаются почти забытые пыльные бури.

Дикие обитатели степи лишены укрытий. Затаивающиеся при приближении автомобиля зайцы

видны за десятки метров. А куропатки выглядят так, будто бегут по асфальтовому покрытию.

Возникает резонный вопрос: могут ли так вести хозяйство люди на своей земле? Скорее, такой «стиль природопользования» характерен для колонизаторов, стремящихся в сжатые сроки выжать из чужой земли все, что можно. Но возможно это только при попустительстве районной власти.

До весенней травки ещё далеко. Падеж скота и стравливание пастбищ будут продолжаться не менее полутора месяцев. Значит, трупов станет ещё больше. Волки войдут в брачный период в откормленном состоянии, и в положенное время принесут многочисленное потомство. А отсутствие соблюдения элементарных правил ветеринарии по захоронению павших животных вполне может привести к развитию эпизоотий среди ослабленных бескормицей животных.

В ожидании падали. Фото автора

Логично задать два вечных вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?».

А.Д. Липкович

О сером гусе в Амурской области

Трансформация естественных ландшафтов в результате деятельности человека нередко осуществляется так быстро, что многие виды животных не успевают приспособиться к изменениям. В таких случаях одним из важных способов сохранения вида становится его разведение в неволе. Муравьёвский парк устойчивого природопользования (Тамбовский р-н Амурской области) ведёт работу по вольерному разведению серых гусей с последующим выпуском молодняка в природу.

Серые гуси, когда-то многочисленные в Амурской области, стали заложниками интенсивного освоения целинных и залежных земель в середине 50-х годов прошлого века. Распашка земель, осушительная мелиорация, неумеренная охота и ухудшение обстановки на местах зимовок привели к тому, что этот гусь стал здесь очень редким.

Вот что писал о серых гусях орнитолог Л.М. Баранчев (1953): «Много серого гуся во время весеннего пролёта. Большие скопления гусей весной наблюдаются в Кагановичском [так назывался Октябрьский район до 1957 г.], Ивановском, Тамбовском, Константиновском, Благовещенском, Серышевском и Мазановском районах, но особенно славятся добычливой весенней охотой Константиновский и Тамбовский районы». А вот что пишет в наши дни А.И. Антонов (2000), орнитолог из Хинганского заповедника, изучавший диких гусей на Архаринской низменности: «Серый гусь <...> встречается на пролёте единично». Таким образом, за 50 лет численность серых гусей в Амурской области катастрофически снизилась, и те немногие серые гуси, которые еще прилетают к нам весной на гнездовье, без помощи человека восстановить популяцию не могут. Ситуация с серым гусем в Амурской области, как и на всём Дальнем Востоке России, крайне осложнилась в наши дни. Браконьерский отстрел охотниками, обеспеченными современным оружием,

высокопроходимой техникой, электронными манками и другими приспособлениями для охоты, ставят серых гусей под угрозу исчезновения не только в Амурской области, но и на всём Дальнем Востоке.

Серый гусь занесён в Красную книгу Амурской области. Но в нынешних условиях это не более чем декларация. Весенняя охота на гусей – белолобых и гуменников – в Амурской области разрешена. Но кто из охотников, да ещё в ранние утренние и поздние вечерние часы, когда видны только силуэты птиц, отличит серого гуся от гуменника? Так весенняя охота на разрешённые к отстрелу виды гусей, при низкой орнитологической грамотности охотников, становится тем фактором, который приведёт популяцию серых гусей Амурской области к полному исчезновению.

Зная о крайне бедственном положении серых гусей в Амурской области, почему-то ни общество охотников, ни природоохранные организации, которые должны заботиться о восстановлении численности исчезающих и редких видов животных, не следуют примеру Муравьёвского парка и не пытаются искусственно разводить серых гусей для восстановления популяции. Общеизвестны плачевные факты исчезновения некоторых видов птиц Амурской области, которые когда-то были охотничьими. Исчезли дрофа, бородастая куропатка, лысуха. Но вот работы по восстановлению популяций исчезнувших видов ни со стороны охотпользователей, ни со стороны федеральных и областных природоохранных учреждений не видно.

Меня поражает и равнодушие наших граждан, отдавших судьбу гусей, как и других охотничьих видов птиц, на откуп охотникам. Во введении к Федеральному закону «О животном мире» (от 24.04.1995 N 52-ФЗ) написано: «Животный мир является достоянием народов Российской Федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия

Опять падеж. Фото автора

Земли, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации». Так неужто мои сограждане-амурчане не испытывают духовных потребностей в общении с живой природой? Неужели большинству из нас безразлична судьба птиц, которых убивают весной, когда они спешат к своим гнездовьям для продолжения рода? А можно ли вести речь о «рациональном использовании» охотничьих видов птиц при их отстреле весной? Крестьянин, прокормив всю долгую зиму на своём подворье кур, уток, гусей, никогда не зарубит хотя бы одну из птиц весной. Он знает, что нельзя резать птицу, несущую золотые яйца. Утрачены крестьянский образ жизни, крестьянское мышление и смекалка – живём одним днём.

Животный мир, в том числе и птицы – достояние народа Российской Федерации, и народ, осознавая это и учитывая свои духовные и материальные потребности и рационально используя животные ресурсы, должен сказать «нет» весенней охоте на птиц.

Конрад Лоренц, один из основоположников этологии, науки о поведении животных, лауреат Нобелевской премии, написал очень интересную книгу – «Год серого гуся» (М.: 1984), которую я настоятельно рекомендую всем прочитать. Много лет занимаясь изучением серых гусей, он написал в ней такие слова: «Гуси обладают поистине человеческой способностью испытывать горе, и я категорически отрицаю, что сказать так – значит впасть в недопустимый антропоморфизм. <...> Животные гораздо менее умны, чем вы привыкли думать, но в чувствах и эмоциях они куда меньше отличаются от нас, чем вы считаете».

В.А. Дугинцов

Утка массового поражения

Бюрократическая инструкция – жанр особенный. Она пишется кулуарно, распространяется по узким кругам и служебным каналам, ей вполне позволительно быть бессмысленной и даже абсурдной. Главное, что в какой-то момент она возникает перед ничем не подозревающим гражданином и делает его жизнь ярче. Как? Элементарно: превращая рядовую проблему в экстремальный квест с приключениями.

Эта история началась довольно обыденно – в офис Союза охраны птиц России позвонили с телеканала «Москва 24», сообщили, что у Братеевского моста массово гибнут утки, и попросили это прокомментировать. Вместе со съёмочной группой я выехала на место. Там вдоль берега Москвы-реки в изобилии валялись утиные останки, в основном уже обглоданные до скелета местными падальщиками. И одна совсем свежая тушка кряквы, вполне пригодная для исследования причин гибели. В присутствии корреспондента и оператора телеканала я забрала эту тушку и упаковала для передачи в ветлабораторию. Ведь эпизоотии среди городских птиц – это серьёзно: они способны сильно подорвать их численность, а кроме того, некоторые могут представлять опасность и для людей.

На следующий день мы поставили в известность Департамент природопользования и охраны окружающей среды – и позвонили в Московскую городскую ветлабораторию. Где нас огорошили сообщением, что без заключения ветеринара станции по борьбе с болезнями животных ЮВАО крякву принять не смогут. Потому что инструкция запрещает принимать на исследование биоматериалы от населения. Мотивировка запрета замысловата: то ли место может быть указано неправильно, то ли птица может оказаться подложной. Вопросы, кому и зачем такое может понадобиться, а также откуда этот кто-то возьмёт другую дохлую утку

для подлога, так и остались без ответа... Однако сотрудники станции, будучи ответственными людьми, попытались всё-таки разрешить коллизию, съездив вместе со мной на место, чтобы найти там ещё хотя бы один трупик, чтобы изъять его самим «по уставу».

Однако не повезло – отмахав полтора километра по берегу, мы отыскали массу костей и перьев, но ни единой сколько-нибудь целой тушки. Для анализа всё это не годилось. Возникла дилемма: факт падежа был официально зарегистрирован, но единственным пригодным биоматериалом была наша «неофициальная» утка.

И началось шоу. В Комитете по ветеринарии сначала отказались признавать проблему вообще, потом долго искали, к кому следует обращаться. Потом кто-то вспомнил, что инструкция не мешает проводить анализ биоматериалов от частных лиц, если они за это заплатят. Видимо, факт платежа автоматически исключает и подлог, и неправильное указание места... Замечание, что мы вообще-то не частное лицо, а природоохранная организация, вызвало протрацию. В итоге очередного звонка мы наткнулись на очередного чиновника от ветеринарии, который заявил, что мы должны соблюдать установленные правила. А на вопрос, где обычно человеку о них узнать, заявил, что незнание закона не освобождает от ответственности. А утку принять на анализ всё равно нельзя, потому что инструкция... и так далее по кругу.

Миновал рабочий день. И ещё один. Покойная утка прочно оккупировала наш холодильник. Мы продолжали названивать разнообразным чиновникам и задавать свои неудобные вопросы. Если это действительно опасное заболевание, кто возьмёт на себя ответственность за возможные последствия? Может быть, автор проблемной инструкции? Где сознательный гражданин, узнавший о факте массового падежа

среди диких птиц, должен узнать, куда и как обращаться по этому поводу? Почему ему предлагается не только проявить завидное усердие в поисках нужных мест и контактов, но ещё и заплатить за анализ круглую сумму? Наконец, как эта поразительная система может способствовать предотвращению эпидемий среди птиц и людей?

Тут мы уже стали подумывать, не сделать ли из этого телешоу. С усопшей кряквой в главной роли, которая массово поражает ветеринаров Москвы одним фактом своего существования. В процессе переговоров всплыла ещё одна инстанция, Мосветобъединение, где сообщили, что это не их вопрос и нам следует обратиться в Комитет по ветеринарии. Мы в очередной раз обратились туда. На удивление, повезло: попали на компетентного человека, и после каких-то шести звонков вышли на начальника отдела противоэпизоотических и лечебно-профилактических мероприятий И.С. Сафонову. И свершилось чудо – проб-

лема была разрешена в течение часа. Сошлись на том, что на станции по борьбе с болезнями животных ЮВАО примут наш биоматериал на анализ, если я дополню его детальным официальным объяснением. Мы написали подробнейшие сопроводительные комментарии, и я отвезла, наконец, тушку на станцию. Откуда, вместе со свежесоставленным направлением, где фигурировал «клинически здоровый, без видимых повреждений, труп утки», её этапировали в лабораторию...

В финале этой истории спешу поделиться добытым нами правильным алгоритмом, как следует действовать в таких случаях. Обнаружив факт массового падежа каких-либо диких животных, вы должны обратиться на городскую ветеринарную станцию (Для Москвы телефон их горячей линии – (495) 612-12-12, сайт <http://mosk-vet.ru/>, либо прямо на окружные станции, что быстрее).

Е.В. Чернова

Перспективы развития системы птицевозрастных устройств в России

В России множество линий электропередачи различной мощности, многие из которых представляют опасность для жизни птиц. С другой стороны, конструкции многих линий сами уязвимы для птиц, что создаёт проблемы для бесперебойной передачи электроэнергии в случае возникновения замыканий по вине птиц.

В последние годы по инициативе природоохранной общественности (Союз охраны птиц России, Российская сеть изучения и охраны пернатых хищников и др.), во взаимодействии с государственными органами по охране природы, в нашей стране возобновились птицевозрастные мероприятия, прерванные в годы перестройки и распада СССР. Однако в условиях отсутствия единых технических и орнитологических требований к птицевозрастным устройствам (ПЗУ), собственники электросетевых объектов оказались в ситуации сложного выбора. В настоящее время отечественный рынок уже насыщен различными конструкциями ПЗУ, но отнюдь не все они отвечают своему целевому назначению и требованиям надёжности.

В этой ситуации ОАО «Российские сети», объединяющее главных владельцев птицепоопасных ЛЭП, приняло решение о разработке отраслевых стандартов (СТО), регламентирующих общие технические требования к устройствам защиты птиц от поражения электрическим током на объектах электросетевого комплекса. С этой целью была сформированная специальная рабочая группа Экспертного совета НП «Электросетьизоляция».

В проекте СТО рассматриваются ПЗУ различных типов.

Антиприсадочные – устройства, которые затрудняют посадку птиц на элементы конструкций опор ЛЭП. Устанавливаются на траверсе опоры воздушных линий

электропередачи или портала электроподстанции над местом крепления гирлянд изоляторов и препятствуют посадке птицы на траверсу в зоне их защиты.

Изолирующего типа – защищают птиц от непосредственного контакта с проводами, линейной арматурой и иными неизолированными элементами оборудования воздушных линий электропередачи, оборудования электроподстанции, такого, как изоляторы, вводы и выводы трансформаторов, защитное оборудование и так далее.

Насестного типа – создают условия для безопасной посадки птиц.

Гнездообразующего типа – создают альтернативные безопасные площадки для постройки птицами гнёзд.

ПЗУ барьерного типа – защищают гирлянды изоляторов, изоляторы различных конструкций, а также иные элементы конструкций воздушных линий электропередачи, оборудования электроподстанции от загрязнения продуктами жизнедеятельности птиц; препятствуют поражению птиц электрическим током через струю помёта.

Маркерного типа – делают элементы воздушных линий электропередачи (провода, грозотросы и опоры) более заметными для летящих птиц.

Комбинированные – устройства, совмещающие в себе различные типы защитных функций.

Ограждающего типа – предназначены для предотвращения проникновения птиц и других объектов животного мира в электроустановки.

Важность этой работы в том, что стандартные птицевозрастные устройства будут создаваться по нормативам, которые соответствуют всем требованиям по защите птиц от гибели в электросетях.

Б.М. Звонов, А.В. Салтыков

Путешествие к можжевельному закату

Далеко в море протянулась неровной линией живописная коса. Прежде чем дойти до места, где она сужалась и плавно уходила под воду, теряясь и оставляя путника в некоем недоумении, нужно было пройти по окаймлённой густыми зарослями можжевельника тропе. Двое шли по ней, торопясь к их первому на острове закату...

Темнело рано, до белых ночей было ещё далеко, но так ощутимо очевиден был запах долгожданной волнующей весны с её переменчивым настроением. День сегодня выдался ясный, такие дни нечасто случаются. С самого вечера накануне она хлопотала, собирая сына в путешествие к изысканной, естественной красоте, предчувствуя, что погода будет к ним благосклонна. Давным-давно она побывала здесь, и теперь сердце взволновано билось и торопилось, а память не желала отпустить видения позабытой, как ей казалось, встречи. Да и можно ли забыть... когда смотришь в глаза Меэлису?

– Мама, а почему ты назвала меня Меэлисом? – он лукавил, спрашивая. Ответ был ему известен.

– Я уже столько раз рассказывала тебе о храбром сыне старейшины Лембиту¹, воспетого в сказаниях нашего народа. Почему ты снова задаёшь этот вопрос, журавлёнок? – так ласково она звала его с младенчества, когда он рос худым, долговязым ребёнком. Поднимал длинные тонкие руки всякий раз, когда удивлялся чему-то, – ну точь-в-точь первые взмахи крыльев слётка журавля.

– Просто хочу услышать повесть ещё раз. Вот пойду в школу, научусь читать, и книжка о Меэлисе станет моей самой любимой книгой!

– О, тогда ты начнёшь читать совсем другие книги, – она улыбнулась. – Давай лучше собираться в поход. Тебе откроется очарование островка Кассари².

– И у нас будет самый настоящий привал, как у туристов? – он всегда представлял их с рюкзаками и палатками, установленными для ночлега. И теперь, как истинный в его понимании турист, ловко закинул за спину рюкзачок и рвался в дорогу.

¹ Лембиту – эстонский старейшина и вождь, правивший кихелькондом (территориальная единица в древней Эстонии, объединявшая несколько общин) в северной части земель Сакала (южная и юго-западная части современной Эстонии). Жил в Лехола и возглавлял борьбу против вторгшихся рыцарей-крестоносцев. В 1215 году произошло Лехолаское сражение, в ходе которого крепость была осаждена, а Меэлиса, сына Лембиту, взяли в заложники и силой увезли из родного дома. Несколько лет спустя, совершая побег и оказываясь в чужих землях, Меэлиса возмужавшим юношей вернулся в родные края. Но его история на этом не заканчивается... В городе Тарту установлена скульптурная композиция «Князь Вячко и старейшина Меэлиса, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 году».

² Остров Кассари и залив Кяйна – один из ландшафтных заповедников Хийумаа.

– А чем мы не туристы? Я запасла всё, что требуется: бутерброды с килькой и вяленой колбасой, подсолённое печенье и твой любимый ароматный чай из трав.

Им предстояло пройти около двух или чуть более километров – но разве это расстояние по сравнению с их регулярными велосипедными прогулками! И вот сейчас они начали свой путь под названием «Путешествие к можжевельному закату». «Хорошая идея для заголовка к новому роману», – подумалось ей; ведь желание писать не угасало, и она вновь и вновь повиновалась возникающему вдруг порыву рассказывать о стране, которой неустанно доказывала свою крепнущую с годами любовь. И как бы ей хотелось передать эту любовь и в живописи... «Отчего я не умею рисовать», – вздыхала она, но сразу забывала об этом своем несовершенстве и радовалась, замечая, как Меэлис выводит силуэт Хийумаа³ карандашом на бумажном листке, палкой на песке или угольком от костра на деревянном заборе. Остров нарисовать не сложно. Своими очертаниями он напоминает летящую утку.

Каждую весну в заливе Кяйна, густо заросшем тростником, и в его окрестностях останавливаются и гнездятся многочисленные виды водоплавающих и околоводных птиц. Сейчас отчётливо был слышен гомон прилетевших стай, облюбовавших эти восхищающие своей нетронутой первозданностью места.

Меэлис унаследовал от матери трепетную любовь к пернатым и с особым интересом наблюдал за ними. В студёные месяцы мать и сын помогали птичкам зимовать – на садовых деревьях и в окрестном лесу развешивали кормушки и сеточки с птичьим угощением. Мать многому учила мальчугана – например, слушать тишину их острова и замечать природные явления – и периодически то с восторгом, то с затаённым удивлением отмечала: «Он такой любознательный и живой, но иногда ни с того ни с сего погружается в свои мысли, становится отстранённым...»

– Мам, а на море плавают лебеди? Я так мечтаю их увидеть!

– Сейчас для всех птиц наступила волнующая пора – возвращение на родину, и лебеди не исключение. Мы наверняка встретим их в открытом море.

– Наши аисты прилетели, уже у гнезда хлопчут, – юный знаток птиц делился новостями. – А в саду поселились коноплянки – я заметил их в кустах, у дальнего угла забора.

³ Хийумаа – второй по величине (после Сааремаа) остров, расположенный к западу от материковой Эстонии. Один из крупнейших и наиболее примечательных островков, окружающих Хийумаа, – остров Кассари, примыкающий к нему с юго-восточной стороны и соединённый с ним дамбами.

Хийумаа. Рис. Р. Маткевича (Таллинн)

Сейчас он был возбуждён более обычного, а она наблюдала за ним украдкой и благодарила Бога за чудо. С его рождением она сама родилась заново. Но как быстро летит время...

– Скажи, а птицы тоже поют песни своим птенцам, как ты мне? – не унимался он.

– Да, милый, они всегда баюкают деток, только очень тихо, ты обычно спишь и не слышишь. А призывные утренние песни птахи порой начинают, не дожидаясь восхода солнца. Они будят тебя и открывают окно нового дня, – мать потрепала сына по волосам.

– Кусты редуют, я вижу море с обеих сторон! Значит, горка камней, о которой ты мне рассказывала, рядом?

– Да, и мы сделаем там привал, а потом по узкой-узкой ленточке каменистой косы Сяэретирп⁴ дойдём до края.

– Тогда я наберу с собой побольше камней, сколько смогу унести, чтобы продлить эту косу хотя бы на шаг, ну или на полшага. А ты? – он практически не сомневался в её ответе, но всё же заглянул ей в глаза и чуть не споткнулся о камень.

– И я возьму, например вот этот, – она подобрала попавшийся камень. – Мы, конечно, не такие сильные, как богатырь Лейгер⁵, но вполне способны

⁴ Сяэретирп – уходящий в море участок суши (коса, мыс) острова Кассари. По преданию, эту тропу соорудил Лейгер.

⁵ Лейгер – богатырь, живший на острове Кассари. Он строил дорогу к дому своего соседа исполина Суур Тылля, обосновавшегося на острове Сааремаа.

Лебеди-шипуны. Фото автора

продолжить его дело по строительству дороги к сааремааскому соседу Суур Тыллю.

Ей нравились легенды, которые, возможно, были вовсе не легендами, а правдивыми историями, что веками передавали старики из уст в уста, – в них она находила объяснение многому. А Меэлиса она воспитывала так, как подсказывало ей сердце, ни за что не смирившееся бы с утратой счастья, обрётённого на этой земле, где будет жить и её сын, постигая для себя родину.

Впереди стали заметны камни, что собирают в одну большую горку местные жители и путешественники, которым посчастливилось оказаться на этих заповедных тропках. Вокруг сейчас не было ни души, и путникам стало спокойно и трепетно. Она взяла сына за руку. Они приближались к месту, где ей когда-то довелось провожать закат... или встречать?

– Лебеди! – восторженный вскрик Меэлиса прервал её воспоминания.

– Грациозные и независимые, – она произнесла эти слова с какой-то особой интонацией, остановилась, чтобы разглядеть силуэты белоснежной пары, и закончила уже громко и радостно: – Какое же это счастье жить в таком прекрасном месте, где поют самые лучшие птицы, где рассветы самые трогательные, а закаты самые обнадёживающие! А, Меэлис?

...Две фигуры замерли у кромки моря под успокаивающий шелест волн-песен, под чарующий звук ветра-слов, принимая своей душой посыл далёкой звезды-Солнца. Хорошо, когда любая дорога заканчивается добрым признанием себе, сыну, родителям, природе. И радостно подмигивает небо, и воздушно машут крыльями лебеди, и щёлкает в реликтовом можжевельнике какая-то пичуга. Прелестный птичий голосок отзывается новым стихотворением в её ожившем творчестве и новым неопытным рисунком в становлении маленького Меэлиса-художника.

Она по обыкновению поклонилась заходящему солнышку, а мальчик помахал ему рукой, не понимая пока, почему надо непременно кланяться. Но у него всё впереди, всё узнается. Она же подумала о матери, что ждала их возвращения, чтобы всем вместе готовиться к новому рассвету. Они поспешили домой.

О. Михайлова

Приключения Серёжки в мире птиц (сказка)

Продолжение; начало в «Мире птиц» №№ 38, 39, 40-41, 42, 43-44 и 45-46.

У прилавка поселкового магазина стоял рослый мужчина в оранжевой каске, синей спецовке и больших резиновых сапогах, забрызганных грязью.

– Хлеб свежий? – сумрачно спросил он.

– Свежей не бывает, – отозвалась продавщица.

– Два часа только, как привезли.

– А колбаса?

– Тоже свежая, выбирайте, одна вкуснее другой.

– Да мне любой, лишь бы побольше. Одиннадцать человек накормить.

– Так много? А вы к нам какими судьбами – ремонтируете что-то неподалёку?

– Если бы, – буркнул мужчина. – Начальник распорядился срочно смонтировать на двух электролиниях в пойме, где вообще никто не живёт, птицевозитные колпаки. На каждой опоре. Будто у нас другого занятия нету... А там сейчас грязища, машины вязнут, и холодрыга, а обеда нам тоже не привезли – сказали, обойдётесь и бутербродами...

К его изумлению, продавщица тут же расцвела улыбкой:

– Вот как! Значит, вы наши самые дорогие гости! Мы вас уже полмесяца поджидаем. «Зарэлектросеть» обещала нам до конца осени провести все работы по защите птиц Княжицы.

Он растерялся.

– А вам на них не наплевать, на птиц этих?

– Конечно, не наплевать, – её лицо стало строже.

– С птицами да с их песнями и краше, и веселее...

И урожаи лучше. Но вот на бутербродах вам в такой холод сидеть не годится. Знаете что, приезжайте-ка сюда всей бригадой, во-о-н к тому дому с зелёной крышей. Накормим вас всех нормальным горячим обедом, и чаем напоим, из самовара, в городе-то, почитай, такого и не попробуешь. Одиннадцать вас?

– Двенадцать, вместе со мной... Я их бригадир. Конечно, коли не шутите, мы с удовольствием. Тогда я съезжу, привезу остальных парней, минут за сорок, думаю, обернёмся. Тот дом, что в серёдке?

– Он самый, – кивнула продавщица, вытаскивая телефон. – А я тем временем Марье Петровне звякну...

– Ну, что, согрелся? Озноб прошёл? – спросила Серёжку бабушка.

Он высунил нос из-под одеяла и просипел:

– Да, мне уже жарко... Только горло болит...

– Сейчас попробуем помочь твоему горлу, – бабушка протянула ему большую цветастую кружку, от которой шёл пар. Серёжка сел на кровати и осторожно глотнул. Напиток был горячим, сладким и пряным.

– Что это?

– Сбитень, старинный русский напиток. Мёд, липа, малина, ромашка да пряности, – в самый раз для простуженных. Слышал, на Княжице монтажники начали птицевозитные колпаки устанавливать? Скоро придут к нам пообедать, Наталья их зазвала передохнуть да погреться.

– Здорово! А можно мне посидеть с ними?

– Куда тебе, больному с температурой! И отсюда их рассказы послушаешь, я дверь закрывать не стану. Сам виноват, в другой раз не станешь попусту под дождём болтаться...

Серёжка насупился. Он всего-то хотел поскорее добраться до дома, когда сломался автобус. Конечно, было б умнее сидеть под крышей и ждать, пока приедет другой на замену, а не топтать три километра под ледяной ноябрьской моросью, в итоге замёрзнув и промокнув насковозь. Но сделанного не воротишь.

Бабушка вышла в большую комнату и принялась накрывать на стол. Пока она расставляла большие глиняные тарелки, на пороге одна за другой появились её соседки с кастрюлями и чугунами. Загудел старинный угольный самовар; по дому поплыли ароматы мясных щей, картошки и чая с травами.

– Приехали! – возбуждённо крикнул Серёжка, увидев в окне оранжевые с красной полосой «уазики». – Закашлялся и снова взялся за кружку со сбитнем.

– Сюда, сюда, мальчики! – пригласила Варвара Семёновна, выходя на крыльцо. Рослые «мальчики» в некотором смущении поднялись в дом и, набившись всей толпой в сени, принялись снимать грязные сапоги.

– Ух ты! Вы нам тут целый пир собрали! – поразился бригадир, подходя к столу. – Летом мы в Иванниково электричество заново проводили после обрыва, так и то нас так не чествовали. А тут всего-то птицевозитные колпаки на дальнем лугу...

– Так у нас тут группа героев за эти колпаки всё лето, почитай, воевала. – Серёжкина бабушка весело, по-молодому, сверкнула глазами и кивнула на внука, который жадно прислушивался к беседе через открытую дверь. – Вон, один из них в кровати лежит. Примчался вчера продрогший да мокрый, вот и простыл... Да вы ешьте, пока не остыло.

Дважды просить электриков не пришлось: они с недюжинным аппетитом взялись за еду. Хозяйка дома степенно ходила вокруг стола, предлагая добавки то одному, то другому.

– А как они выглядят-то хоть, колпаки эти? – будто невзначай спросила она, когда мужчины утолили первый голод.

– Ну, в основном это такие коробки из пластика с двумя отростками по бокам, – отозвался крепкий русоволосый парень. – Мы надеваем их сверху на

Конус с глазами. http://www.aston-e.ru

изоляторы, отростками на провода, а потом закрепляем специальными стяжками. Если птица и усядется на такой колпак, то замыкание уже никак не устроит. Ей будет просто не дотянуться до опасных участков. А ещё бывают забавные яркие конусы с нарисованными глазами; их устанавливают на вершинах столбов и концах траверс, то бишь поперечных балок, к которым крепятся провода. Эти конусы должны отпугивать птиц, чтобы вообще к опорам не приближались... ну, и сесть на них не могли.

– А можно мне съездить с вами, на них посмотреть? – не выдержал Серёжка.

Бригадир добродушно хмыкнул:

– Выздоровей сперва, молодой человек. Пока ты не в том состоянии, чтобы куда-то кататься, да и поедем мы с участка другой дорогой, не через вашу деревню. Если мы сегодня со всеми делами не управимся, завтра привезу тебе показать такой конус.

Мальчик насупился, но смолчал. Ему ужасно хотелось увидеть электролинию с колпаками, а ещё лучше, посмотреть, как их устанавливают. Однако он понимал, что спорить тут бесполезно.

Завершив обед ароматным чаем с коржиками, электрики откланялись, загрузились в свои машины и поехали работать дальше. Откинувшись на подушку, Серёжка рассеянно следил, как соседки помогают бабушке мыть посуду и убирать оставшиеся яства. Вскоре его глаза начали слипаться. «Вот бы оказаться там, на лугу», – подумал он, засыпая.

Крупная капля сорвалась с верхней ветки и упала ему на макушку, заставив недовольно тряхнуть головой. Переступив с лапы на лапу, Серёжка встопорщил чёрные перья и вдруг испугался. Где это он? Что с ним? Вокруг простирался мокрый сосновый лес. А он сидел на одной из самых высоких сосен, почти на самой вершине – молодой ворон, встречающий свою первую осень. Мысли были простыми и односложными: больше всего хотелось куда-то лететь. Лететь.

Неуклюже подпрыгнув, Серёжка распахнул крылья. Он ещё не до конца освоил науку взлёта; его повело

вниз и вбок, но несколько лихорадочных взмахов помогли выровняться. Опираясь на плотный воздух, он поднялся над лесом и ощутил, как восходящий поток повлёк его ещё выше, неспешно унося к облакам по широкой спирали. Слегка наклонив левое крыло, он соскользнул на один виток ниже, цепко осматривая окрестности. Из тёмно-зелёного моря сосен кое-где торчали голые макушки берёз. Вот узкая прогалина; её стремительно пересекает стайка ополовников и скрывается в лесном пологе. Дальше опушка, река и луг, через который тянутся ровные ряды странных, почти без веток, деревьев, связанных между собой какими-то длинными стеблями. Под ними стоят оранжевые холмики из тех, что способны двигаться по открытым местам; из одного торчит странно изломанный ствол с угловатым гнездом наверху. В гнезде стоят два человека и что-то приматывают к ближайшему дереву.

Заинтересовавшись, Серёжка полетел туда. Крылья работали размеренно – вверх-вперёд, назад-вниз. Он видел их от плеч до кончиков, даже на скашивая глаз. Его оперение ещё не приобрело металлического отлива и глянцевоности, свойственных по-настоящему взрослой птице, но было тугим и плотным, надёжно защищая от волн холодного ветра.

Со стороны леса ряд странных деревьев выглядел как-то иначе, не так, как раньше. По краям его коротких ветвей появились одинаковые чёрные наросты. Снизившись, Серёжка сел на один из них. Сидеть оказалось неудобно. Когти скользили по гладкой твёрдой поверхности, не позволяя как следует уцепиться. Взмахнув крыльями, чтобы удержать равновесие, Серёжка пересел ближе к стволу, на ровную, необычную на ощупь ветку.

Глаза! Ещё не поняв, в чём дело, он взвился почти вертикально вверх. На одном из деревьев неподалёку сидели три неизвестных ему животных, чуть побольше его самого, ярких, с большими глазами хищников. Они не двигались, но лучше было поостеречься. У обладателей больших глаз обычно бывают большие зубы.

Ворон. Фото В. Забугина

Лазоревка. Фото О. Хромушина

Поднявшись на высоту, показавшуюся ему безопасной, Серёжка стал нарезать над ними круги, благо острота зрения позволяла даже с такого расстояния различать мелкие детали. Неизвестные животные по-прежнему не шевелились, сидя в абсолютно одинаковых позах. Кроме того, у них не было видно ни лап, ни крыльев, ни хвостов. Он осторожно переместился ближе и в конце концов заключил, что они, скорее всего, неживые. Но опуститься на то дерево, на котором они сидели, всё-таки не рискнул.

В желудке заурчало. Ощувив голод, Серёжка совершенно утратил интерес и к лугу, и к растущим на нём занятым деревьям, и даже к людям в угловатом гнезде. Он стал изучать землю внизу на предмет чего-то съедобного. В стороне громко вопили чайки, но их нельзя было отнести к лёгкой добыче. Зато за рекой между сосен вдруг мелькнуло что-то красное. Серёжка полетел туда, часто взмахивая крыльями и поуже сложив хвост, чтобы увеличить скорость. И вскоре ясно увидел обглоданную тушу лося – остатки недавнего волчьего пиршества. Тем не менее для его пропитания там еды хватало с избытком. Тревожно оглядываясь, нет ли рядом самих волков или ещё каких-нибудь конкурентов, он сел на торчащее вверх ребро и принялся жадно рвать клювом влажное мясо.

Слегка насытившись, он посмотрел по сторонам и вдруг заметил на ближней ветке яркую синицу-

лазоревку в синей шапочке и с бандитской полоской через глаз. Она прыгала взад-вперёд и попискивала.

– Лети за мной! – послышалось Серёжке.

– Крру, – невнятно ответил он и снова вцепился в мясные лохмотья. Но синица не улетала и не успокаивалась, продолжая прыгать и манить его за собой. В конце концов Серёжка сдался и полетел за ней, тем более, что уже наелся. Она легко проскальзывала сквозь подлесок, выбирая, впрочем, такую дорогу, чтобы крупный ворон нигде не запутался. Вскоре лес кончился, перейдя в длинную луговину с кустарником; за ней замаячили почти одинаковые угловатые холмики, в которых обитали местные люди. Серёжка забеспокоился, подозревая опасность, но синица невозмутимо манила его туда. На всякий случай набрав высоту, он всё-таки повиновался.

Синица уселась на ярко-зелёный гребень посреди одного из холмиков.

– Сюда! – пискнула она.

– Серёжка!!!

Он с усилием разлепил веки. Над ним склонялась встревоженная мама:

– Это что тут за сонное царство? Я еле в дом вошла, никто стука не слышит, все спят как убитые. Ты как себя чувствуешь?

– Крру... то есть, уже хорошо...

– Маша, оставь ребёнка в покое, – в дверях появилась бабушка, сильнее обычного походя на озорную лазоревку. – Пусть поспит, глядишь, быстрее оклемаётся.

– Да я уже выспался, – запротестовал Серёжка. – Баб, а...

Она подмигнула внуку и приложила палец к губам. Но едва мама вышла, весело обронила:

– Ну, что, понял, как твой предок Осип в ворона превращался? Только вот возвращаться тебе ещё придётся учиться. Я все пёрышки обтрепала, пока разыскала тебя...

(окончание следует)

Е.В. Чернова

«Замри»

Зима. Февраль. В доме тепло и уютно. Пахнет пирогами, вкусным борщом, душистым чаем с липой, чабрецом и мятой. За окном то мороз, то вьюга. Казалось бы, все попрятались от холода, но это не так. Недалеко от дома, в палисаднике, куст сирени, две берёзы и кормушка-домик на высокой железной трубе. Там в любую погоду всегда оживлённо. Голод для птиц страшнее холода, поэтому мы стараемся помочь пернатым зимой, как они нам летом.

Птицы радуют человека песнями, повадками, своим внешним видом. Очень занятно наблюдать за ними, когда они у тебя в гостях. Угощаем мы птах в основном

тыквенными семечками, свиным, гусиным и куриным салом. Когда наши запасы заканчиваются, покупаем на базаре семена подсолнечника. Тыквенные семечки сушим всю осень, их получается обычно около двух вёдер. Пробовали выращивать подсолнечник. Сажали его по всему периметру бахчи. Летом любовались ярко-золотистыми соцветиями, однако, как только семена начинали созревать, на подсолнухи налетала стая воробьёв, и к вечеру несколько «шляпок» становились белыми. Это настырные птицы скрупулёзно выклёвывают семечки. Тогда мы стали наряжать подсолнухи в детские платья, футболки,

Снегирь на подсолнухе. Фото О. Хромушина

обвязывали их платками, марлей, старыми капроновыми шторами. Наш огород в это время походил на место, куда съехались представители всех государств мира со своими флагами. На этом хлопоты наши не закончились. Семечки дозрели. Мы срезали корзинки подсолнуха с длинной ножкой, подняли их на чердак дома и подвесили под крышей для просушки, но через несколько дней снова обнаружили полупустые закрома. Оказалось, это мыши лакомились нашими семечками. Случалось и так, что лето выдавалось дождливым, и семечки загнивали, так как не успевали проветриваться под укрытием. В результате мы оставили попытки выращивать семена подсолнечника на корм для птиц.

Недостаток подсолнечника мы компенсировали заготовкой сала. В течение зимы у нас уходит на корм птицам до 8 кг этого продукта!

Кормить птиц обычно мы начинаем с середины ноября. Дата зависит от срока наступления постоянных морозов. Сначала насыпаем в кормушку тыквенные семечки. Птиц несколько дней не бывает, а потом прилетают синицы. Появится одна, другая, а за ними целая стайка. Сосчитать их бывает невозможно, а наблюдать – сплошное удовольствие. Прилетела синица, свистнула и стала подбираться к кормушке. С ветки на ветку, на кормушку, схватит семечко в клювик – и на липу, что растёт через дорогу, или ещё дальше – на куст бузины. Другая возьмёт семечко и опустится здесь же, на куст сирени. Посмотрит по сторонам, прижмёт лапками его к ветке и начинает расклёвывать.

За тыквенными семечками прилетает поползень. Этот в свой клюв захватывает непременно два семечка и улетает в сторону, где растут ракиты и ели – недалеко от нашего дома. Быстро возвращается снова. Мы приходим к выводу, что поползень делает запасы. Может быть, он думает: «Дай-ка запасу себе побольше, пока всё синицы не растащили. Их много, а я один».

Когда морозы усиливаются, бабушка достаёт из морозилки для птиц лакомство – сало. Недавно она положила кусок около полутора килограммов. Птицы

быстренько облепили его. Самыми большими любителями сала оказались воробьи. Эти птицы, по нашим наблюдениям, драчуны и забияки. Кусок большой, на всех хватит, а они начинают устраивать бои со своими же собратьями. Дерутся так, что разлетаются синицы. Да и синицы тоже не паиньки, гоняют друг друга, как бы невзначай, играясь. Крылья растопорчат и прыгают. Возможно, они так греются. Прилетел поползень, забрался наверх куска и давай долбить его. Сам при этом то воробьёв пугнёт, то синиц. Сначала все птички разлетелись, потом вернулись самые смелые, а за ними остальные – голод не тётка.

Поползень гостит недолго, и тогда всё сало снова облепливается воробьями и синицами. На кормушке спокойно можно отличить самочку синицы от самца или какой воробей полевой, какой домовый. Из синиц прилетает к нам покормиться лазоревка, мы её зовём «синяя шляпка». Она заметно меньше большой синицы, однако очень храбрая. Видно, голод придаёт ей смелости. Лазоревка прилетает всегда одна и идёт сразу в атаку, чтобы добраться до сала. И это ей удаётся.

Любят сало и дятлы. К нам прилетает самец (у него на затылке большое красное пятно) и самочка большого дятла, она в чёрной шапочке. Дятлы очень осторожные птицы. Прилетают они сначала на разведку. Сядут на ствол берёзы и выглядывают оттуда: «Нет ли опасности?» – а затем снарядом на кормушку. Сало долбят не сверху, а больше сбоку, будто дупло себе выдалбливают.

На днях нас навестила сорока. Попыталась утащить весь кусок сала, но улетела ни с чем. Не по её силам оказался кусочек!

В самые трескучие морозы ствол берёзы мы поливаем слегка разогретым жиром, иногда смешивая его с растёртой сухой булкой. На морозе эта смесь застывает, и перед нами открывается новая картина: ствол постепенно облепляется пичугами. Они то взлетают, то снова садятся, прыгают, переползают, «шмыгают» по стволу, кто вверх, кто вниз, ну прямо новогодняя гирлянда.

Но не всё так безоблачно за окном. Нередко наблюдали мы, как у кормушки после оживления и

Поползень. Фото В. Забугина

шума вдруг становится пусто. Это прилетел ястреб-перепелятник за добычей. Ему тоже хочется кушать. Один раз мы услышали шум за окном, удары птиц об стекло. На кусте сирени неподвижно застыли четыре синицы в разных позах, как вдруг подлетел хищник, выставив вперёд лапы, схватил одну из них и опустился с нею тут же на снег. Мы открыли окно, он поднялся и улетел, унося с собой жертву. В такие моменты птицы не сразу возвращаются на кормушку, а сидят где-то в укромных местах и дрожат от страха. Всё это нам напомнило игру «Замри».

Но зимний день короток. Надо успеть наестся, чтобы легче было коротать и переносить долгую холодную ночь...

А ещё мы любим наблюдать, как ловко синицы расправляются с кусочком сала, подвешенным на длинной нитке. На нём их помещается сразу две, а то и три. Кусочек вертится во все стороны, но им не страшно. А воробей сядет на ветку и смотрит, как бы ему дотянуться до лакомства и не упасть. Сало белое с розовой прослойкой, но «око видит, а зуб неймёт». Улетит воробей на кормушку и думает: «Мне и это нравится».

Дедушка кормит птиц через окно. Откроет его, бросит им горсточку тыквенных семечек на пло-

Ястреб-перепелятник. Фото И. Уколова

щадку перед окном, синицы их в раз растащат. И тогда одна из них начинает, как бабочка, порхать за стеклом и выпрашивать: «Маловато дали. Хотим ещё!», – а другая сядет на градусник и заглядывает в дом: «Что вы там сами кушаете?»..

Ну как не кормить и не спасать от лютого голода своих маленьких пернатых друзей!..

Кирилл Пичугин, ученик 2 класса Тагинской средней школы Глазуновского района Орловской области

Чудо жизни

Моя жизнь складывается по какому-то годичному расписанию — день в день. Оно придумано не мною, а возникло само собой.

Год у меня начинается с весны. Как я её жду, как хочется ускорить эту ни с чем не сравнимую встречу прилёта птиц! Как смотришь в просторы хмурого неба с надеждой услышать первого жаворонка! Это бывает приблизительно 10 апреля, с него начинается у меня Новый год. И вот все небо начинает звучать и днём и ночью, это летят тысячи мелких птиц. Я всё бросаю и еду встречать гусей. Их дорога проходит по Оке и Москве-реке. Я еду на затопленные разливами луга, лучше к вечеру, когда уставшие караваны гусей идут на посадку, почти без разговоров, лишь едва слышен легкий воркующий голос и шелест крыльев. Моя душа наполняется радостью встречи – слава богу, живы!

Тем временем прилетели чайки на станцию Лобня. Озеро ещё не растаяло, и нарядные чайки заполняют всё его пространство. Идёт всеобщее токовище, все говорят о своих особых достоинствах и стараются унижить себе подобных, но вдруг все разом поднимаются и роем белых бабочек долго висят в воздухе.

Еду на север, в Переславль, в деревню. Там еще лежит снег, но есть уже проталины, и полярные пуночки собираются на север; поют в поле тетерева, в бинокль видно, как они кувыркаются и дерутся. Однако весна сюда ещё не пришла. Скорей обратно, на юг, на Оку, там зацветает сон-трава и зажужжал пушистый шмель среди сухой листвы. Папоротник начинает раскручивать свои листья, а в теплых лужах заводят песню голубые лягушки. И снова я еду на свой любимый север, в Криушкино, там уже озеро обтаяло и громадные льдины налезают на берега, создавая ледяные замки. Воздух наполнен радостью всех живых

существ, все поёт и выражает восторг перед чудом жизни. А из-за кустов воровато выглядывают людишки: чем бы поживиться во время этого праздничного спектакля! Но жизнь не замечает печалей, она выше, она – музыка, красота, мироздание и смысл бытия.

Две недели – и уходит весна, и начинается раннее лето, все спешит зацвести и завести семью, только успевай поворачиваться, знакомиться, здороваться. Гуси улетели – и у меня возникает миграционное состояние, нужно ехать, куда!

Лучше туда, где белые ночи, вслед за весной. Можно на Валдай – к бобрам на озеро; или в Усть-Цильму на Печору, там будет ледоход и праздник Красная горка, когда все женщины наденут костюмы прошлого века и будут петь и водить хороводы; или на Белое море, там морские птицы выют гнёзда; или к лосытам, они только что родились на свет и качаются на своих складных ходулях-ножках; или к оленям на Север; или на Камчатку, где цветут ирисы и ловят рыбу медведи; или к моржам и китам на Чукотку, где пейзаж не изменился со времён мамонтов.

Или на Командорские острова – Беринга и Медный, где с одной стороны острова весна, а с другой осень, где зверей больше, чем людей, а люди не понимают, что живут в сказке, — прячутся друг от друга и стараются всё уничтожить.

Но вот наступает осень, я собираю свои папки с рисунками и живу второй раз, второй раз путешествую по земному шару, перелистывая свои каракули, сделанные с натуры, снова радуюсь удачному мгновению, удачной линии и просто тому, что смог прикоснуться к чуду жизни.

А. Белашов

Другие работы смотри на 2 обложке

СОЛОВЬИНАЯ ВЕТКА

Геннадий Калашников, на мой взгляд, один из лучших современных поэтов. В предлагаемую вниманию читателей подборку вошли стихотворения, написанные сравнительно давно, но, как хорошее вино, нисколько не потерявшие своего качества. Лучшим стихам Геннадия Калашникова свойственны поэтический драйв, чёткий и ёмкий язык, а также неповторимая интонация.

Максим Крайнов

Соловьиная ветка

Городские деревья, вы в свету фонарей
Опускаете тяжкие веки,
Шевелите ветвями, и меж ваших ветвей
Есть одна, что дороже вам жизни своей:
Это та, на которой поет соловей, –
Соловьиная ветка.

Никогда не слышали вы песнь соловья,
Терпкой трели, закрученной крепко,
Но средь темных асфальтов
вы стоите, храня
Соловьиною хрупкую ветку.

Возвышаясь над нами среди толкотни,
отзываясь скользкому ветру,
как надеетесь вы... О душа, сохрани
соловьиною ветку.

Птица

Туман глушил наш спор
О том, какая птица
Успела в нем укрыться
И не видна с тех пор.

Был вид ее обычен,
Но мы молили вздор.
Определитель птичий
Уладил тот раздор.

Но я твержу отныне
название по латыни.

Её перо кружится,
На землю не ложится.

Она летит в зенит
Беспечно, налегке,
А слово говорит
На мертвом языке.

Коршун

Низких деревьев ниже –
Это к какой погоде? –
Коршун летает рыжий,
Ищет что-то, находит.

Круче взлетит и сразу
Книзу, словно в обиде.
Круглым оптическим глазом
Как он меня увидел?

Над лесом летит и лугом,
На провода садится,
И от него в испуге
Прячутся мелкие птицы.

Что мне до этих рыжих
Крыльев, когтей и пуха?
Словно от них завишу,
Так сердце забилось глухо.

Глуше стучит и горше
у придорожных вётел.

Рыжий летает коршун
и телеграфный ветер.

Ласточка

Вот понеслась и зачертила...
А. Фет

Смуцавшая душу Фету,
Невидная на земле,
Летит, неподвластна ветру,
Парит в заоблачной мгле.

Крошечный сгусток плоти
Чертит за кругом круг,
Напоминая в полёте
Сразу стрелу и лук.

Крылья свои распластывая,
Навеки – и без следа –
Сверхзвуковая ласточка,
Чёрно-белая, как судьба.

Синица

Когда-нибудь мне сон приснится
Про череду вот этих дней:
В Измайлове поет синица
Среди безлиственных ветвей.

И клюв ее торчит иголкой,
И песнь ее так хороша,
И так торжественна душа
В зеленых перьях с грудкой жёлтой.

И я проснусь, а песнь продлится,
Рассвет апрельский тих и бел,
И помогает вновь синица
Противоборствовать судьбе.

Геннадий Калашников, Москва

Палач-караульщик

Конец марта. Я возвращался после длительной прогулки по пробуждающемуся, но всё ещё зимнему лесу. До моего дома оставалось немного, когда, проходя деревянные застройки частного сектора, я был остановлен особенным выкриком большой синицы, раздавшимся с рябин в палисаде одного из домов. Опыт подсказывал, что это голос птицы, находящейся в смертельной опасности. Через мгновение я успел лишь заметить, как тельце птички забилось в переплетении тонких рябиновых веток – в тот момент, когда туда же внезапно бросилась другая, более крупная птица. В сплетении ветвей, словно в клетке, началась потасовка. Но вот синица всё же вырвалась из природной ловушки, волоча за собой, как на магните, ту, другую, неутомимо её преследовавшую. Последняя была почти в два раза крупнее; возможно, так казалось из-за длинного хвоста. Дистанция, разделяющая жертву и её преследователя, была минимальна и колебалась в пределах 15-30 см. Несмотря на всю быстроту и мастерство той, второй птицы, она всё же как-то не походила на настоящего хищника. Однако погоня была настолько стремительной, что обеих птиц было невозможно рассмотреть. Неизвестно, сколько ещё продолжалось это воздушное преследование, но птицы скрылись за крышей дома, и больше я их не видел. А потому, каков исход этой воздушной охоты – остаётся только гадать.

Хотя наш охотник «носит» чёрную «маску», мы всё же разоблачим его: мучителем синицы был большой, или серый сорокопуд – как ни странно, тоже представитель отряда воробьинообразных, но, несмотря

на это, настоящий охотник до всего живого, что в пределах его размеров и силы. Насекомоядный в гнездовой период и всё бесснежное время, но превращающийся в хищника с приходом зимы; даже хищновато загнутое остриё его клюва как бы напоминает, кто перед нами. Он никогда не улетает далеко, чтобы перезимовать, а лишь смещается южнее. Да и зачем куда-то лететь, когда все его жертвы рядом. Несмотря на то, что сорокопуд не принадлежит ни к ястребиным, ни к соколиным, этот наш самый маленький пернатый охотник столь же отчаянный и отважный, как ястребы и соколы.

В средней полосе России серые сорокопуды обычно начинают встречаться – как правило, в одиночку – со второй половины осени, где-то с середины октября, когда заметно похолодает, а с деревьев и кустов начнёт облетать листва. Тогда птицы становятся заметными, они обычно сидят на макушках молодых деревьев, кустов или на проводах ЛЭП. Учащающиеся встречи с ними в этот период говорят об откочёвках птиц северных популяций в южном направлении. Часть птиц зимует в средней полосе, хотя и не каждый год. И насколько этот вид обычен поздней осенью и в предзимье, настолько же обычен он и в начале весны – в марте-первой половине апреля. Совершенно понятно, что птицы, откочевавшие южнее, теперь мигрирует обратно на север. Последних сорокопудов в своей местности я отмечал в самом начале мая, что в общем-то поздно для этих северных птиц. Более поздних, в том числе летних, встреч с этим видом у меня не было.

У большого сорокопуда есть одна интересная черта: если вы увидели его сегодня, особенно в местности богатой добычей, то с большой долей вероятности сорокопуд порадует вас своим появлением в том же самом месте и завтра, и в последующие дни. Как-то с середины августа, на одном и том же участке шоссе на большом лугу, поросшем кустарником и разнотравьем, я почти ежедневно наблюдал одну и ту же особь большого сорокопуда. Он всегда сидел на проводах около дороги и, опустив голову, караулил мелких грызунов. Любопытно, что к проносящимся машинам он совершенно привык и никак на них не реагировал. Весь сентябрь и начало октября сорокопуд не покидал своего охотничьего участка. Как долго после этого он еще держался здесь – я не знаю, поскольку в дальнейшем навестить его мне не удалось.

Осенне-зимняя деятельность большого сорокопуда достойна слов и внимания. Как уже говорилось, в этот период у него особенно обостряются хищническо-разбойничьи наклонности. Жертвами сорокопуда с осени до весны могут стать практически все осёдлые и перелётные мелкие воробьиные птицы,

обитающие там, где появляется этот кочевник, а также мелкие млекопитающие: некрупные полёвки, мыши и землеройки. Таким образом, сорокопуда зимой смело можно называть настоящим хищником, нападающим на всех теплокровных животных, которых он способен одолеть.

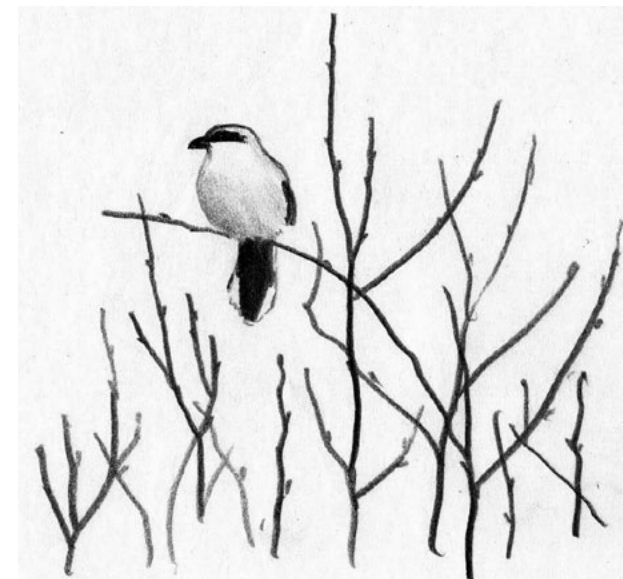
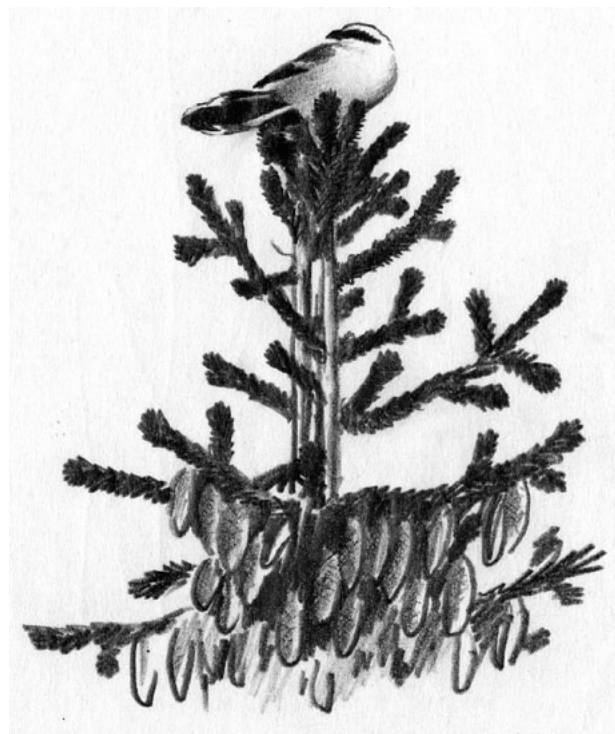
Способ охоты большого сорокопуда всегда одинаков: усевшись на присаду, естественную или искусственную, высотой от метра до двадцати метров, наш охотник, не поднимая головы, сидит на одном месте, выжидая добычу. Он мгновенно реагирует на любое движение внизу или в стороне, будь-то серая полёвка, выдавшая себя пробежкой, либо стайка чечёток, взметнувшаяся над заснеженным бурьяном. Сорокопуд, вычислив жертву, тотчас же бросается на неё. Результат броска различен: в большинстве случаев происходит промах, и тогда хищник ни с чем возвращается на прежнее место либо перелетает на новое.

Особенность караулить добычу отражена в видовом названии сорокопуда – *excubitor*, т. е. сторож, караульщик. Его дозорными постами могут быть любые высокие объекты. Однажды, наблюдая за одним и тем же сорокопудом, обосновавшимся на большом лугу, в течение нескольких октябрьских дней я заметил, что точками наблюдений для него, как правило, были высохшие колючие соцветия чертополоха. Кроме того, он часто любил присаживаться на вертикально торчащий из земли полутораметровый прут арматуры и двухметровый железобетонный столбик, установленный когда-то военными-ракетчиками на искусственном холмике. Здесь уместно отметить ещё одну яркую, всегда бросающуюся в глаза особенность сорокопуда, которую я наблюдал у всех пролётных и зимующих особей без исключения: на каком бы деревце или кусте не располагался наш охотник, карауля добычу, он всегда сядет на кончик самой верхней веточки. Ощущение такое, что сорокопуд забирается

как можно выше для лучшего обнаружения добычи. Но высота эта всё же ограничена, и сорокопуд, будучи птицей небольшого размера, обычно не поднимается выше макушек молодых деревьев. Садится он и на землю: несколько раз зимой на оживлённых трассах приходилось видеть, как сорокопуды взлетали с обочин, потревоженные движущимся автотранспортом.

Основные места обитания сорокопуда – открытые станции: пастбища, луга с кустарником, разреженные лиственные, преимущественно берёзовые или осиновые мелколесья и перелески, сельские пустыри, обочины дорог с ЛЭП, заболоченные заросли кустарника, старые торфяники и т. п. Там, где нет деревьев, электролиний и чертополоха, а местность изобилует потенциальной добычей – полёвками, например – у сорокопуда имеется ещё один охотничий приём. Набрав нужную высоту, птица вдруг зависает в одной точке, подобно пустельге. В этот момент её движения точь-в-точь схожи с трепетанием в воздухе соколка – голова устремлена вниз, глаза и ловят малейшее движение, корпус тела строго неподвижен, приспущен длинный, чёрный с белым хвост, а взмахи крыльев настолько часты, что сливаются в одно неразличимое взглядом пятно. Дальше – как повезёт; если бросок удачный, сорокопуд хватает жертву и уносит на любой высокий объект, где принимается за разделку. Невольно напрашивается вопрос: как представитель воробьиных способен перетаскивать свои жертвы? Это ещё одна уникальная способность большого сорокопуда, отличающая его от всего воробьиного царства.

В начале ноября 2013 года, мокрым и холодным днём я проезжал полевой дорогой мимо зарослей ивняка и молодых перелесков. Ножом перед собой я заметил странно летящую некрупную птицу, которую принял за плохо летающего слётка серой куропатки. Птица была необычна и ни на кого не

похожа. Из всех сил взмахивая крыльями, она, тем не менее, двигалась крайне тяжело и медленно – казалось, её можно было догнать бегом. Изредка она снижалась при попытках короткого планирования, но в целом её полёт был прямолинейным и напряжённым. Видно было, что птице что-то мешало. Держась трёхметровой высоты, странное существо перелетело закруженный луг, преодолев не менее 200 метров, после чего, долетев до заболоченного кустарника, скрылось в его ветвях. Не сразу я догадался, что это был сорокопуд. А напряженность полёта объяснялась тем, что хищник в лапах нёс какую-то добычу, масса которой была для него вполне ощутимой. На большом расстоянии я не смог рассмотреть, кого именно перетаскивал сорокопуд, зверька или птицу, но отдал бы многое за то, чтобы это узнать. Интересно, что в полёте сорокопуд пытался воспроизводить свою характерную волнистую траекторию, чередуя взмахи с планированием, но ему практически не удавалось этого сделать из-за тяжести ноши. При попытке планирования его неодолимо тянуло вниз, а потому напряжённый полёт и состоял почти исключительно из усиленных взмахов. Но главное, сорокопуд перетаскивал свою добычу не в клюве, как это делают другие воробьиные птицы, а в лапах, подобно настоящим дневным хищникам.

Однако самая оригинальная особенность большого сорокопу́та, как и сорокопу́товых вообще – привычка накалывать свои жертвы на острые ветки, колючки, шипы или втискивать добытых животных в развилки веток. Так он заготавливает добычу впрок, а кроме того, закрепление добычи облегчает ее разделывание. За такую особенность сорокопуд получил первое, родовое своё название – *Lanius*, что означает, мясник, палач. В феврале 2001 года я совершенно случайно натолкнулся на разделочно-кормовую точку сорокопу́та, когда с трудом продирался сквозь тесное мелколесье и ивняк, полностью заполонивших старую вырубку. Слой снега подо мной достигал почти метровой толщины. Выбравшись на небольшую прогалину среди этих дебрей, я натолкнулся на улику, указывавшую на недавнее присутствие серого сорокопу́та и его удачную охоту. Не успевший до конца замёрзнуть окровавленный костный остаток тушки мелкой птички с несколькими вымазанными кровью пёрышками был наколот на короткий (5 см) сучок невысокого куста. Наколов жертву на ветку, сорокопуд расклёвывал её на полуметровой высоте. Ниже, на снегу, ветер раздувал россыпь перьев, как маховых, так и контурных и пуховых, имевших зеленовато-желтоватый оттенок. Маховые пёрышки были малы, птичка явно была мельче воробья; скорее всего, это могла быть мелкая синичка или королёк. Точно определить жертву я, к сожалению, не смог.

С окончанием зимы, когда солнце заметно поднимается и начнёт греть по-весеннему, наш разбойник буквально преображается. В жизни сорокопу́та наступает весна!

Начало марта. Раннее утро. Безлесные холмы, покрытые панцирем насту, простираются до горизонта. Между ними в низинах краснеют заросли тальника, нередко берёзовые и осиновые перелески. Всё это залито восходящим солнцем. Никакого ветра. Тихо и по-зимнему морозно. Лес ещё не наполнен голосами птиц: перелётных ещё нет, а для осёдлых как-то рановато. Только кое-где услышишь пробу голоса тетерева или робкую песенку обыкновенной овсянки. Единственный голос, который слышится отчётливо, доносится из заболоченного ивняка. Там, на макушке одной из молодых осин, торчащих из кустарника, на фоне голубого неба даже невооружённым глазом можно увидеть прекрасно освещённое солнцем белоснежное оперение первого певца. Подставив грудь солнцу, весну в этих краях начинает большой сорокопуд. Поёт он уже с конца февраля, благо стоят погожие дни. И каждое утро, когда я бывал в этих местах, я встречал белоснежного певца. Он садился на вершины разных деревьев, но особенно любил петь с макушек лип и тополей, которые стояли на высоком холме, где некогда была деревня.

Пение сорокопу́та оригинально, и его невозможно спутать с пением других птиц. На первый взгляд это несвязный набор трескучих, свистящих и шипящих звуков. Но когда вслушиваешься, начинаешь понимать, что это и есть та самая неповторимая песня этого, в общем-то, неумелого певца. Особенно

приятно слышать её в дни первого весеннего тепла, когда природа ещё не проснулась после зимнего сна. В звуках песни слышны короткие отрывистые, как у трясогузки, «псюить», сдавленное журчанье, скрипучее «уйть-уйть», сухой треск. Сорокопуд, по-видимому, способен имитировать разные звуки. В их набор входит что-то похожее на козье бляение «мее-мее», треск дрозда-рябинника, «чжа» пухляка, свистящее «тю», похожее на голос пеночки. При этом, преображается даже сам певец. У него совершенно исчезает привычный разбойничий имидж. Сорокопуд теперь полон какого-то неестественного, необыкновенно нежного обаяния. Пёрышки во время пения на голове поднимаются, отчего та кажется больше, но особенно раздувается горло певца. Освещённый мартовским солнцем, белоснежный охотник великолепен, а его невнятная, не имеющая ни конца, ни начала своеобразная песня самым прекрасным

образом дополняет великолепие пробуждающейся весенней природы открытых русских ландшафтов.

Таков он – длиннохвостый охотник-одиночка с разбойничьей маской на «лице», житель всей северной Евразии, коротающий вместе с нами суровые зимы и покидающий наши края с настоящим приходом весны. Вид этот всюду редок, а потому занесён в Красную книгу Российской Федерации. Большой сорокопуд гнездится и в средней полосе России, а потому, если повезет, увидеть его у нас можно и летом. С приходом осени, когда эти северные кочевники начнут свои сезонные перемещения и станут попадаться на глаза гораздо чаще, мы имеем больше возможностей познакомиться не только с самим сорокопудом, но и с его неповторимыми и яркими талантами, присущими только ему одному.

А. Субботин
Рисунки автора

Про Гека

Много лет назад у нас жил Гек, гусь-гуменник. Гусёнок вырос в гуся. Он жил у нас в тот самый год, когда всё орнитологическое сообщество бывшего СССР, истосковавшись по общению, собралось в Казани. Когда я вернулся из Казани, а меня не было более двух недель – он меня отчитал по-взрослому.

Захожу я в дом, а Гек осторожно так выходит из кухни, где стояла миска с едой. Увидел, что вернулся «блудень» (то есть я), и, потихоньку так, начинает меня отчитывать: «Где тебя носило? Я так по тебе скучал...» Я пытаюсь оправдываться: «Гек не ругайся, всё, я вернулся, я же недолго (по моим меркам) отсутствовал». Но его мои оправдания не устраивали, он стал «говорить» всё громче и громче: «Ты ещё смеешь оправдываться!», и приподнял крылья, явно желая задать мне трёпку. У нас были в это время гости. Все пришли в недоумение, никто не ожидал такой человеческой реакции. Это продолжалось не

скажу, что долго, но и не мало. Пришлось его как-то отвлечь, чтобы успокоить.

Перезимовав в домашних условиях, весной он уехал с нами на стационар. На всякий случай мы его окольцевали. Думали, махнёт Гек крылом – и был таков. Он всё время имел при себе этот алюминиевый «паспорт».

Почему-то из всех наших домочадцев больше всего Гек был привязан ко мне, хотя я уделял ему внимания меньше, чем остальные. Я и маленькая лодочка «Ёрш» были его первыми друзьями. В тот год наши сыновья ещё учились в школе, и мы с Ольгой по очереди обслуживали стационар. В ту весну была её очередь нести вахту. Я уехал.

Чтобы Гек не пустился за мной, Ольга его на пару дней закрыла в доме. Когда она его выпустила, гусь какое-то время поозирался, поосматривался и улетел – видимо, искать меня. Сделал несколько кругов над стационаром, через какое-то время вернулся. Но видно было, что он скучает. Ольга много времени проводила в его компании. Сидя вечерами на крыльце, они видели много интересного. Как-то прибежала выдра. Ни один пролетающий хищник не оставался незамеченным – острый взгляд Гека фиксировал всё. В тот год, благодаря Геку, мы отметили самое большое количество хищных птиц. Рекомендую орнитологам иметь такого помощника.

Как-то он исчез. Ольга долго его звала, но он не отзывался. Все эти дни из его чашки кормился бурундук.

Его не было почти две недели. Однажды вечером Ольга услышала на другом берегу какие-то странные звуки, мало похожие на гусиные. Она вышла к реке. На противоположном берегу сидел заледеневший гусь. Он не звал. Он что-то наговаривал.

Гешка в детстве.

На берегу.

Ольга села в лодку и съездила за ним. Гек не сопротивлялся. Дома он оттаял. Несколько дней не выходил из дома. Видимо, улетев в очередной раз на прогулку или на мои поиски, он заблудился. Содержание в неволе не проходит бесследно. Недостаток смазки повлиял на состояние оперения. Накупавшись в вечернее время, он не успел высушить перо, оно и обледенело.

Потерявшись, он явно испугался. После возвращения больше не совершал прогулок. От Ольги не отходил ни на шаг.

Днём Гек дремал возле «Ерша». Рано утром и вечером уходил на кормёжку. Но в дом не заходил. Складывалось впечатление, что Гек считал лодку неким живым существом – ведь она плавает по реке. Он никогда не садился в лодку, но всегда летел за ней.

Перед уходом на маршрут Ольге приходилось пускаться на хитрости, чтобы заманить его в дом и закрыть – иначе он не даст работать. Пошла она как-то на болото, делать фенологические описания. Гека не закрыла. Думала, что улизнула. Но через несколько минут услышала голос летящего гуся. Промолчала, не ответила ему. Однако Гек её быстро нашёл. Сесть не мог, так как Ольга находилась в

Кормёжка.

Портрет.

лесу. Он летал над ней, летал... Пришлось ей выйти на открытое место, чтобы гусь смог приземлиться. Вот так они и выходили на маршруты. Гек всегда был рядом, что-то приговаривая, следовал по пятам.

В середине июня я вновь приехал на стационара. Привёз продукты. Пока был на стационаре, Гек не отходил от меня ни на шаг. Даже в дом заходил – правда, с большой осторожностью. Всё-таки не доверял. Боялся, что я опять его закрою и улизну. Заманить его в дом проще было вечером, утром – практически невозможно. Перед моим отъездом мы так и поступили: заманили его накануне вечером.

Итак, в очередной раз я уехал. Пару дней Гека пришлось держать в доме. Но в конце концов его выпустили. Осмотрелся, меня нигде нет. Спокойно ушёл на речку. Искупался. Высушил перо. И... улетел. Было это 18 июня. В тот год мы его больше не видели. Следует сказать, что 18 июня не просто дата. В эти сроки у местных гуменников начинается линька, после которой они сразу покидают регион. Против природы не попрёшь! Положено перед началом линьки совершить путешествие – значит, так и будет. Вот и Гек мог куда-нибудь перелететь для линьки. Потом его захватили другие инстинкты – например, лететь на зимовку. Посетить стационар времени не нашлось: обратная миграция в его годовом цикле не прописана.

Прошло пять лет. Как-то вечером тишину нарушил голос летящего где-то за лесом гуменника. Мы решили позвать – просто так, наобум. Стали кричать: «Гек, Гек...» На наше удивление, птица откликнулась. Такого мы не ожидали. Гусь вылетел из-за леса и стал кружить над нами. Продолжалось это минут двадцать. Птица не садилась, но кружила и кружила. Гусь то удалялся, то возвращался. Мы были вынуждены принять волевое решение – перестать его звать и уйти в дом.

Больше мы Гека не видели. Поскольку «похоронка» из центра кольцевания не пришла, мы надеемся, что он всё ещё жив.

Е. Стрельников
Фото автора

Зима в степи

Декабрь в этом, 2016 году показал себя настоящим зимним месяцем. Морозы, сначала небольшие, а потом и серьёзные для нашего южного региона, не оставили сомнений: зима вступила в свои права. Снега выпало немного, но он укрыл поля и степь. Обитатели заповедника ведут себя соответственно сезону.

Куропатки держатся стаями вблизи дорог и полей озимой пшеницы. Невысокая численность главного четвероногого хищника – лисицы – дала возможность этим птицам успешно вырастить потомство. Даже после окончания сезона охоты стайки куропаток в охранной зоне заповедника и на сопредельных территориях насчитывают до 20 птиц. За время полевых работ с 15 по 19 декабря сотрудники научного отдела встретили 28 стай общей численностью 369 птиц – в среднем, таким образом, около 14 птиц на стаю. Возможно, некоторые (немногие) стайки учтены дважды. Но общей картины это не меняет.

На поле у автотрассы вблизи поселка Волочаевский остался неубранный валок пшеницы. Птицы давно нашли этот доступный корм. Больше недели здесь держится одиночный серый журавль, по неизвестным причинам не сумевший покинуть наши места вместе с журавлиными стаями. Птица не боится проезжающих автомобилей, но при остановке машины уходит, а при попытке подойти пешком – улетает.

Здесь же кормятся степные жаворонки, проснянки, галки, полевые воробьи. Одна проснянка, увлечённая кормёжкой на очищенной от снега площадке, в мороз-

ное утро подпустила фотографа буквально вплотную. И продолжала усиленно питаться.

На полях встречена стая жаворонков численностью более 300 птиц. Её состав оказался сложным: в ней были степные жаворонки и гости из далёких северных тундр – рогатые жаворонки и лапландские подорожники. Последний вид в районе заповедника регистрируется впервые. Так что этот полевой выезд ознаменован зоологическим открытием местного значения.

Активно ведут себя зайцы. Численность их также велика. Местами их следовые дорожки напоминают пути прогона сельскохозяйственных животных. В тёмное время суток нередки встречи пар зверьков, что говорит о начале сезона размножения. Подтверждение этому найдено на заячьих следах в виде ярких мочевых точек.

Подснежная активность отмечена и у общественных полёвок. В местах колониального проживания зверьки натоптали дорожки и постоянно выходят на поверхность в поисках корма. Довольно много встречено болотных сов. А дневных хищных птиц мало: только две встречи зимняков (мохноногие канюки, прикочевывающие в наши края из тундры) и единичные особи луней были отмечены за дни наблюдений.

В населённых пунктах, как всегда, массово зимуют домовые воробьи и хохлатые жаворонки. И, конечно, представители «чёрного семейства» – врановые: сороки, галки, серые вороны. Более редки встречи ворона.

А.Д. Липкович
Фото автора

Зимние куропатки.

Журавль-одиночка.

Лапландский подорожник.

Степные жаворонки.

Знакомство со Средней Азией

*Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.*

В.С. Высоцкий

После интереснейшего путешествия по Кавказу в 1968 году (смотри «Мир птиц» № 45-46), возникло острое желание расширить собственную Ойкумену. И летом следующего года, после окончания 2 курса, я организовал другую, еще более дальнюю поездку, теперь – по Средней Азии. Не надеясь уже на участие Вячеслава Данченко, который вновь планировал самостоятельное путешествие в уральскую тайгу, на реку Вишеру, я пригласил в нашу группу своего друга детства – Юру Москаленко, заканчивавшего 1 курс Киевского института инженеров гражданской авиации. Он всю зиму тренировался в Киеве в секции альпинизма и мог оказаться хорошим помощником в сложном походе по незнакомым горам. Юрий с интересом принял моё предложение пройтись по Тянь-Шаню, тем более, что в конце августа его ожидал еще альплагерь на Кавказе, и в результате он мог воочию сравнить эти две большие горные страны.

Ещё одним спутником стала Татьяна С., которая закончила биофак РГУ и по распределению должна была прибыть в августе на работу в город Грозный в Чечено-Ингушетию. Планировалось также участие моего друга-однокурсника Игоря Мацкевича, но он, к сожалению, по разным причинам не смог поехать с нами, однако позже вместе с сокурсником Виктором Иванченко тоже отправился в самостоятельный поход по Средней Азии. В августе через Баку ребята добрались до Красноводска в Туркмении, побродили там по пустынному побережью Каспия, распугивая и расстреливая из ружья страшных, незнакомых змей на прибрежных скалах. А когда у них закончились продукты и карманные деньги, они были вынуждены продать что-то из своего походного снаряжения и повернули обратно в Ростов.

Мы же готовились к походу более основательно. Правда, у нас тоже был острый дефицит денег, тем более что я в течение семестра не получал стипендии. Поэтому по-прежнему приходилось во многом рассчитывать на удачу. Зимой я читал книги о природе и птицах Средней Азии, собрал необходимые карты, узнал пути через перевалы, детально продумал собственный маршрут путешествия, полностью выполнить который нам, к сожалению, не удалось – прежде всего, из-за недостатка времени.

В родной шосткинской школе я взял напрокат единственную имевшуюся там небольшую палатку совершенно фантастической конструкции. Это был кусок брезента, который растягивался по периметру вокруг шеста высотой около полутора метров. Спать в этом шалаше приходилось фактически на земле, свернув-

шись калачиком вокруг центрального кола. Но мы были застрахованы теперь на случай возможного дождя. Во время летней практики, будучи проездом в городе Туапсе, я случайно увидел в спортивном магазине свою мечту – «абалаковский» рюкзак, сконструированный известными братьями-альпинистами Евгением и Виталием Абалаковыми и считавшийся тогда лучшим рюкзаком в России. У нас были также котелки для приготовления еды, и Татьяна, знакомая с тайнами кулинарного искусства, обеспечивала нам в походе более качественное питание.

Вновь за плечами было ружьё, теперь, правда, кафедральное, с которым я охотился на птиц в экспедиции по Восточному Предкавказью в мае 1969 года, а затем на полевой практике на Кавказе в июне – июле того же года. Хотя постоянно снабжать нашу группу дичью с помощью ружья мне не удалось, тем более, что путешествие наше получилось больше туристическим – по столицам и старинным городам Средней Азии, – но в горах Тянь-Шаня я собрал для РГУ небольшую коллекцию шкурок птиц, в том числе добыл трёхпалого дятла, чёрную ворону, бурую оляпку, нарядного соловья-красношейку, горных выюрков и некоторых других птиц.

Я взял также свой фотоаппарат, так что на память о Средней Азии у нас осталось много снимков. Но вот свободного времени на дневник в походе уже почти не оставалось, поскольку приходилось думать теперь за троих и по мере возможности обеспечивать интересы трёх разных личностей. Поэтому восстанавливать хронику того путешествия сейчас приходится в основном по памяти и фотографиям. Печатая эти фотографии осенью, наблюдая, как в кювете на фотобумаге постепенно возникали вершины и ущелья Тянь-Шаня, я как бы еще раз наяву проходил все эти маршруты, в который раз вспоминая наши летние приключения.

* * *

В середине июля 1969 года, когда наш курс закончил полевую практику по ботанике и зоологии на Михайловском Перевале за Геленджиком и мы переехали для проведения ее «морской» части в Новороссийск, я отпросился с практики у руководителя, Нателы Халиловны Ломадзе, пообещав привезти в РГУ из Средней Азии новые сборы птиц, а для ботаников – лишайники из лесов Тянь-Шаня и водоросли из Аральского моря и горного озера Иссык-Куль. Досрочно вернувшись с Кавказа в Ростов, я сразу же отправился в Шостку, затем вместе с Ю. Москаленко мы приехали домой к Татьяне в город Сердобск Пензенской области и уже оттуда через Ртищево, а затем через Саратов и Уральск 29 июля 1969 года направились в Среднюю Азию.

За Волгой вдоль железной дороги и среди полей еще тянулись редкие лесополосы, а за рекой Урал мы долго ехали по безлюдным пустыням Казахстана, где однажды из окна вагона удалось заметить даже убежавшую за дальние увалы антилопу-сайгу. Сидевший с нами в купе украинский парень, привыкший к тесноте сёл и полей на Украине, с печалью смотрел за окном и всё время повторял: «Скильки зэмлі гуляе...», подразумевая, что земля здесь не используется в сельском хозяйстве, не дает плодов, урожая, дохода. Но он не подозревал, не знал, наверное, что обширные безводные глинистые пустыни непригодны ни для земледелия, ни для животноводства, и только там, где есть пресная вода, появляется и жизнь!

Утром приехали в Аральск, где планировалась наша первая остановка для очного знакомства с пустынями и Аральским морем. Вышли с рюкзаками на дощатый перрон, где «пустыня» неожиданно приветствовала нас непривычным даже для нашего Ростовского степного лета холодом, низкой сплошной облачностью и мелким морозящим дождём.

Вот тебе, бабушка, и пустыня... Желания гулять и купаться в Аральском море под дождём ни у кого не было, сколько ждать улучшения погоды – мы не знали, и терять здесь время впустую не хотелось. Поэтому, посмотрев на ржавые суда, стоявшие у причала, мы дождались следующего поезда в сторону Ташкента, вновь забрались в вагон и направились из Казахстана уже в Среднюю Азию. Оставив Юрия с рюкзаками в одном из общих вагонов, мы вдвоем с Татьяной ехали туда в отдельном купе полупустого мягкого вагона как пассажиры, случайно отставшие от своего поезда. А вечером «догнали» в Ташкенте свои рюкзаки и стали искать на вокзале укромное местечко для ночёвки.

Следующий день в Ташкенте обрадовал нас солнцем и летним зноем. Бродя по городу, попали на огромный, многолюдный и многоголосый рынок, сплошь заваленный горами арбузов, дынь, овощей, фруктов, винограда и других даров среднеазиатского лета. Это видение богатого ташкентского рынка навсегда осталось в памяти как первое впечатление о Средней Азии.

Селевое озеро в «ловушке» в 1973 году

Из Ташкента поездом отправились в Алма-Ату, в переводе с казахского – «отец яблок», который встретил нас на следующий день зеленью садов и скверов, журчанием арыков на городских улицах, бело-голубыми вершинами Заилийского хребта в мареве над городом. После прогулки по Алма-Ате съездили в горы, вверх по долине реки Малой Алматинки, памятной для старожилов города страшным селом 1921 г., хлынувшим с гор на Алма-Ату, залившим окраины города и вызвавшим многочисленные разрушения и жертвы среди населения. После того селя ущелье Алматинки в урочище Медео для защиты города от стихии было перегорожено огромной дамбой.

Летом 1973 года, уже после нашего путешествия, там случился еще более грозный сель, чуть не закончившийся для Алма-Аты катастрофой. И лишь благодаря этой плотине и самоотверженному героизму строителей, несколько дней и ночей спасавших плотину от разрушения грязекаменным потоком, переполнившим запруду, удалось отстоять прекрасный город и жизни сотен людей.

Доехав до Медео, мы поднялись на плотину по бесконечной каменной лестнице, насчитывавшей более 600 ступеней, посмотрели сверху на строившийся спортивный комплекс с высокогорным катком «Медео», прошли по дамбе, любясь лесистыми ущельями и заснеженными гребнями гор вдали на юге, а к вечеру вернулись в Алма-Ату. Поскольку тупиковый железнодорожный вокзал здесь на ночь закрывали, отправились в аэропорт, где вместе с многочисленными пассажирами, ожидающими своих авиарейсов, устроились на ночёвку в уголке, постелив для приличия прямо на полу свежие газеты.

На следующий день с утра собрались выйти в горы на перевал Алматы через Заилийский хребет. По долине Большой Алматинки выехали в пригороды столицы Казахстана, затем долго поднимались вверх по дороге до старинного бальнеологического курорта Алма-Арасан и неподалеку от него разбили свой первый лагерь в горах, принаравливаясь у вечернего костра к походной жизни, опробуя нашу оригинальную палатку и котелки для еды. На второй

Современный стадион «Медео», вид с плотины

день по найденной туристской тропе вдоль реки Проходной, левого притока Алматинки, прошли ещё немного вверх, но идти с непривычки с тяжёлыми рюкзаками, набитыми 10-дневным запасом провианта, было тяжело, особенно Татьяне. Поэтому на третий день, добравшись до верхней границы еловых лесов, где мы нашли пустовавший балаган лесорубов, устроили днёвку для отдыха и акклиматизации.

Здесь нас окружали огромные тянь-шаньские ели, в одиночку и группами стоявшие на склонах среди высокогорных субальпийских лугов и малинников. По утрам, когда склоны ещё покрывал редящий туман, лучи солнца, поднимавшегося из-за гор, пробивались через ели яркими, сияющими в белёсой кисее золотистыми веерами. Ельники на рассвете были полны различных незнакомых мне птиц, порхавших и перекликавшихся в густых кронах деревьев, среди кустарников и на курумниках по полянам. Я долго бродил с ружьём по росистой траве близ лагеря, наблюдая и скрадывая пернатых.

Во время одной из утренних прогулок я заглянул также в ближайшее боковое ущелье и там на большой каменной осыпи у подножия северного склона случайно заметил череп тэка (сибирского горного козла) с огромными, закрученными рогами, погибшего, вероятно, в зимней лавине. С этим бесценным трофеем я и вернулся в лагерь. У Юрия от зависти чуть не капали слёзы. Я понимал его чувства, и мне было искренне жаль друга. Но, разузнав о месте находки, он быстро отправился туда, и каково же было наше удивление и радость, когда через полчаса Юра тоже пришел к палатке с точно таким же черепом тэка!

Паритет был восстановлен. Мы водрузили эти тяжёлые рога на свои рюкзаки, упрятав черепа внутрь, и потом почти месяц носили их на своих плечах, вызывая удивление и зависть у знатоков и охотников. Однажды в Киргизии эти рога оказали нам большую подмогу в преодолении обширного «безжизненно-го» пространства в горных степях по долине реки Сусамыр. Мы заехали в тот район на попутных грузовиках-трубовозах, направляясь в город Ош, а затем на развилке степной дороги остались одни в ожидании следующей попутной машины. Но, как оказалось, здесь незадолго до нашего приезда началась эпизоотия ящура среди домашнего скота, и дороги для случайного автотранспорта были перекрыты блокпостами с солдатами. Поэтому машин почти не было, и мы до вечера простояли в их ожидании под солнцем, так как негде было даже спрятаться в тень.

На ночь пришлось проситься к киргизским чабанам в юрту, поскольку ни поставить палатку, ни разжечь костёр мы не могли из-за отсутствия деревьев. На следующий день вновь долго стояли на обочине дороги, пока, наконец, возле нас не остановились два тяжёлых мотоцикла с колясками – «Уралы», на которых охотинспекторы из города Фрунзе (Бишкека) проводили проверку своих угодий. У меня

потребовали охотничий билет (разрешений милиции на хранение и ношение охотничьего оружия, будь то своего или чужого, в те времена ещё не требовалось!), а также проверили черепа наших тэков, не добыты ли они в горах без лицензий.

Удостоверившись, что мы не браконьеры, а студенты-зоологи из далекого Ростова, они согласились подвезти нас в попутном направлении. И с этими неизвестными для нас киргизскими инспекторами мы ехали потом на мотоциклах почти весь день, около 300 км до города Оша, увидев по пути мощный, грозный Нарын, бившийся в теснине об отвесные скалы, посмотрев строительство грандиозной Токтогульской ГЭС в глубоком каньоне на том же Нарыне. К сожалению, дорога эта, как и вообще все места при быстрых переездах на автотранспорте, запомнилась мне мало.

Вернувшись в Ростов из путешествия, я подарил рога тэка нашему заядлому охотнику И. Мацкевичу в память о его несостоявшейся Средней Азии, и они потом долго, до его гибели, украшали кабинет в новом доме Игоря на улице Гастелло. А Юра оставил своего тэка в Шостке, где рога до сих пор висят на стене в гостиной Владислава Москаленко.

На четвертый день похода, уже под вечер мы достигли сравнительно пологого перевала Алматы (3599 м над уровнем моря) через Заилийский хребет, где нас накрыло плотное облако с холодным дождём и зарядом снега, через который мимо нас низко пронёсся огромный рыжий бородач, встреченный мною впервые в жизни. Перевалив на южную сторону хребта и немного спустившись вниз, мы вскоре оказались под тучей. Дождь стих, но на высокогорном пастбище джайляо в мокрой одежде на ветру было холодно, и мы поспешили вниз к большой одинокой юрте, видневшейся вдали. Хозяйева юрты – семья пожилых казахов, пасших летом на джайляо скот, прикочевавший из знойной степи, – гостеприимно приютила на ночь замерзавших, голодных студентов-путешественников. Нас обогрели в юрте, накормили, и мы в благодарность за это достали из своих запасников флакончик с нашим дефицитным «лекарством».

Верховья реки Проходной

С разрешения хозяев мы остались в юрте еще на день, чтобы отдохнуть и просохнуть после снежного перевала. Следующим днем казахи накрыли у очага в своей круглой юрте низенький стол и пригласили нас на обед. Сначала пили чай, но, не зная, что по казахским обычаям, напившись, надо было переворачивать пиалы вверх дном, мы ставили их на стол, и хозяйка из-за спины без устали наполняла нам эти чашки, внимательно следя, чтобы они всё время были с чаем. А после чая на стол поставили большой таз с горячим, еще дымящимся варёным мясом барашка. Но наши желудки к тому времени были уже переполнены чаем, и нам оставалось лишь ради приличия отщипнуть по кусочку баранины и попробовать её вкус, ещё раз поблагодарив хозяев за необычайно вкусный обед и за их гостеприимство.

После обеда, пользуясь возможностью, мы с Юрой ради тренировки и для знакомства с горами сбегали на соседнюю вершину, высота которой, судя по картам, составляла 4006 м над уровнем моря! Но гора, довольно крутая внизу, на плоской вершине была покрыта россыпями щебня и обширными полями неглубокого снега и не представляла никаких проблем для подъёма на такую высоту даже для неподготовленных туристов. Это разительно контрастировало с Кавказом, где альпийские вершины четырехтысячников уже практически недоступны для дилетантов.

Распрощавшись следующим утром с гостеприимными казахскими чабанами, мы начали спуск вниз и днем достигли разделяющей Заилийский хребет и Кунгей-Алатау широкой продольной долины реки Чонг-Кемин. Долина была покрыта горными степями, и мы долго шли вдоль реки под палящим солнцем в поисках переправы, показанной на картах. Лишь к вечеру перебрались на левый берег Чонг-Кемина, нашли боковое ущелье, по которому тропа шла дальше на перевал Кок-Айрык через Кунгей-Алатау, и в его устье остановились еще на одну днёвку.

Здесь в ущелье вновь появились ельники, а также корявые арчэвники. На степных участках в долине среди камней было много тянь-шаньских сурков, но охота на них с моим дробовиком оказалась малоэффективной, поскольку подранки всегда успевали

Долина реки Чонг-Кемин. Фото Т. Скородумовой

скрыться в глубоких норах под камнями. Лишь появление местного чабана-киргиза позволило нам попробовать эту дичь. Чабан с помощью своей мелкокалиберной винтовки вскоре подстрелил и привёз нам крупного, жирного зверька, шкуру которого я снял для коллекции в РГУ, а мясо мы сварили и, несмотря на его специфичный, непривычный запах, с аппетитом съели. Чабан метко «снял» для нас также местную чёрную ворону, прилетевшую к лагерю и сторожко дежурившую неподалеку на вершинах елей. В горной степи появились стайки клушиц, по ручью были нередки обыкновенные и бурые оляпки, однажды мне удалось увидеть даже таинственную синюю птицу!

Отдохнув, начали подъём на Кунгей-Алатау. Через 10 км с большим трудом преодолели следующий, засыпанный снегом перевал Кок-Айрык (3890 м над уровнем моря), оказавшийся лишь немногим ниже вершины, на которую мы поднимались с Юрием на Заилийском хребте. Затем начался спуск к Иссык-Кулю. Вечером, почти достигнув выхода из ущелья в озёрную котловину, остановились на ночёвку у ручья в широкой долине, где стояли две юрты киргизских чабанов. В одну из них пустили на ночь нашу компанию, а в другую – двух ребят-питерцев, догнавших нас при подъёме на перевал. Но небогатая, многодетная семья, жившая в нашей юрте, не особенно привечала любопытных туристов, и мы с киргизами общались мало, лишь сфотографировавшись с ними утром на прощание.

Переночевав в юрте, продолжили спуск по ущелью, вскоре вышли на плоскую, освоенную земледельцами равнину в озёрной котловине Иссык-Куля и ещё долго шли по ней под палящим солнцем, пока не достигли, наконец, берега озера на окраине поселка Чон-Сары-Ой близ Чолпон-Аты. В общем, на переход от Алма-Аты до Иссык-Куля мы затратили 10 дней, тогда как тренированные спортсмены ходили иногда из Казахстана купаться на Иссык по проторённой тропе всего за два дня! Но мы не интересовались сейчас спортивными достижениями. Главным для нас было знакомство с новым, неизвестным ранее миром, природой, людьми Средней Азии.

В последующие годы через два перевала между Алма-Атой и Иссык-Кулем проложили автодорогу, а на перевале Кок-Айрык меж двух скал поставили триумфальные железные ворота со знаменательной надписью о большом значении этого пути. Однако после того, как по Заилийскому хребту прошла государственная граница между Казахстаном и Киргизией, дорогу забросили. Ну а вода, снег и осыпи быстро сделали свое дело.

Накупавшись в Иссык-Куле, мы отбыли на попутке в село Рыбачье на западной окраине озера, а затем по долине реки Чу, отделявшей Кунгей-Алатау от Киргизского хребта, проехали в столицу Киргизии – город Фрунзе (нынешний Бишкек). Переночевав ещё раз в аэропорту на газетках, на следующий

Перевал Кок-Айрык с севера, 20.07.2011.
Фото Т. Скородумовой

день отправились далее через Киргизский хребет в сторону города Оша. По знаменитому памирскому тракту Хорог – Ош, через перевал Кызыл-Арт на Заалайском хребте, я надеялся попасть ещё на Памир, чтобы посмотреть там высокогорные пустыни, а также озеро Каракуль, где гнездились эндемичные буроголовые чайки и тибетские саджи. И хотя бы издали взглянуть на один из высочайших семитысячников СССР – пик Ленина.

Однако из-за недостатка времени от памирского похода пришлось отказаться. Нам нужно было возвращаться в Европу, где Татьяну – «пропавшую» выпускницу – в городе Грозном уже искала милиция, а Юра Москаленко торопился попасть на свою смену в альплагерь на Кавказе. Поэтому из Оша мы повернули на северо-запад, на попутном грузовике быстро доехали до Андижана, вновь оказавшись в Узбекистане, и там впервые досыта наелись, купив в чайхане по огромной пиале настоящего, необычайно вкусного, душистого узбекского плова. Из Андижана уже на поезде отправились через Ферганскую долину в Самарканд, который особенно запомнился многочисленными величественными памятниками старины. Мы долго бродили по городу, любуясь прекрасными старинными мечетями, минаретами и медресе на Регистане, мавзолеем Шахи-Зинда, обсерваторией Улугбека, древними развалинами, связанными с именем Тамерлана – Хромого Тимура.

Пик Ленина.

Перевал Кок-Айрык с юга, 20.07.2011.
Фото Т. Скородумовой

Здесь у нас практически закончились деньги. На последние копейки я отправил домой телеграмму с просьбой прислать денежный перевод в Ашхабад, на Главпочтамт до востребования, и мы отправились туда уже на товарняке, на платформе с досками, в тени которых прятались от обжигающего солнца и целый день с ветерком катили через пустыню Каракумы.

Стояла жара и зной. На станциях местные жители стаканами и кружками продавали мутную дефицитную пресную воду. На одном из полустанков, где остановился наш товарняк, я купил за несколько копеек большой арбуз, но когда мы разрезали его на своей платформе, он оказался кормовым – белым и совсем безвкусным. Его можно было есть только чтобы пополнить запасы влаги в организме.

Перед Ашхабадом, в приграничных с Ираном районах, пересели на поезд и долго ехали под охраной пограничников, стоявших в открытых тамбурах с оружием, чтобы, не дай бог, пассажиры не убежали через знойный, пустынный, безлюдный Копетдаг за границу... За пределами вагона была такая жара, что обжигало руку, высунутую в окно на ходу поезда!

В Ашхабаде, оставившем очень приятное впечатление широкими, просторными улицами, лёгкими, ажурными белыми домами, фонтанами на солнечных площадях, я быстро нашёл Главпочтамт, получил по переводу 25 рублей и отправился на вокзал, где меня ждали Татьяна и Юра. Из Ашхабада мы уехали в Красноводск (ныне Туркменбаши), где взяли самые дорогие за всё путешествие билеты по 2 рубля 50 копеек на паром до Баку – на палубе, IV классом. В результате из присланной мне суммы осталось чуть больше половины. Но Баку был уже на нашем берегу, на знакомом Кавказе, и до финиша оставалось чуть-чуть...

Ночное плавание на пароме через Каспий тоже почти стёрлось из памяти. Могу привести здесь любопытные воспоминания Алексея Ефимовича Моисеева, известного профессора-энтомолога из Ростовского пединститута, который в свои студенческие времена, в далеком 1936 году, тоже плыл на этом пароме, возвращаясь в Ростов из Средней Азии, где проходил преддипломную практику.

Сохранившиеся проездные билеты...

«Красноводск невзрачный городишко, разбросанный на прибрежных холмах. Кругом пустыня. Море рядом, но воды в городе нет. Питьевую воду привозят. Однако Красноводск важный порт. В этом его значение. Морской паром, забирающий одновременно тысячу пассажиров, стоял наготове у причала порта. До Баку поперек моря 280 километров. Утро ясное, тихое, море спокойное. С высокого борта парома через прозрачную и спокойную воду видно морское дно. Пассажиры разместились в помещениях под палубой и в трюме. Немногие остались на палубе среди закреплённых лебёдок и разного оборудования. Я расположился на палубе у борта с тем, чтобы любоваться морем. Даже пожалел, что море спокойное, и поездка не доставит острых ощущений.

Паром отошел в одиннадцать часов дня. Рядом со мной у борта стояли мужчина и женщина примерно тридцатилетнего возраста, любовались морем. Судя по интонации голоса и поведению мужчины, это были не муж и жена. Сначала паром шел спокойно, затем к концу дня усилился ветер, поднялась волна. Началась качка. Ветер срывал пену с гребня волн. Матросы, обслуживавшие паром, забежали по палубе, спешно убирая висащие на реях похожие на паруса какие-то большие полотна. Пассажирам они предложили спуститься в трюм. Ветер усиливался. С берега сообщили: шторм семь баллов. Волны величиной с двухэтажный дом ударяли в нос и несколько в бок судна. Волна каспийская особенная, крутая. Паром то поднимался носом на волну, то падал в глубокую межволновую яму. Через борт волны не перекидывались, только обдавали палубу прохладными брызгами. На палубе людей осталось мало, ушли в трюм. Началась морская болезнь – рвота.

– Смотрите не на ближние волны, а вдаль. Это избавляет от рвоты, – говорил мне и женщине стоящий рядом мужчина. Но вскоре у него самого началась рвота, и он куда-то исчез. Немного позднее, почувствовав неладное, ушла и женщина. Я не уходил в вонючий трюм, стоял у борта и старался смотреть

вдаль. Но настала и моя очередь. Сдерживать рвоту стало не в силах. На противоположной стороне палубы, ближе к носу парома встроена раковина умывальника и краник с водой. К нему я и направился. Идти было невозможно, бросало из стороны в сторону. Цепляясь, то за один, то за другой закреплённый на палубе предмет, с трудом добрался до умывальника, а потом и обратно к месту, где лежала моя сумка. Палуба и всё, что было на ней, имели неприглядный вид, были испачканы людьми. Рвота не проходила, приступы ее чередовались один за другим. В желудке, кажется, давно уже ничего не осталось, а его всё выворачивало наизнанку. Терпеть не было мочи.

Спасение пришло неожиданно: я лёг на палубу головой к борту, под голову положил сумку и закрыл глаза. Позывы к рвоте прекратились. Открою глаза – болезнь начиналась снова. Уже стемнело, волны продолжали обрызгивать палубу, но холодно от брызг не было. Лёжа с закрытыми глазами, я уснул и проснулся перед рассветом, когда море успокоилось. Проснулись люди и в трюме. Некоторые из них недосчитались своих вещей, воры не дремали. Моя сумка, в которой лежала тысяча рублей, заработанных за лето, видимо, никому не приглянулась, да и вид студента, спящего на голой палубе, без всякой подстилки, вряд ли мог заинтересовать вора. Паром опоздал прибытием в Баку на четыре часа. Поезда не ходили – на суше был ливень с грозой, размыло пути. В Ростов я приехал утром, а в Новошахтинск электричкой вечером того же дня» (Моисеев А.Е., 2004. О Времени и о себе. – Ростов-на-Дону: <http://www.moiseev.su/history/index.htm>).

27 августа мы прибыли в Баку. В знакомом мне по 1968 году городе я провёл друзей по красивой приморской набережной, мы вместе еще раз поднялись на башню Гыз-галасы, осмотрев город сверху. Потом распрощались с Юрием, уехавшим в альплагерь в Грузию, и направились в город Грозный. Путь до Грозного оказался для нас полон новых неожиданных приключений, но это уже совсем другая тема для разговора.

Приехав в Грозный, мы в последний раз разбили свою палатку в сквере на большой площади перед «Белым Домом». Рано утром нас разбудили тяжёлые шаги первых прохожих, спешивших в сапогах по асфальтовой дорожке куда-то на работу. На Ацетобутиловом заводе (АБЗ) близ реки Сунжи на западной окраине города, где на производстве срочно требовался грамотный микробиолог, Татьяну уже давно ждали. Ей сразу же выделили отдельную комнату в семейном общежитии. Затем мы сходили в ЗАГС, и только после этого 31 августа я отправился в Ростов готовиться к началу нового учебного года.

В конце августа в Ростов вернулся из тайги и Вячеслав Данченко. Он почти месяц провёл в одиночку в таёжной глуши на реке Вишере, кормя там многочисленных голодных комаров. По его рассказам,

Вид на башню Гыз-галасы в 1874 г. Художник А. Боголюбов

Башня Гыз-Галасы сейчас.

* * *

питался он почти одними грибами и ягодами, поскольку многочисленные рябчики, отъедавшиеся это время в основном на черничниках, имели синее, очень кислое, неприятное на вкус мясо, и были непригодны в пищу. В связи с этими мне вспомнился интересный рассказ Э. Сетона-Томпсона о североамериканских индейцах, которые в прошлые времена по вкусу мяса своих таёжных птиц, как по календарю, определяли месяцы, времена года.

Однажды в июле 1990 года мне тоже довелось побывать в тех северных краях, на реке Вычегде, и я прекрасно представляю себе условия многодневного пешего похода с тяжёлым рюкзаком по заболоченной тайге. Оставшись на ночь в лесу без палатки, я вынужден был бежать тогда несколько километров к спасительной тригонометрической вышке, поднимавшейся высоко над лесом, которую приметил ещё днём у дороги. Только взобравшись на её верхнюю площадку, я спасся от комаров, и там, привязавшись к опоре, смог поспать пару часов, а затем долго наблюдал сверху незабываемый туманный рассвет над тайгой.

Славик, отощавший на грибной диете, к концу своего путешествия уже еле бродил по тайге. Наконец он выбрался к заброшенной деревушке на берегу реки, разобрал там старый бревенчатый дом, связал из брёвен плот и уже на нём отправился дальше вниз по течению Вишеры. Спасшись посреди реки от злых комаров, он разделся и обессиленный лежал на плоту, отдавшись течению и молча созерцая проплывавшие мимо берега. А в редких жилых селениях, встречавшихся у реки, встревоженные жители выходили к Вишере и созерцали неподвижно лежавшее на плоту голое тело человека, вслух рассуждая, жив он или мёртв. Когда их разговоры достигали ушей Вячеслава, он нехотя поднимал руку и отвечал им, что, мол, еще живой...

В последующие годы мне довелось еще несколько раз побывать в Средней Азии. В 1988 и 1989 годах я трижды поднимался к Медео, где на обширных галечниках выше дамбы в котловине селеловушки, заполненной катастрофическим селом 1973 года, мы нашли гнездовья редчайшего эндемика центральноазиатских высокогорий – кулика серпоклюва. Однажды я прошел из Медео мимо урочища Чимбулак по проложенной в ущелье дороге до селезащитной плотины Мынжилки – почти до верховий Малой Алматинки, сильно обгорев без рубашки под высокогорным ультрафиолетом, хотя солнце весь день пряталось в низких, плотных облаках.

Однажды осенью я побывал в предгорьях Киргизского хребта – на реке Талас у города Джамбула, который в прошлом и сейчас вновь называют по имени этой реки Тараз («весы»). В том же году пришлось работать в низовьях реки Чу в пустыне Муюнкум, или Мойынкум (в переводе с казахского – «пески верблюжьей шеи»). Еще два весенних сезона я провел в дельте реки Или среди пустынь Прибалхашья.

Все эти строго регламентированные научные поездки дали много интересных, важных материалов по орнитофауне Казахстана. Но наиболее яркие, богатые и разнообразные, ни с чем не сравнимые впечатления о Средней Азии оставила, конечно же, та наша давняя студенческая поездка. На основе таких впечатлений нередко закладываются будущие научные интересы начинающих исследователей. Возможно, поэтому вся моя дальнейшая орнитологическая деятельность и была связана в основном с изучением птиц Юга Палеарктики – гор Кавказа и Средней Азии, степей и пустынь России и Казахстана...

В.П. Белик

Даурия

Многие люди не любят поезд. Скучно, мол, утомительно, пустая трата времени. Что до меня, так это самый любимый транспорт! Сколько дел можно переделать, сколькими впечатлениями насытить взор и душу! Мелькают речушки, посёлки, леса, луга моей России. Господь, по счастью, наградил меня благодатным свойством видеть в каждом дереве, каждом цветке, каждом холме индивидуальность со своей собственной судьбой, и окружающий мир, пролетающий за окном поезда, наполнен для меня не бездушными объектами, а, если хотите, личностями, с которыми интересно познакомиться, хоть и мимолётно.

Никогда не захожу разговоров со случайными попутчиками и на их попытки отвечаю вежливо, но неохотно, так что вскоре меня оставляют в покое. Уютно располагаюсь на своей полке, раскладываю книги и тетради, пишу, читаю, поглядываю в окно. Хорошо!

И на эту конференцию по журавлям, что намечалась в Даурском заповеднике, отправилась поездом. Проехать целых пять суток от Москвы, почти через всю страну, в любимый август, среди европейских лесов и полей, предгорий и скал Урала, лесостепных просторов Западной Сибири, мимо Байкала и забайкальских бескрайних степей – это ли не счастье? Да за это время можно и налюбоваться, и полкниги написать!

Путь до Красноярска уже многократно по железной дороге проделан, так что на этом отрезке дороги встречаюсь и здороваюсь со старыми знакомыми: речками, озерами, станциями. Неизведанный путь начался от Иркутска, здесь я еду впервые и уже не отрываюсь от окна. Сразу после города пошли восхитительные пейзажи: невысокие горы, поросшие сосной, скалы, чистые быстрые речки, огромные валуны; по низинам – ель и берёза с уже золотыми прядками-грустиночками. Поезд то и дело ныряет в длинные тоннели, проложенные в чреве гор; на одном из них, оглянувшись (еду почти в хвосте), заметила дату постройки – 1946 год! Мелькают маленькие станции с весёлыми домиками; на одной из них успеваю прочесть удивительное её название «Чёртова гора».

А потом показался Байкал. Сколько лет мечтала проехать на поезде его берегом – и оказалась несколько разочарованной: над озером стоял не то густой туман, не то дымка пожаров (в то время леса Восточной Сибири сильно горели), так что я полдня видела одно и то же – только береговую кромку воды. Были какие-то чайки и утки, но в туманной дымке, да ещё на скорости, их невозможно было рассмотреть.

В Читу приехали ранним утром. Организаторы конференции любезно встречали приезжающих с журавлиными плакатиками. Меня без лишних хлопот доставили в гостиницу. До организованного выезда в Даурский заповедник оставалось около пяти часов, и я отправилась погулять по городу. Вообще я не

любительница таких экспресс-набегов на незнакомые города; мне надо прочувствовать город, его ауру, его прошлое и настоящее. А пробежаться по случайным улицам в такое короткое время – всё равно, что пролететь авиалайнером над всей страной: ничего не увидишь и не поймёшь. Зашла в величественный кафедральный собор Иконы Казанской Божьей Матери, постояла немного на службе среди горстки прихожан. Посетила совершенно пустой храм Луки Крымского Исцелителя, что возле Медицинской академии. Попытки попасть в Художественный и краеведческий музеи не увенчались успехом – понедельник, выходной. Мимолётные исторические сведения пришлось черпать из уличных стел и мемориальных досок, и я, между прочим, узнала, что «сибирский участок Транссиба построен в 1891-1900 гг.»; что на гербе Читинской области изображён грозный орёл со стрелой в лапах (что бы это значило?); что в Читинском остроге были в ссылке 85 декабристов в 1827-1830 гг. В одном из парков заметила крикливую стайку голубых сорок, которых видела в природе впервые. Прошла мимо сквера Целинников и не обратила бы на него внимания, если бы не бросилась в глаза дата – 1954 г. – год моего рождения. Оказывается, забайкальскую целину начали поднимать именно в этом году. Возле мемориальной доски лежал огромных размеров плуг той эпохи, и я поймала себя на почти враждебном чувстве: ведь он принимал участие в оскальпировании роскошных девственных забайкальских степей и теснил дикую фауну – дзеренов, журавлей...

После обеда собравшихся в гостинице участников конференции повезли на комфортабельном «Икарусе» в Даурский заповедник. Быстро миновали Читу, и я мысленно попросила у неё прощения за столь небрежное, поверхностное, можно сказать, неуважительное знакомство с ней.

Дорога в Даурию – три часа восторга! Автобус мчался по прекрасной трассе, петляющей между гор с раскидистыми соснами; он то устремлялся в глубокие

Даурия. Фото Л.В. Маловичко

На кордоне Уточи. Фото Е.И. Ильяшенко

распадки, то весело взбегал на крутогорья. А потом начался участок даурской степи – роскошной, холмистой, ароматной, со стадами коз и овец, со скатанными рулонами сена. В открытые окна автобуса врывались волнующие ароматы степи, наполняя душу светлой грустью: предалась ностальгическим воспоминаниям о Хакасии, детстве, о наших степных просторах, пахнущих полынью и терпким разнотравьем.

В заповедник, на кордон Уточи приехали уже по полной темноте. Нас быстро разместили по гостевым домикам, предложили горячий душ (неожиданный сервис среди степей!) и горячий ужин.

Утром, до открытия конференции, немного осмотрелась по сторонам. Кордон заповедника расположен в открытой безбрежной степи. На горизонте видны огромные озёра. Сам кордон небольшой: десяток домиков, включая офис заповедника, ангар, приспособленный для конференций, столовую, баню, душ и помещения для гостей. Моё внимание привлёк верстовой столб со стрелками-указателями, на которых обозначены столицы мира с расстоянием до них. Самое дальнее расстояние преодолел наш коллега из Парижа – 7321 км! Чуть ближе был путь у орнитологов из Берлина – 6490 км. Путь для нас, москвичей, составил 4997 км. Приехавшие специалисты из Токио (2500) и Пекина (1120) – почти соседи, не говоря уже о монголах из Улан-Батора (680).

Первый день конференции – IV Международной научной конференции «Журавли Палеарктики: биология, охрана, управление» – прошёл в напряжённой работе: прослушали десятка два докладов по разным видам журавлей. Присутствовали учёные из шести зарубежных стран: Германии, Франции. Японии, Монголии, Казахстана, Китая. Доклады затягивались, поскольку не было синхронного перевода – переводили коллеги каждую сказанную фразу своими силами на английский и наоборот. Так что вечернее заседание закончилось уже по полной темноте.

На второй день организаторы конференции устроили нам экскурсию на Адон-Челон. После завтрака возбуждённо загрузились в «Икарус», предвкушая интересный день. Предстояло преодолеть больше сотни километров в один конец. Было солнечно, и уже с утра даже жарко; автобус мчался по степным

даурским просторам. В салоне почти все орнитологи, не считая двух ботаников – сотрудников заповедника, так что почти каждая увиденная птица вызывает обсуждение, а зачастую, и восторг. Слетали с травянистой обочины монгольские и солончаковые жаворонки – истинные степные обитатели. Кое-где на столбах сидели мохноногие курганники; крупные хищные птицы и высматривали свою добычу или отдыхали после удачной охоты. Далеко в степи кто-то заметил группу журавлей-красавок.

Остановились возле озера, и орнитологи высыпали из автобуса с биноклями и подзорными трубами. Здесь на грязевых отмелях увидели куликов: больших веретенников, турухтанов, фифи, щёголей, белохвостых песочников. Часть видов – тундровые, они останавливаются на пролёте по берегам вот таких озёр, кормятся и отдыхают. Здесь же плавали утки – огари и пеганки; летали над нами чибисы, озёрные и сизые чайки. Приняв «орнитологическую дозу», экскурсанты весело расселись по местам, и автобус помчался дальше. Мы проезжали бурятские сёла, кладбища, на которых – по буддийскому обычаю – развевались белые флаги. Видели несколько обо – культовых мест бурят. Это, как правило, горки камней на холмах и пригорках. Сюда на поклонение принято приходить с камушками, желательного белого цвета, и подносить их духам. Принято и подкармливать духов – приносить рис, молоко, конфеты. По дороге сотрудница заповедника, бурятка, рассказывала нам и о других очень интересных обычаях своего народа. Так, было любопытно узнать, что бурятские свадьбы празднуются с очень большим количеством гостей, до пятисот человек! Жениха и невесту богато одаривают. Зачастую молодожёны составляют список того, что они хотели бы получить в подарок, а родственники уже распределяют между собой покупки. Обычно (но, конечно, в зависимости от достатка) молодую семью снабжают всем необходимым, включая квартиру и машину. Интересным показался и факт воровства жён, который практиковался раньше: жену увозили без детей во время длительного отсутствия мужа.

У посёлков, которые обычно размещаются у рек и озёр, на более увлажнённых местах можно было видеть целые заросли ирисов с тёмно-зелёными розетками

Саджа. Фото Е.И. Ильяшенко

Адон-Челон. Фото О.А. Горошко

линейных листьев. Сейчас они, конечно, уже не цвели, но весной, по словам ботаников, здесь буйство белых (ирис молочно-белый), жёлтых (ирис Потанина) и синих (ирис вильчатый) цветов. В сухой степи над низкорослым разнотравьем высятся уже не ирисы, а белые растрёпанные метёлки чия блестящего.

Посёлки и город Борзя, которые мы проезжали, не радовали глаз ухоженностью, цветами и эстетическим обустройством; всюду свалки мусора, разбитые безобразные дороги, и мне было неловко перед нашими зарубежными гостями.

Постепенно степь стала холмистой, начали попадаться выходы скальных пород и, наконец, мы прибыли в Адон-Челон. В переводе с бурятского название звучит весьма поэтично: «табун каменных лошадей». Этот удивительный каменный музей под открытым небом возник около 150 миллионов лет назад, в результате тектонических поднятий земной коры. И с тех пор гранитные скалы самого причудливого облика высятся над холмистой степью. Каждый исполин стоит отдельно; среди продуваемых всеми ветрами просторов они выглядят словно каменные истуканы на острове Пасхи. Каждая скала имеет своё название: здесь и Поверженные драконы, и Три богатыря, и Черепаха, и Каменная баба, и Старик. В гранитном мегаполисе, как нам сказали, около 50 таких скал. Над всем этим причудливым нагромождением высится гора Цаган-Обо, почти километр над уровнем моря. На самой её вершине – культовое сооружение, святыня бурятов. Говорят, по буддийским праздникам сюда стекается масса народа на поклонение.

Адон-Челон – часть Даурского заповедника, и здесь проложена 3,5-километровая экологическая тропа. Перед началом маршрута организаторы конференции пригласили нас на обед. Возле беседки, от которой начиналась экологическая тропа, стояла самая настоящая военная полевая кухня, с кипятком в котлах. Всем раздали сухой паёк в пищевых контейнерах, булочки, чай, кофе; расположились прямо на траве. Китайцы, немцы, француз, монголы, русские, японцы – все перемешались, передружились, словно одна семья; мне очень импонировала эта непринуждённая дружеская обстановка.

Быстро перекусив, я воспользовалась временем до начала экскурсии и отправилась по склону холма изучать незнакомую мне маньчжурскую флору. Даурские степи уникальны в том смысле, что основное их цветение приходится не на весну, а на конец лета, когда приходят дожди. Мы попали в самое цветочное буйство! Целые поляны белой дендрантемы, сиреневого гетеропаппуса, подмаренника русского, шлемника байкальского, сон-травы, горечавок, колокольчиков! Среди поляны дендрантемы не удержалась, легла на степные травы. Смотрела на высокое синее небо, и чувство полного счастья переполняло мою душу. Хотела бы ли я провести остаток дней среди этих степей и гор? Не знаю. Горы угнетали бы, наверно, своей статичностью. И, вместе с тем, они гасили бы порывы суетности, жажды мимолётных впечатлений, до которых мы так падки. Всем своим видом они призывали бы к мудрому спокойствию, созерцанию и осмыслению жизни как вечности, данной нам Творцом. Равнины – для суетного движения. Тайга – для тоскливого чувства первобытной незащищённости. Горы – для медитации и общения с Богом.

После обеда отправились с нашими экскурсоводами, сотрудниками заповедника, по экологической тропе. Тропа пролегла по петрофитной (каменистой) степи между выходами одиночных скал. Здесь совсем нет воды, и только местами в плоских каменных ладонях гор скапливаются дождевые осадки – единственный ресурс для животных. Вдоль тропы развешены стенды, и из них мы, между прочим, узнали, что в этих местах в 1772 году побывал Пётр Симон Паллас, учёный и путешественник. Он писал, что «... не проходило часа, чтобы нас не беспокоили крупные животные: архары, волки, дзерены». Прошло 250 лет с тех пор, и нас уже никто не беспокоил: ни одного млекопитающего не увидели, ни одной крупной птицы. О существовании здесь манула (дикого кота), косули, волка, корсака, филина – узнавали из стендов. Но зато какое разнообразие цветущих растений! Тут и там цвели жёлтый курильский чай, таволга водосборolistная, очиток живучий, лапчатка пижмолистная, гвоздика многоцветковая, колокольчики узколистный

Астра татарская. Фото Л.В. Маловичко

Высохшее озеро Барун-Торей. Фото Л.В. Маловичко

и скученный, красоднев малый, эдельвейсы! Ботаники произносили названия растений – и для меня они звучали как чарующая мелодия небесных сфер. Я, выросшая среди хакасских гор и с детства запечатлевшая в своём сердце степное многоцветье, испытывала распирающее душу счастье человека, вернувшегося на малую родину, домой...

На следующий день продолжались заседания, и мы заслушали и обсудили ещё ряд докладов отечественных и зарубежных учёных по экологии журавлей. Вечером, уже в полной темноте, под шатром южного ярко-звёздного неба был устроен прощальный вечер. Играл и пел приглашённый ансамбль, танцевали – словом, всё, как обычно. Необычным было импровизированное сольное выступление представителей разных стран на их родном языке. Была дана установка: вне зависимости от вокальных талантов все должны что-то спеть и все семь языков должны сегодня прозвучать. Француз спел популярную песенку Джо Дассена, немец – колыбельную, японцы исполнили очень лирическую песню; китайцы и монголы выступили в составе трио и, поскольку это был абсолютный экспромт, без всяких репетиций, пели вразнобой, путались – и все смеялись, включая «артистов». Но совершенно потрясающий вокал продемонстрировал сотрудник заповедника: на русском языке прозвучала песня на слова Н. Заболоцкого «Очарована, околдована». До сих пор у меня в ушах стоит этот волшебный чарующий голос, летящий к звёздам!

Но всё кончается – подошла к концу и даурская сказка. Наступил день последней экскурсии и рас-

ставания. Выехали утром на «Икарусе» на реку Борзя и знаменитые богатством птичьего мира Торейские озёра. Не успели отъехать от кордона Уточа, как увидели стадо дзеренов – изящных степных антилоп (в Даурии они остались только в заповеднике). Около пяти десятков копытных насторожились, увидев остановившийся автобус, и побежали в степь, мелькая белыми яркими пятнами возле хвостиков.

Торейские озёра значительно пересохли (мы попали в маловодный период). Нашему взору, по сути, предстала система больших луж с обширными луговинами, радующих глаз сочной зеленью – контрастной на фоне окрестных сизовато-жёлтых степей. И это было, действительно, царство птиц! Орнитологи прильнули к зрительным трубам и биноклям. Большие бакланы, сухоносы, серые гуси, лебеди-кликуны, огари, болотные луны, бекасы – кого тут только не было! Но самое пристальное внимание, конечно, привлекали журавли! Насчитали 103 чёрных журавля, несколько даурских и серых. Но настоящей сенсацией был одиночный стерх, белый журавль, редчайшая птица мира! К нему были прикованы все взоры.

Вдоволь насмотревшись на птиц Торейских озёр, поехали дальше, в пойму реки Борзя. По дороге заметили в сухой степи семью журавлей-красавок – родителей с двумя подростками птенцами. В пойменных ландшафтах орнитологи были вознаграждены сотенными скоплениями даурских и серых журавлей.

Здесь, у реки Борзя, наступил момент расставания: большая часть орнитологов уезжали на автобусе в Читу к поездам и самолётам. Сотрудники заповедника, монголы, участники предстоящей российско-монгольской экспедиции, и я в том числе, должны были возвращаться на легковых машинах на кордон. Европейцы, россияне, монголы, японцы, китайцы – прощались с друг другом сердечно, душевно, искренне. Если бы политики и дипломаты способны были при встречах так сдружиться, как учёные, насколько безопаснее стал бы мир!

Всю жизнь мне снятся родные горы и степи Хакасии. Теперь, я знаю, будут сняться Адон-Челон, обо, журавли, бескрайние степи и стада быстроногих дзеренов. И долго ещё буду просыпаться со щемлящим чувством утраченного мира гармонии и красоты...

Т.К. Железнова

Монголия

С кордона Уточа, в Даурии, где проходила IV Международная научная конференция «Журавли Палеарктики: биология, охрана, управление», нас, участников предстоящей орнитологической экспедиции, и монголов, возвращавшихся домой, повезли к российско-монгольской границе. Это всего 10 километров. Была долгая утомительная процедура досмотра на российской, а затем монгольской таможне (на

российской более придирчивая), и уже вечерело, когда я с волнением (сколько лет мечтала побывать в этой стране!) ступила на землю Монголии. За воротами контрольного пункта стояло несколько машин, возле которых монголы ожидали с российской стороны родственников и знакомых. Они дружелюбно и тепло улыбались нам и приветливо здоровались, кто на монгольском, кто на русском языках.

Наша группа сразу разделилась: Анатолий Фёдорович из Казахстана и москвичка Елена Ивановна уехали с монгольскими коллегами, а за нами троица: за мной, Любовью Васильевной и аспиранткой Тимирязевской академии, монголкой Цэгмид, приехал муж последней, Сонин-баатар. Мы отправились другой дорогой, через г. Чойбалсан, чтобы провести учёты птиц в Восточной Монголии. В столице, Улан-Баторе, наш экспедиционный отряд должен был через два дня воссоединиться, чтобы вместе следовать в пустыню Гоби.

Вот наша машина трогается от границы – и начинается волшебное путешествие длиной в две с лишним тысячи километров! Настроилась пожирать глазами всё увиденное, чтобы складывать в памяти все детали, все впечатления. От границы никакого асфальта, только пыльные дороги прямо через степь; местами они беспорядочно ветвились, и трудно было понять, как находил путь водитель в дорожной паутине без всяких ориентиров. Возле границы ещё попадались по дороге маленькие селения. Рядом с типовыми домиками во дворах стояли юрты. Цэгмид сказала, что дома используются для складирования всякого хлама, а в юртах предпочитают жить. Много скота на окраинах и по дворам: коз, овец, коров; много беспривязных больших собак. Монголы, похоже, не заботятся об эстетике дворов: цветов и клумб вы нигде не увидите; нет и огородов. Лишь загоны для скота, поэтому возле сомонов (посёлков) концентрированный запах стойла и навоза.

Где-то на краешке расстеленной степной скатерти садилось огромное малиновое солнце; уже через мгновение оно свалилось за горизонт и, как это бывает на юге, сразу обрушилась темнота, без переходных сумерек. Мы ехали весь вечер и полночи, и целых восемь часов видели одно и то же: выхватываемую фарами грунтовую дорогу впереди и шлейф пыли сзади. За весь путь обогнали единственную группу грузовых машин, встречных не попадалось вовсе; исчезли и огоньки поселений.

На берегу озера Хух-Нур (Голубое озеро – самая низкая точка в Монголии) остановились попить чаю. Воды не было видно в полной темноте, но она угадывалась по влажности воздуха, аромату водных трав и гортанным крикам уток – огарей. Половинка луны замерла на монгольском чёрном небосклоне, сияли яркие звёзды и ярче всех – моя любимая Большая Медведица.

Перекусив, поехали дальше. В свете фар перебежали дорогу зайчата. На 300-километровом маршруте за ночь увидели около четырёх десятков зверьков, некоторые из них были совсем крошечные. У монголов есть поверье: если заяц побежал с дороги налево – жди удач, если направо – жди невезения. Почему-то все зайцы убежали в основном именно налево, и мы этому обстоятельству наивно радовались. Задрав длинные хвосты, разбегались в свете фар забавные тушканчики, зверьки с ночным типом

Монгольский сомон. Фото Л.В. Маловичко

активности. В одном месте взлетел с дороги мохноногий курганник; видели на дороге и на обочинах десяток болотных сов, которые не боялись машины, не сразу взлетали, а некоторых приходилось буквально объезжать. При таком обилии зайцев совы здесь явно благоденствуют.

В Чойбалсан прибыли в три часа ночи. Городок спал. Мы, утомлённые тряской и дальней дорогой, тоже засыпали на ходу и, дойдя до квартиры Цэгмид, тут же повалились с Любой на предложенную кровать и тотчас уснули.

Проспали до позднего утра. Цэгмид со снохой уже вовсю хлопотали на кухне – стряпали традиционные монгольские буузы (в Бурятии они называются пазы или позы, как вариант). Это похожее на манты блюдо (мясо в тесте), которое варится на пару. Цэгмид искусно и ловко лепила фигурные изделия, по форме напоминающие юрты, мои попытки ей подражать смешили всех – выходили какие-то уродливые бесформенные пельмени. Монголка между тем рассказывала, что в традициях её народа готовить буузы на каждый праздник, особенно много хлопот с ними на Новый год. У монголов принято делать визиты ко всем родственникам – а начинают с самых старших и далее по нисходящей (младшие приезжают к старшим, а не наоборот). Чем старше родственники, тем большее число гостей им надо принять и, соответственно, тем больше стряпать. К слову сказать, на Новый год ставится искусственная ель, а Дед Мороз наряжается в традиционную монгольскую одежду – дээл (длинный халат).

Я, противница мяса млекопитающих, попробовала из вежливости лишь один бууз, но маленькая двухлетняя внучка Цэгмид уплетала их с большим аппетитом (любовь к мясу, как я смогла заметить, выпитывается у монголов с молоком матери).

Вырисовывалась программа на грядущий день: знакомство с городом и визиты к родственникам (ещё одна милая монгольская традиция). В сторону Улан-Батора решили не выезжать до следующего утра: и водитель не успел отдохнуть от дальней дороги, и ехать не хотелось снова по темноте, когда всё остаётся за кадром.

Начали с краеведческого музея. Ехали по улицам четвёртого по величине города Монголии, и я видела,

что они без особых затей: типовые, преимущественно серые пятиэтажки, как в райцентрах сибирской глублинки. На газонах почти полное отсутствие цветов, не считая редких космей, да и самих газонов в строгом смысле слова не было – неухоженные пустыри с сорной степной низкорослой травой. Город почти не озеленён, лишь вдоль центральной улицы аллея тополей.

У входа в музей тут и там стоят мегалиты с палеолитическими рисунками оленей, гусей, охотников с луками и стрелами. В самом музее совсем слабо представлены экспозиции, касающиеся древней истории Монголии, но зато несколько залов посвящено социалистическому периоду: портреты политических деятелей, их кабинеты, личные вещи. Разумеется, акценты расставлены в пользу Хорлогийна Чойбалсана, именем которого назван город. Это, конечно, право монгольского народа – увековечивать память человека, повинного в разрушении буддийских монастырей и уничтожении десятков тысяч соотечественников в годы репрессий, но мне не интересны тираны, так что пробегаю по этой части музея, ничего не рассматривая.

Задержались в зале товаров Советского Союза: здесь мы с Любой узнавали наши отечественные магнитофоны, электроплиты, чайники, утюги, торшеры, приёмники, телефоны. Бытовая техника нашего детства и молодости вызвала ностальгическое умиление и ряд ассоциативных воспоминаний... Интересными были и этнографические экспозиции: юрты, внутреннее их убранство, национальные одежды и предметы быта. Здесь поразились огромной величины котлу, способному вместить, пожалуй, целую лошадь и накормить несколько сотен человек.

Природные экспозиции начались, разумеется, с динозавров – ведь Монголия, можно сказать, их родина (в Палеонтологическом музее в Москве очень много экспонатов из этой страны). Современные животные представлены слабо, и многие чучела весьма посредственного качества. Тем не менее, мы, биологи, дольше всего задержались именно в этой части музея.

Программа посещения родственников началась по старшинству: сначала заехали к родителям Цэгмид, которые проживали в современном микрорайоне. Здесь нас с Любой встретили, как родных: обняли, расцеловали. Никакой искусственности в этих жестях я не почувствовала. В уютной, вполне современной квартире уже накрыт стол, и нас сразу за него усадили. Сначала подали чай (позднее я могла убедиться, что так у них и принято – начинать трапезу с чая), потом стали появляться разные блюда, разумеется, в основном мясные. В комнате работал телевизор, транслировали концерт монгольской песни и пляски, и всё это, вместе со звучащим за столом монгольским языком, создавало особый национальный колорит.

Потом поехали к братьям Сонин-баатора. Мы всё больше удалялись от центра, на смену многоэтажкам пришла малоэтажная застройка, а потом и частный сектор с юртами во дворах. Дорога – кочка на

кочке, кругом свалки мусора, стаи бродячих худых собак; какие-то захудалые магазинчики и базарчики, совсем уж убогие. Словом, совершенно неприглядные, можно сказать, трущобные окраины. Оба брата Сонин-баатора жили в домиках, похожих, как близнецы, в одном общем дворе. Ни намёка на эстетику и озеленение: огромный двор, как полигон бытовых отходов, завален кучами досок, ящиков, камней, металлоломом. Цэгмид мне рассказывала, что у монголов совершенно особое отношение к земле, как к живому существу: они предпочитают её не копать, дабы не осквернять; например, её бабушка в детстве запрещала внукам чертить палочками по земле («ваша мама умрёт»). Но тогда почему они позволяют себе осквернять землю мусором?

Зашли поочерёдно в оба дома, в каждом из них по две комнаты. По всему видно, что семьи со скромным достатком. В одном из домов единственный элемент роскоши – огромный, в полстены, ковёр с Чингиз-ханом: он в боевых доспехах, с луком и стрелами, на фоне своего войска. Гостеприимство у монголов в крови: обе хозяйки сразу захлопотали угощать нас. Первая из них поставила на стол стаканы с кипятком (чая, похоже, не нашлось) и вазочку с *ааруулом* – по особой технологии приготовленными в домашних условиях плиточками сушеного творога (по внешнему виду они отдалённо напоминают белые конфеты- помадки моего детства). Мне он совсем не пришёлся по вкусу, но монголы едят его с большим удовольствием, как лакомство. Во втором доме от угощения решительно отказались.

После всех визитов Сонин-баатор провёз нас ещё и за город: здесь, на высоком холме, сооружён мемориал в память о Халхин-Голе (до этой реки от Чойбалсана – рукой подать). Вечерело, садилось солнце, когда мы поднялись по широким ступеням к стелам с именами погибших советских и монгольских воинов (русских имён было несравненно больше). Чуть в стороне – отдельный памятник: здесь погребён неизвестный советский лётчик. И рядом – белые мраморные плиты (я сосчитала: их восемьдесят одна), на каждой из них звезда, цифра 1939 и надпись «Могила неизвестного

Ковёр с Чингиз-ханом. Фото Л.В. Маловичко

Мемориал на Халхин-голе. Фото Л.В. Маловичко

солдата». Мемориал ухожен и, похоже, не заброшен: в период нашего пребывания подъезжало несколько машин, и монголы поднимались по ступенькам к стелам.

Наутро, чуть свет выехали в сторону Улан-Батора. Предстоял путь, как минимум, в семьсот километров. За Чойбалсаном дорогу перебежал заяц – на левую сторону. Хороший знак на предстоящее путешествие! Асфальт закончился сразу за городом, пошла ухабистая грунтовка. После суток, проведённых в городе, я с радостью вдыхала запахи степных трав и всматривалась в безбрежные равнины. Кругом, насколько хватало глаз, расстилалась полынно-злаковая сухая степь с дернинами чия блестящего. Вдалеке постоянно петляла река Керулен, на горизонте за ней высились холмы в голубой дымке. Взгляд скользил по холмам и равнинам, и воображение было занято могилой Чингизхана, который, по одному из преданий, был погребён именно в долине этой реки. Может, вон на том холме? Или на этой обрывистой террасе реки? Или в открытой степи, то есть в любой точке бескрайних равнин? Последнее вряд ли. Должно же быть что-то примечательное, какие-то ориентиры. Думаю, что великого соотечественника должны были захоронить на каком-то высоком месте (если даже все обо – священные места – устраиваются на холмах и вершинах гор). Зачем так тщательно спрятали могилу великого полководца? Сам ли он этого хотел? Погребены ли с ним несметные сокровища? Возможно, мы не узнаем этого никогда. Но как же притягательна и волнующа тайна! При том поклонении Чингиз-хану, которое я успела заметить в этой стране, монголы должны были перерыть все пустыни, горы и степи в поисках останков своего героя! И мог ли предположить великий хан, что его могущественная империя, равной которой не знал мир и которая занимала пол-Евразии, превратится в бедную аграрную страну на задворках цивилизации?...

...Размышления не мешали замечать птиц и вести их учёт вместе с Любой и Цэгмид. Стая за стайей летели низко над землёй монгольские жаворонки, мелькая яркими белыми пятнами на крыльях. На столбах и опорах линии электропередачи сидели мохноногие курганники – они здесь весьма обычны. На одном из столбов заметили нынешнее, уже покинутое ими гнездо. Кое-где на проводах сидели

вездесущие сороки, и странно было видеть этих кустарниковых птиц в голой степи. Соколов – амурских кобчиков и пустельгу – тоже привлекали столбы и провода, как единственные здесь присады.

Но вот среди однообразного степного ландшафта показалась водная гладь пойменного озера Казакын-Нур и, конечно, мы свернули к нему по бездорожью. Это, по сути, была первая вода в Монголии (не считая Хух-Нур, Голубого озера, у которого были ночью и ничего не видели). На озере – вот уж раздолье для глаз орнитолога! Серые цапли, лебеди-кликуны, большие бакланы, серые гуси, чибисы, монгольские и сизые чайки, лысухи, речные и нырковые утки! Стая за стайей подлетали из степи гуси-сухоносы.

И тут я увидела их! Десяток крупных белых птиц цепочкой снижались вдалеке на воду. Не лебеди, не цапли, не гуси, но кто же? Сразу поняла, что впервые в жизни вижу таких птиц (сходное чувство от незнакомого облика и силуэта пернатых испытала в Зауралье, когда впервые увидела тундровых обитателей – пролётных короткохвостых поморников). В волнении подняла бинокль к глазам. Боже мой, колпичи! Они опустились на мелководье и тут же начали кормиться, орудуя странными лопатообразными клювами. Зачарованная, не отрываясь, смотрела на красивых удивительных птиц – такое счастье, наверное, испытывает геолог, нашедший золотую жилу!

Вдоволь насмотревшись, отправились дальше. Заметили двух дзеренов, пасущихся вдали. Снова попадались жаворонки, журавли-красавки, мохноногие курганники. Цэгмид сказала, что монголы почитают лебедей и журавлей и не стреляют в них. Родственник её убил журавля и не прожил и двух месяцев – она считает, что это не может быть простым совпадением.

И вновь степные дороги разбегались в разные стороны, и как-то выбиралась водителем нужная по непонятным ориентирам. Думалось о том, что тысячелетиями на этой земле кочевали, пасли стада. Ежедневно люди видели вокруг своей юрты одно и то же: степь и степь, где глазу не за что зацепиться. Какой же бесконечной должна показаться отдельная человеческая жизнь, в которой изо дня в день ничего не меняется! Степь – это место, где время и пространство переходят в друг друга и сливаются в неразличимое целое.

Вдали, на ровной степной скатерти показалось странное высокое сооружение. И новое волнение ожидало меня: встреча с руинами древнего города Керлебан. Он существовал в VIII-XI веках, и теперь от него осталась только сторожевая башня, которой, страшно подумать, более тысячи лет! Так уж я устроена: будущее мало волнует, но прошлое, прошлое! Мне следовало быть археологом или палеонтологом! Ушедшие эры, эпохи и века, канувшие в лету цивилизации, культуры, народы – вызывают в душе моей прямо-таки священный трепет. В величайшем волнении подошла к руинам башни, построенной из серого кирпича, местами вывалившегося из стен и лежащего

у подножия бесформенными грудями. В высоту башня примерно с пятиэтажный дом. Назначение её сторожевое: день и ночь на вершине дежурили стражи и вглядывались в далеко просматриваемую степь. Если показывалось вражеское войско, зажигался факел с чёрным дымом, если торговый караван – с белым. Прислонилась щекой к кирпичам, закрыла глаза и пыталась прочувствовать «поступь гулких столетий». Во времена Чингиз-хана город уже исчез (видимо, лежал в руинах), но башня, башня-то была! И, возможно, у стен её стояли лагерем его воинственные орды, жгли костры и варили в походных чанах мясо...

Осмотрели башню, увидели, что это орнитологическая жилища многоэтажка: здесь было гнездо ворона, устроенное в кирпичной нише, гнездо обыкновенной пустельги, лепные гнёзда деревенских ласточек. Хозяева и их потомство летали вокруг и поодаль.

На траве возле башни расположились пообедать. Рядом стрекотали кузнечики, дул тёплый ветерок, принося терпкие ароматы трав; на небе ни облачка и ослепительное, ещё по-летнему жаркое солнце. Пока пили чай, подъехала машина. Из неё высыпала монгольская семейка, обошла вокруг башни – и укатила. Едешь полдня и не видишь ни одного человека, ни одной машины, ни даже юрты, а тут появляется из ниоткуда крутой джип... Право, Монголия – страна контрастов!

... И снова в путь, и снова безбрежные степи и холмы. Разнообразие в ландшафт вносила река Керулен, к которой иногда приближалась дорога. В одном месте заметили чёрного аиста, разгуливающего по пойменной луговине среди лошадей, серую цаплю на мелководье реки. И, наконец, показались первые верблюды! Четыре «корабля пустыни» вызвали мой бурный восторг, который никто из спутников не разделил, – банальное для них зрелище.

На закате проехали город Чингис. Ничем не примечательный, он, возможно, и не остался бы в памяти, если бы при выезде из него не увидели нечто совсем необычное: по обе стороны дороги, на несколько километров, словно аллея, застыли в разных позах вылитые из металла огромные диковинные животные, герои степных мифов и легенд. Далее на высоком холме увидели культовое сооружение, посвящённое Чингиз-хану. Развевались воинственные флаги-сульдэ с белыми и чёрными конскими гривами, здесь же повсюду колыхались на ветру синие ленты и шарфы, которые монголы традиционно привязывают на своих культовых местах.

В Улан-Батор, как и в Чойбалсан, приехали глухой ночью. Под морозящим дождём разгрузили машину, и все вещи затаскивали на восьмой этаж (лифт в доме не работал) в квартиру, предоставленную родственниками Цэгмид. До утра оставалось часа три, так что, не мешкая, разместились на ночлег.

Наступивший день обещал быть хлопотным: сборы и закупки в экспедицию, встречи других участников поездки. Первым делом отправились на машине на

базар. Он был достаточно далеко, чтобы поколесить по столице и составить о ней первое представление. В Улан-Баторе живёт около половины населения страны. Город располагается на высоте немногим более тысячи метров над уровнем моря, в тесной межгорной котловине, поэтому он разрастается в горы: по склонам избегают к вершинам дома, несмотря на опасность селей, оползней и землетрясений. Зелени – деревьев и цветов – в городе очень мало; видела только в нескольких местах космеи, бархатцы и петунии. Сказываются гены кочевников: непостоянство, временность обитания не располагают к обжитому благоустройству, основательности.

Город очень грязный и по-азиатски бестолковый: строили, где заблагорассудится. Много высотных зданий, но они не имеют национального колорита: стандартные серые или красные здания, как в российских микрорайонах. Впрочем, откуда у кочевников своя архитектура? Во всех монгольских поселениях, где уже побывали, меня не покидало ощущение советского присутствия, советского стиля: в городах это где-то восьмидесятые-девяностые, в сомонах – остановившееся время, наши шестидесятые (там я словно попала в шахтёрский посёлок раннего детства).

Не везде есть ливневая канализация, поэтому прошедший ночью дождь оставил на дорогах гигантские лужи, через которые машины движутся наощупь. Очень много дорогих иномарок (вот тебе и бедная аграрная страна!), местами пробки. Правила движения соблюдаются весьма условно – едут, кому куда вздумается. Город явно помешан на авто: масса моек, автомастерских, автосалонов по продаже машин, сервисных центров – на каждом шагу. Похоже, в генах монголов записано движение: все предки скакали на лошадях, потомки пересели на железных коней. Цэгмид говорила, что семья может не иметь квартиры, но машина приобретается в первую очередь.

Дальше от центра – выщербленный асфальт, разбитая дорога, неровные тротуары, нагромождение кривых улочек и переулков. Всюду бродячие собаки, всегда ужасно худые. Давно заметила (ещё по сибирским деревням): чем ниже культура, тем беспринтнее и голоднее собаки. В частных домах можно видеть юрты. И заборы, заборы. Чаще кривые, неровные, деревянные, из всяких неприглядных фанерных заплаток, иногда из уродливых бетонных плит. Опять же, чем ниже культура, тем выше забор (это ярко видно на подмосковных дачах).

Наконец, приехали на базар. Это скопление палаток, сараюшек, павильонов. И всюду мясо, мясо... Тут и там тащат туши баранов, коровьи ноги, огромные пакеты с кусками мяса. Не смогла и минуты выдержать в мясном павильоне, заваленном горами ободранных туш, выскочила на улицу, предоставив Любе и Цэгмид заниматься покупками.

...Утром наш воссоединённый отряд вместе с прилетевшими из Москвы ботаниками – Наташей и

Николаем – выехал из столицы на юг, к пустыне Гоби. Голые безлесные горы постепенно остались позади, и уже в ста километрах от Улан-Батора началась холмистая полынно-злаковая степь с кустиками колючей караганы узколистной и шаровидными сизыми и бордовыми кохиями. Чаще стали попадаться верблюды; тут и там стада коров, коз, овец, табуны лошадей – все без пастухов. В открытой степи местами оборудованы зимовочные загородки для коз и овец; никакой крыши, просто полукруглые заборы от ветра. В Центральной Азии очень суровая малоснежная зима, и я очень хорошо представляю, какой ледяной ветер здесь гуляет, и как бедным животным приходится добывать скудное пропитание из-под снега. Кое-где в степи лежат трупы павшего скота – и на них благоденствуют чёрные грифы и вороны. Подумалось, что монгольские пустынные равнины – это тысячелетний полигон выживания и для животных, и для людей.

Ехали весь день. Делали остановки, закладывали короткие пешие экскурсии. Ботаники разбрелись по степи, описывая растения и закладывая гербарий; орнитологи наблюдали птиц. К закату солнца достигли Северной Гоби и остановились на ночевку в сомоне Хулд. Разместились в двухэтажном гостиничном домике без душа и прочих удобств, но с вполне цивилизованными кроватями. Из окна открывался вид на сомон, в нём я насчитала всего четыре дерева и в каждом дворе по юрте. На горизонте синели горы с одноимённым названием – Хулд; за них и соскользнуло усталое солнце.

Ранним утром, позавтракав и напившись чаю, поехали дальше, уже по Северной Гоби. «Гоби» – означает «безводная». И, действительно, никакой воды. Только камни, трещины глинистых такыров и песок. На смену степной растительности пришла полупустынная – более разреженная, с обилием колючек и куртинами злака житняка. По щебнисто-песчаному субстрату – под цвет его – бегали ящерики-круглоголовки; они то и дело юркали между наших ног. В кустике полыни случайно заметили свернувшегося в калачик щитомордника, очень ядовитую змею.

У очередного большого стада верблюдов сделали остановку и отправились их фотографировать. Маленькие верблюжата сразу убежали в центр стада, по периферии стояли крупные самцы и смотрели, не отрываясь, на людей. Часть животных, не обращая на нас внимания, паслись. Что они ели на таком скудном пастбище? Одни колючки караганы и безлистный джугун вокруг.

Некоторое время ехали вдоль линии электропередачи и в нескольких местах останавливались, увидев издали лежащих на земле под столбами убитых током птиц. Нашли несколько воронов и соколов – балобанов и пустельг.

Местность постепенно стала подниматься, вдаль показались горы. Взгляд запечатлевал в памяти белые юрты, разбежавшиеся по холмистому предгорью; большой табун лошадей, бегущий по пустынной

Кто за кем наблюдает? Фото Е.И. Ильешенко

равнине; высоко в синем небе парящего чёрного грифа. В моём фаунистическом списке от Улан-Батора уже пятьдесят три вида птиц; думаю, что у ботаников список ещё длиннее.

Поравнялись с двумя юртами. Одинокие, они стояли среди голой полупустыни; около них лежали несколько коричневых верблюдов, бродили коровы и лошади. Араты (пастухи) пригласили наш отряд выпить кумыса. Мы ввалились в одну из юрт. Она явно служила не для семейного житья, а для кочевого скотоводства. Всё аскетично: кошма, постеленная на полу, низкий столик с пиалами и чайником – вот, пожалуй, и всё. В юрте стоял застарелый запах кислого молока, кож и ещё чего-то неприятного. Из большого заскорузлого кожаного мешка (кажется, он называется хухцур, но я могла неправильно расслышать) пастухи разлили в чашки кумыс – айраг – и все члены нашего отряда отведали его, лишь я не нашла в себе силы даже пригубить.

Когда выходили из юрты, подъехал на мотоцикле ещё один пастух в очень колоритном красном халате, подпоясанном кушаком, и в мягких сапогах. На сидении мотоцикла постелен яркий, с орнаментами и бахромой коврик (в сомонах успела заметить, что мотоцикл так же популярен, как и лошадь, и сидения всегда застелены красочными коврами – чисто монгольская традиция, в России такого не увидишь. Что это: прообраз украшенных седел и уздечек и ностальгия по ним?).

Приблизился вечер. Кажется, уже никакого больше разнообразия проходящий день не сулил, но неожиданно въехали в оазис: столетние вязаи, река, очень живописные скалы, на которых избегают по уступам полуразрушенные строения древнего буддийского монастыря Онгийн-Хийд. Монастырь разрушен в 1937 году (сколько параллелей в истории наших двух народов!). Отряд разделился: часть отправилась к петляющей внизу реке Онги и её долине, остальные стали карабкаться по скалистым уступам, рассматривая глинобитные развалины, музеи и магазинчики сувениров в юртах. Зашли в дацан. Внутри несущие конструкции в виде резных деревянных столбов с драконами; всюду декоративные коврики с замысловатыми орнаментами.

К сожалению, садящееся солнце поторапливало (ещё предстояло доехать до ночлега), поэтому решительно не было времени для основательного

Саджи и верблюды. Фото Е.И. Ильашенко

знакомства с монастырём. Заложили небольшую экскурсию по скалам и здесь были вознаграждены зрелищами сидящего на скале домового сыча, выводком кекликов (горных курочек), бегающих по камням, летящим к реке Онги чёрным аистом, двумя парящими над горами чёрными грифами. Внимание ботаников было занято своеобразным злаком щетинником, растущим здесь же, на скалах, и распластанными по субстрату кожистыми листьями гобийского пустынного ревеня.

Поехали дальше по каменной дороге, по обе стороны от которой тянулись невысокие горы с выходами скал. Они, впрочем, быстро остались позади, и взору снова открылась ровная щебнистая пустыня с разреженным скудным травостоем. Запомнилась картина: далеко на горизонте следуют друг за другом цепочкой сами по себе, без пастуха, верблюды, словно классический караван. На фоне заходящего солнца это было незабываемое зрелище. Здесь же, наконец, мы увидели первых садж, которых давно ожидали. Сначала это были маленькие группы, слетающие с дороги, потом стали попадаться стаи до двухсот особей.

Уже в сумерках подъехали к сомону Мандал-Овоо – пункту намеченной ночёвки. Это около 450 километров по прямой от Улан-Батора. Очередной гостиничный домик представлял собой длинное, словно барак, помещение с большими, словно спортзалы комнатами, заставленными кроватями. Имелась и столовая (столики со стульями), в которой мы быстро сварили суп и сготовили салат. Вода в сомонах всегда в дефиците, поэтому мыли посуду после ужина, экономя буквально каждый стакан. Ни о каком душе и речи не могло быть. Удобства тоже на улице, и, если уж подробно описывать страну, упомяну и пикантную подробность: почти все уличные туалеты в сомонах и туристических комплексах не имеют дверей. Похоже, для монголов это не критично. Возле юрт можно увидеть солнечные батареи и спутниковые антенны, но «типовых сооружений» в принципе нет – для этих целей вся пустыня в распоряжении.

... Утром, десятого сентября, проснулись под дождь, стучащий по крыше дома и капающий за окном. Он не

входил в наши планы и как-то не вязался с образом пустыни. Но погоду не выбирают – поехали дальше под дождём. Щебнистые субстраты незаметно заменились песчаными; по-прежнему доминировала колючая карагана и появились кусты селитрянки; вокруг них навеваны кучки песка, отчего пустыня кажется кочкарной. На первой же остановке с удивлением открыла для себя чёрные съедобные ягоды, отдалённо напоминающие по вкусу вишню. Этими ягодами были усыпаны все кусты селитрянки, но они настолько мелкие, да ещё с продолговатой косточкой, что насытиться ими, похоже, невозможно. Рядом по песку стелились выюнки – сплошь в розовых цветах, но тоже, что удивительно, с колючками!

Дождь настойчиво сопровождал машину, на дороге образовались лужи – и тут мы забуксовали! Пассажиры высыпали из салона, водитель подавал вперёд-назад, однако микроавтобус всё больше погружался в мокрую песчаную колею. Мы беспомощно озирались по сторонам, но подложить под колёса решительно нечего: жидкие кусты селитрянки и парнолистника – это несерьёзно. Наконец, при помощи лопаты и мускульной силы отряда автомобиль был вытолкан из колеи, чтобы через десять минут ещё глубже погрузиться в следующую. И так несколько раз. К счастью, стали попадаться кусты тамарикса и низкого саксаула, которые давали хоть слабую, но зацепку колёсам. Так я узнала, что дождь в пустыне – это не всегда благо.

Пока мужчины откапывали несколько раз машину, пассажирки гуляли вокруг по песчаным барханам. В нескольких местах увидели чётко отпечатанные следы джейранов. Масса земляных муравьёв сновали взад-вперёд по песку, тут и там выскакивали из своих норок юркие песчанки. Выбравшись из очередной, как оказалось, последней вязкой колеи, машина вырвалась на твёрдый грунт, собрала пассажиров и помчалась к чернеющим невдалеке горам. Это было удивительное место! Ничего похожего пока не встречали в пустыне: невысокие горы из чёрной сланцевой породы высились среди жёлтых песчаных барханов; все распадки и трещины в скалах забиты принесённым ветром песком. Гиблое, нежилое место! Ни птицы, ни зверя. Только ветер гуляет по гряде да колышет чахлые кусты лука, прилепившегося по склонам. А у подножья лежит белый, отполированный ветрами и осадками огромный череп лошади на контрастно-чёрной скале, дополняя картину бесприютной нежити.

Поспешили уехать оттуда. Дорога по-прежнему была совершенно необитаема: за весь день пути встретились только одна машина! Ни сомонов, ни пастухов. Как будто мы одни во всей Гоби! Так что даже обрадовались, увидев вдали посадки саксаула, огороженные от зайца толая сеткой (как в Австралии от кроликов), и холмы, поросшие диким древовидным саксаулом. У подножия холмов – туристический лагерь из белых юрт, рядом два кафе: одно в форме черепахи, другое в виде слона. Говорю же: страна контрастов! Среди

сотен километров безлюдных пустынь натываешься на такие архитектурные шедевры!

Это местечко называется «Баян-дзак» – «Богатый саксаул». Вдоль сухого каменистого русла былой реки тянется на километр, по меньшей мере, гряда, поросшая белым саксаулом. Но что это за саксаул! Одно дерево причудливее другого, и нет двух похожих. Деревья изо всех сил крепятся к песчаным барханам своими мощными, замысловато изогнутыми ходулочными корнями; какая-то непонятная сила скрутила иные стволы в жгуты, как канатные верёвки. Побродили немного среди этого ботанического музея, поражаясь природной фантазии форм. И вновь вынуждены были спешить к машине, поглядывая на стремительно падающее солнце. Однако не смогли не остановиться около каньона из красного песчаника: тысячелетние ветры и потоки воды здесь проделали ювелирную работу по формированию экзотических уступов, шпилей и головоккружильных вертикальных распадков. В лучах заходящего солнца красно-рыжие горы сияли каким-то магическим светом, и невозможно было оторвать от них глаз. У подножий проводились раскопки, и каждый кубометр песка и пород перерыт кропотливыми палеонтологами. Здесь много лет подряд работали совместные монгольско-российские экспедиции, в том числе наш выдающийся орнитопалеонтолог Евгений Николаевич Курочкин, которого совсем недавно мы проводили в Москве в последний путь... Здесь были найдены целые скелеты динозавров, а также могильники костей более поздней, гиппарионовой фауны. Воображение уносило меня в мезозойскую эру, когда не было здесь пустыни Гоби, а по роскошным саванновым равнинам бродили гигантские динозавры и разыгрывались драмы юрских сценариев...

...В сгущающихся сумерках подъехали к сомону Булган. Цэгмид пригласила нас в юрту к своей подруге на ужин. Эта юрта разительно отличалась от пастушьей, где пили кумыс: все стены в богатых коврах (в том числе с Чингиз-ханом на коне), современный холодильник, крутой цветной телевизор. В центре юрты печь с выходящей в отверстие трубой. Свод юрты сделан из радиально расходящихся, ярко окрашенных реек. Около печки низкий столик, вокруг которого садятся на ковры. Спят тоже явно на коврах, никаких кроватей или диванов не было. В юрте хлопотали две монголки; на ковре под одеялом спала годовалая девочка, входили и выходили ещё какие-то дети разного возраста. Да ещё наш отряд из девяти человек – в юрте яблоку негде было упасть. Пока разливали суп, проснулась малышка; мать, молодая монголка, подхватила её на руки и вместе с ней хлопотала у плиты. Было как-то неловко за вторжение, но хозяйка, похоже, не напрягало такое количество гостей – они были спокойны, деятельны и неизменно приветливы. Суп с бараниной и овощами оказался изумительно вкусным; к нему подали какие-то изделия из теста,

что-то среднее между булочками и мантами, явно сготовленными на пару. Тоже очень вкусные.

В юрту зашла ещё одна монголка и что-то сказала Цэгмид; та объявила нам, что готов душ и можно туда последовать. Много ли надо путешественнику для счастья? Освежённая и донельзя довольная, вышла из душа на улицу и остановилась, зачарованная: над головой висел чёрный шатёр с неправдоподобно крупными и яркими звёздами. Где-то читала, что только в горах и пустынях бывает такое небо. На ночлег предложили два варианта: юрту, в которой ужинали, и небольшой гостиничный домик; выбрала последнее.

Утром осмотрелась по сторонам. Наш домик стоял в большом дворе рядом с юртой и огромной, промышленных масштабов теплицей. Во дворе длинные гряды картофеля, моркови и грунтовых помидор, плантации арбузов и дынь. Это что-то новенькое, доселе в Монголии не встреченное. Ночи в Гоби холодные, а здесь предгорья и высота почти полторы тысячи метров над уровнем моря, и я не понимаю, как в таких условиях живут эти теплолюбивые культуры. Видимо, особые районированные сорта. Булган – это оазис в пустыне: здесь есть природный источник родниковой воды, так что овощеводство становится возможным.

После завтрака собрались в интересный маршрут – на юг, к Гобийскому Алтаю. Сразу за сомоном встретилась большая отара овец, в которой было несколько крупных баранов в синих висячих фартуках. Я, было, решила, что это для защиты главного органа, но оказывается, для предотвращения спаривания. Чаще стали попадаться верблюды, табуны лошадей. И даже элементы цивилизации: например, огромный стенд у дороги с надписью на английском «Добро пожаловать в лагерь «Гобийская мечта»! Набитая в твёрдом глинистом грунте дорога позволяла ехать на приличной скорости, но мы часто останавливались, поскольку снова находили много погибших крупных птиц под линией электропередачи: мохноногих курганников, чёрных коршунов, воронов, балобанов.

Луково-типчаковая пустыня вновь была ровной, как поверхность стола, и только на горизонте синели высоченные горы. День солнечный, но сильный ветер был ощутимо холодным. Постепенно начались предгорья. Ещё издали на высоких холмах показались скульптурные группы – медведь, дикий козёл и баран. Дорога всё поднималась в гору и, наконец, мы поравнялись с каменными зверями. Живые звери тоже стали попадаться: пробежал заяц-толай, в одном месте увидели пасущихся самку дзерена с детёнышем, на склоне холма – мышкующую лисицу. А потом и вовсе попали в плотное колониальное поселение пищух. Зверьки носились повсюду, перебежали перед машиной дорогу, юркали в норы. Можно было одновременно видеть до трёх десятков особей!

(Окончание следует)

Т.К. Железнова

Детство и война
(воспоминания В.М. Галушина)

Великая Отечественная война завершилась Победой уже 71 год назад. Все меньше тех, кто мог бы рассказать о тяготах военного времени, кто уже с детства познал, как уязвима человеческая жизнь и как важно уберечь человечество от ужасов войны. Один из них – Владимир Михайлович Галушин, доктор биологических наук, профессор кафедры зоологии и экологии Московского педагогического государственного университета и кафедры биогеографии МГУ, академик Российской академии естественных наук, президент Русского общества сохранения и изучения птиц, экс-президент Союза охраны птиц России – поделился воспоминаниями о своем военном детстве.

Корр. – Владимир Михайлович, как вам вспоминаются ваши детские впечатления о войне?

Если совсем-совсем коротко о самом-самом главном: война для меня – это страх и голод.

Корр. А если подробнее, что особенно запомнилось?

Гудки паровозов

Мне было 9 лет, когда началась Великая отечественная война. Она застала меня в городе Ливны, Орловской области. После сообщения по радио взвыли гудки паровозов на железнодорожной станции, не умолкавшие всю первую ночь войны. До сих пор помнится возникшее тогда чувство страха, ощущение предвестия большой беды. Ночные страхи нарастали, когда в конце лета в небе стали завывать немецкие бомбардировщики. Наш городок, правда, их не очень, видимо, интересовал, и бомбили нас редко. А еще память сохранила почему-то надрывное мычание коровьих стад, которые гнали на восток. Они останавливались на ночь на пустырях, но 2-3 колхозницы, сопровождавшие стадо, не могли их всех подоить, отчего коровы страдали.

Беженцы

Когда фронт приблизился к Ливнам, жителям было приказано город покинуть. Помню, как на его окраине собралась толпа примерно в сотню человек и двинулась на северо-восток, в сторону Ельца, к железной дороге, где нас должны были погрузить в эшелон товарных вагонов. Хотя в Ливнах тоже была железная дорога, нам пришлось пешком идти 50-70 км, чтобы попасть на указанную станцию. В толпе беженцев шла и наша семья: мама, тётя, бабушка и я. Запомнилась моя доля ответственности: в одной руке я нес портфель с какими-то документами, а в другой – маленький чайник с драгоценным мёдом. На ночлег нас

распределяли по домам. Местные жители иногда нас даже подкармливали. Когда мы дошли до нужной станции, там нас действительно ждали товарные вагоны. Кто-то даже распорядился положить в них солому, чтобы было на чем сидеть и спать. Мы двинулись на восток. Началось голодное время.

Голод. Свекла

На станциях нас кормили черным хлебом и почему-то свекольным отваром, который супом не назовешь. До сих пор помню его сладковатый вкус. Наливали целое ведро этой свекольной воды да еще выдавали сырую свеклу и кормовой корнеплод турнепс. С тех пор ничего свекольного мой организм не принимает. Даже в Новый год отказываюсь от селедки «под свекольной шубой».

Детдом

Когда мы добрались до ветки Москва – Казань, уже в плацкартном сидячем вагоне поехали дальше на восток – к сестре моей бабушки в город Сергач (тогда – Горьковской области). Мама еще в Ливнах работала в детском доме, поэтому и на новом месте устроилась на такую же работу. Так на всю войну я стал детдомовцем.

В.М. Галушин в детстве (Ливны).

Голод. Чёрный хлеб

Самое тягостное время пришлось на зиму 1942-43 гг. До сих пор помню непрерывное ощущение голода, когда с утра до ночи хочется есть. А еда была поистине нищенская. Даже сейчас не забылся непереносимо кислый вкус угольно-чёрного хлеба из отрубей и шелухи от проса. В нынешние времена узнал из рекламы – как, оказывается, полезен хлеб из отрубей. Но не для меня. Еще запомнилось, как трудно было доставать керосин для лампы и какими беспомощными мы оказывались, когда вдруг трескалось драгоценное ламповое стекло.

Страх. Волки

В войну никаких охотников, конечно, не было, и потому расплодилось всякое зверье: безбоязненные зайцы, вороватые лисы, страшные волки. В детдоме был свой транспорт – лошадь. На ней маме приходилось ездить по делам в райцентр, иногда она брала с собой меня. До Сергача – 25 верст, поэтому зимой возвращались уже во тьме. Однажды в метель, уже недалеко от нашего села, лошадь вдруг захрипела и сама, без понукания, понеслась галопом. Конюх в ужасе сказал, что лошадь чует волков и пытается спастись. Во тьме стали чудиться хищные тени, горящие глаза. После бешеной скачки наши сани влетели в безопасное от хищников село, но это были жуткие полчаса моей жизни.

Из второго – в четвертый

Наш детский дом почему-то трижды перемещался по Горьковской области. В результате, пока я был беженцем и детдомовцем, пропустил большую часть учебы во втором и третьем классах, но наверстал все пропущенное в 4-м классе. К слову, несмотря на все сложности, я был отличником, закончил сельскую школу с золотой медалью, поступил на биофак Горьковского университета, а затем в аспирантуру кафедры зоологии Московского государственного педагогического института, по окончании которой был принят преподавателем этой кафедры, где и поныне тружусь уже 60 лет.

Прошлое будущего биолога

Еще до войны мы с мамой прочитали книжку С.Т. Аксакова «Как я ловил бабочек» (рассказ С.Т. Аксакова «Собирание бабочек» – ред.), которая и пробудила у меня интерес к живой природе. Я обзавёлся самодельным сачком и с азартом ловил бабочек, разглядывал их и выпускал, так как составлять из них коллекции и не умел, и не стремился. Когда учился уже в 6 классе, мне подарили настоящую научную книгу И.И. Пузанова, Г.П. Кипарисова и В.И. Козлова «Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области, 1942», из которой я неожиданно узнал, что плохое слово «гады» еще и означает вполне приличный, принятый ранее в

В.М. Галушин

России научный термин, означающий амфибий и рептилий. Эта книга, которую храню до сих пор, приобщила меня к началам орнитологии, которой остаюсь верен и поныне.

В детдомовские годы во мне зародилась и страсть к путешествиям. Мы собирались группой и бродили по окрестным лесам, оврагам, берегам речушек. С самого начала повелось, что я вел научный дневник, делал зарисовки в альбоме, составлял карты наших походов. Страсть к географии не оставляет меня и сегодня, когда в моих путевых дневниках отмечена уже 101 посещенная страна.

Корр. Владимир Михайлович, помнится ли Вам хоть что-то хорошее, доброе, быть может, даже счастливое в те тяжкие годы войны?

Что-то хорошее

Самыми светлыми воспоминаниями стали первые путешествия, интерес к живой природе, первоначальное становление будущего биолога, первая влюбленность. Как ей и положено – безответная. Но не бесследная: восхищавшее меня юное создание как-то вскользь упомянуло, что ей не нравятся мальчики с папиросками. И вот уже семь десятков лет, как я не курю...

Еще в Ливнах запомнился мистически счастливый случай. Когда начинались воздушные атаки нашего города, моя верующая бабушка молилась, чтоб нас минула эта беда. Однажды помолившись, она опустилась на колени перед иконой в углу, и именно в эти мгновения сверху в наше окно влетела крупнокалиберная пуля, пробившая висевшую на стене карту прямо через испанский город Барселону. Протянув нитку от окна к Барселоне, я понял, что пуля прошла точно там, где за секунды до этого как раз стояла бабушка. Прогуливаясь иногда по красивому бульвару Рамблэ в Барселоне, вспоминаю и пулю, пробившую этот город на карте, но счастливо миновавшую бабушку. Благосклонностью судьбы стало и то, что во время войны, несмотря на голод, холод, бомбёжки, обстрелы и прочие опасности, все мы остались живы.

Запомнились и приятные мелочи. Во время войны детдомовцев, как всех, отправляли на сельхозработы. Мы собирали колоски, копали картошку. А за успешную работу нас премировали ценным дефицитом. За мешочек колосков, собранных на сжатом поле, нам выдавали, к примеру, пару варёных яиц, несколько карамелек или даже... фиников. Понятия не имею, как они попали в наш детдом, но несколько штук этого невиданного фрукта я впервые отведал именно во время войны, как премиальные за сбор колосков.

Корр. И в заключение – как Вы встретили Победу?

Подарок ко дню рождения

Рано утром 9 мая объявили, что война закончилась нашей Победой. Детдомовцы высыпали на улицу, и, в нарушение строжайших запретов, все почему-то полезли на черепичную крышу. Мы стояли на крыше,

кричали, размахивали флагами, кто-то бил в пионерский барабан. Потом и местная ребятня, глядя на нас, полезла на крыши своих домов. Это была эйфория, всеобщее ликование, неистовый восторг.

Так получилось, что я родился как раз 9 мая, но 1932 года. Поэтому, когда мне говорят: «Как ты умудрился родиться в День Победы!», то всегда уточняю: «Это День Победы случился как главный подарок на день моего рождения».

Завершая наш разговор, снова вернусь к его началу. Война в восприятии ребёнка, подростка – это голод и страх, ощущение, что жизнь может в любой момент прерваться, и это мало от тебя зависит. Поэтому я понимаю и искренне принимаю всем известную мольбу: «Только б не было войны!»

**Беседовала М. Рыжова,
корреспондент газеты
«Педагогический университет»**

Статья птицелюба Марии Пассек из имения Нирвана под Батуми

В апреле 1914 г. в журнале «Русские субтропики» была опубликована статья «Наши друзья и союзники по охране садов и плантаций от вредителей». Мария Пассек, проживающая в имении Нирвана в Батуми, на основе своих более чем 30-летних наблюдений за птицами в Аджарии, удивительным языком написала статью, отдельные выдержки из которой мы приводим ниже. Эти строки были написаны более века назад.

«Одни из главных истребителей гусениц и летающих насекомых, бесспорно, птицы. У нас, в России, для защиты их от людского засилья и бесполезного жестокого истребления, к сожалению, сделано очень мало. За границей, например в Швейцарии, параграф 17 союзного закона от 26-го июня 1906 года, берет под свою защиту целую серию насекомоядных птиц: все виды славков, чеканкаменщиков, синиц, просянок, ласточек, козодоек, трясогузок, разных дроздов, скворцов, зябликов, щеглов, чижей, кукушек, удодов, дятлов, горихвосток: из хищных сококопуга, разных сов (только не филина): из вороновых – ворону (не чёрного большого ворона), галку, грача: болотных и голенастых (аист, цапля, журавль). Существует и международное соглашение от 30-го мая 1902 года, вошедшее в силу 6-го декабря 1906, по которому птицы, перечисленные в нем, пользуются повсеместной абсолютной защитой, то есть, во всякое время года запрещается их убивать, разорять их гнёзда, уничтожать

их выводки и яйца. К международному соглашению присоединились: Швейцария, Германия, Англия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, Франция, Греция, Люксембург, Монако, Португалия и Швеция. Россия, к сожалению, отсутствует, и наш пернатый мир беззащитен. <...>

А человек хлопочет только о том, чтобы, наловить и настрелять голодных крошек: тоже ведь – дичь, лакомый кусок. Птица-то вся – в напёрсток величиной. Если же им помочь немного вовремя, сколько каждая из них за лето сбережёт фруктов! Хоть бы не из жалости, а просто из расчёта помогли бы им!

Беречь надо наших друзей от ястреба-куроцапа, хитрого коршуна, перепелятников, филина, чёрного ворона, не заводить котом, подвергнув остракизму всю кошачью породу, на пушечный выстрел не подпускать ее к саду. Вопрос еще, поймает ли, или нет крылатый разбойник пташку: да и охотится-то он только днем. А кот больше таскает бедных птенцов из гнезда, да шарит всюду неслышно и ночью, легко завладевая беззащитными, сонными птицами. К стыду нашему приходится на одну линию с кошками поставить и царя природы – человека, в лице тех горе-охотников, что забираются в сады, стреляя наших союзников. Как только появятся удоны, дрозды, так начинается и «тяга» на наших безобразников. Гнать их надо без церемоний и отнимать ружья. Нашим хозяевам следует принять самые строгие меры против них»...

Пассек М. Наши друзья и союзники по охране садов и плантаций от вредителей // Русские субтропики. Батум, 1914, № 4, с. 36-47.

Полный текст статьи можно прочитать по ссылке: <http://www.rbcu.ru/information/1883/32985/>

Е.Э. Шергалин

К 140-летию Г.И. Полякова

16 февраля 2016 года исполнилось 140 лет со дня рождения Григория Ивановича Полякова (1876–1939). Имя этого незаурядного и противоречивого человека навсегда вписано в историю русской орнитологической науки, как одного из создателей её классических традиций,

в значительной мере утраченных в послереволюционные годы. Возрождение их было трудным и нескорым; на его ходе, безусловно, отразилась сложная и трагическая судьба Г.И. Полякова.

Григорий Иванович Поляков родился в семье крупного предпринимателя, купца 1-й гильдии, потомственного почётного гражданина Москвы Ивана Кондратьевича Полякова. Отец Г.И. Полякова происходил из крепостных крестьян-староверов Судогодского уезда Владимирской губернии. Благодаря коммерческим способностям и доскональному знанию священного писания, ему удалось выкупить на волю себя и свою невесту, а затем выдвинуться в управляющие одной из фабрик, принадлежавших богатейшей староверческой династии Морозовых¹.

Потомственное почётное гражданство в дальнейшем очень помогло Г.И. Полякову в его поездках: он не должен был получать разрешение и регистрироваться в полиции по каждому новому месту пребывания. Для нас, живущих в гораздо более свободные времена, наверное, удивительно узнать, что в дореволюционной Российской империи к перемещению внутри границ государства по собственному желанию был допущен достаточно ограниченный круг лиц.

Начало увлечения птицами у Г.И. Полякова началось с интереса к содержанию и разведению голубей. При этом он очень скоро проявил склонность к разведению разных редких и необычных пород, а также к селекционной работе. В дальнейшем к этому добавились занятия охотой. Влияние орнитолога, владельца московской таксидермической фирмы Фёдора Карловича Лоренца (1842-1909), сделало охотничьи занятия Григория Ивановича основными и направило его деятельность в фаунистическое русло. Ушедшее на второй план увлечение селекцией проявилось вновь лишь в последние годы жизни, по возвращении из ссылки, когда, потеряв по состоянию здоровья возможность выезжать в поле,

Г.И. Поляков занялся разведением сельскохозяйственных растений в своём приусадебном хозяйстве (особенно ему удавалась селекция огурцов).

Григорий Иванович Поляков окончил реальное училище. О дальнейшем его образовании сведений почти нет: вероятно, он сразу начал предпринимательскую деятельность в фирме Морозовых. Однако известно, что в 1909 г. он поступил в Московский народный университет имени А.Л. Шанявского. Это очень своеобразное частное учебное заведение предоставляло возможность любым состоятельным людям получить весьма основательные знания по самым разным дисциплинам. Занятия там велись в том числе и в вечернее время, что позволяло учиться и людям, занятым днём работой в других сферах. Преподавание велось нередко сотрудниками Московского университета (после знаменитого «исхода профессоров» в 1911 г. – в ответ на распоряжение царского министра просвещения Л.А. Кассо об устранении автономии университетов – многие из них получили в Университете имени А.Л. Шанявского кафедры и лаборатории).

По воле отца, Г.И. Поляков должен был участвовать в «семейном деле», быть одним из членов правления и директоров текстильной фабрики, расположенной в селе Саввино Богородского уезда Московской губернии. В конце XIX – начале XX вв. это предприятие считалось крупным и приносило его фактическим владельцами немалый доход². Однако кажущееся прочным положение одного из управляющих крупной текстильной фабрикой, помимо материальных выгод, имело оборотную сторону. Необходимость глубокого погружения в дела, имеющие мало отношения к изучению природы, приводила к постоянному дефициту времени, нехватке его на поездки и содержательные исследования.

В сущности, за весь период своей активной деятельности, Г.И. Поляков совершил только одну большую дальнюю исследовательскую поездку экспедиционного типа: на озёра Зайсан и Маркаколь (теперь – в Восточном Казахстане)³. Работы, посвящённые

² Бумагопрядильная ткацкая и хлопко-красильная фабрика Товарищества Викулы Морозова с сыновьями при с. Саввине 2-го стана Васильевской волости (почтовый адрес – станция «Обираловка» Нижегородской ж-д. линии), существует с 1897 года. По состоянию на 1914 г. на производстве было занято 1995 рабочих, а заведующим фабрикой значился Елисей Иванович Поляков, старший брат Григория Ивановича (<http://museum-obiralovka.ru/index.php/zheleznodorozhnyi/staryj-gorod>).

³ Экспедиция осуществлена в мае – июле 1909 г. См.: Г.И. Поляков. Поездка на озёра Зайсан-нор и Марка-куль в 1909 году. Приложение к журналу «Орнитологический вестник», М., 1912. 188 с.; Н.Н. Березовиков. Путешествие за птицами (к 140-летию со дня рождения Григория Ивановича Полякова (1876-1939)). // «Русский орнитологический журнал», экспресс выпуск № 1260. 2016. 33 с.

Г.И. Поляков и С.И. Огнёв в Зоомузее

птицам Приморья, написаны им не по своим сборам и сообщениям. Все остальные исследования были проведены Г.И. Поляковым в Московской и, отчасти, сопредельных губерниях.

Будучи в деле изучения птиц Московской губернии очевидным преемником Ф.К. Лоренца, он к началу 1920-х гг. стал, безусловно, лучшим знатоком её фауны. При этом представления Г.И. Полякова о птицах Подмоскovie имели совершенно конкретный характер: высказываемые им положения и выводы всегда опирались на даты и места встреч, коллекционный материал в виде чучел и тушек и очень подробный дневниковый материал в виде чучел и тушек и очень подробные дневниковые записи.

В отличие от многих деятелей академической и университетской науки, Г.И. Поляков не считал для себя возможным говорить о жизни и поведении птиц в общем ключе, принимать на веру непроверенные сообщения охотников и птицеводов. Для его метода исследований характерно стремление убедиться во всём самому, увидеть своими глазами.

Чем больше Григорий Иванович погружался в изучение птиц Московской губернии, тем больше внимания он уделял их связи с местообитаниями и вопросу о том, как влияет на распространение птиц хозяйственная деятельность человека. Нужно сказать, что Г.И. Полякову удалось достичь многого в понимании этих вопросов. В частности, в работе о

птицах Богородского уезда (1924) приведён блестящий анализ того, как меняется птичье население в результате осушения и выработки торфяных болот⁴.

Жизнь Г.И. Полякова в науке была трудной, отзывы научной элиты того времени о его работах противоречивы (определённая неприязнь академика М.А. Мензбира до некоторой степени уравновешивалась искренней помощью его ученика П.П. Сушкина, а также С.А. Бутурлина)⁵. Однако распространение по России журнала «Орнитологический вестник», основателем (1910 г.), редактором и издателем (1910-1917 гг.) которого был Г.И. Поляков, оказалось достаточно широким; его выписывали музеи, научные общества и частные лица. Впоследствии, оказавшись в 1930-х гг. в Вологде, Григорий Иванович заметил, что в библиотеке местного музея почти не было специальной научной литературы по птицам, но, к его удивлению, «Орнитологический вестник» оказался представлен довольно богато.

Издание «Орнитологического вестника»⁶ рассматривалось Г.И. Поляковым, как акт содействия тому, что ныне называется «гражданским обществом». До некоторой степени для Г.И. Полякова это был даже социальный эксперимент, попытка консолидации всего интересующегося птицами населения страны вокруг специализированного журнала, не облагаемого жёсткими цензурными ограничениями⁷. Идея не всеми была воспринята адекватно: имелось некоторое сопротивление академических учёных, хотя впоследствии наиболее прогрессивные из них охотно черпали первичную информацию из этого источника.

⁴ Г.И. Поляков. Птицы Богородского уезда, с параллельным списком птиц остальной части Московской губернии. Издание Богородского института краеведения, 1924. 90 с.

⁵ М.А. Мензбир считал ниже своего достоинства печататься в «Орнитологическом вестнике», а когда в 1917 г. разорившийся Г.И. Поляков обратился к нему с просьбой о содействии продолжению издания, фактически отказал в помощи. Отговоркам, связанным с дороговизной бумаги и типографских работ, не следует придавать очень большого значения: труды самого Мензбира выходили в эти годы вполне исправно.

⁶ Номера «Орнитологического вестника» за 1910-1915 гг. имеются в свободном доступе на сайте Союза охраны птиц России: <http://www.rbcu.ru/information/2269/22356/>.

⁷ При поступлении в редакцию «Орнитологического вестника» материалов, которые расходились с общепринятыми тогда или его собственными представлениями, Г.И. Поляков отказывался от их публикации только в очень редких случаях. Обычно он печатал их со своими комментариями, или предлагал сделать такие комментарии другим людям, которых он уважал как знатоков птиц (обычно это были П.П. Сушкин и С.А. Бутурлин). В связи с таким подходом к публикации материалов, на страницах журнала нередко разворачивались интересные дискуссии, которые Г.И. Поляков старался, по мере возможности, ввести в цивилизованное русло. К сожалению, такая традиция была совершенно не воспринята биологической наукой советского времени, когда разные люди и научные школы полагали, что именно они обладают «монополией» на истину, и стремились всячески заглушить голос своих оппонентов.

В издании журнала у Г.И. Полякова было несколько очевидных предшественников. Первым, безусловно, следует признать «Вестник естественных наук», издаваемый в 1840-х – 1850-х гг. под редакцией К.Ф. Рулье. Вторым, наверное, более успешным начинанием, стала «Природа и охота», выходившая в 1870–1890 гг. под редакцией Л.П. Сабанеева, а затем – Н.В. Туркина. Однако у издания Г.И. Полякова были и существенные отличия. Во-первых, точно и конкретно обрисованный предмет издания (всё, что касается птиц), а во-вторых – принципиальный отказ от государственных источников финансирования издания. Такие условия определяли лёгкий и свободный обмен мнениями между орнитологами и любителями птиц с разным социальным положением, без учёта достаточно жёсткой официальной иерархии. Гораздо лучше, чем в предыдущих опытах русских природоведческих изданий, была налажена у Г.И. Полякова и обратная связь с корреспондентами на местах. Интересы подписчиков и регулярный выход журнала (четыре раза в год, дважды до и дважды после летнего сезона) позволяли появляться сообщениям в печати достаточно быстро и оперативно.

Но и Григорию Ивановичу не всё удавалось реализовать вполне. В частности, проект по сбору данных о сроках прилёта птиц в разных регионах страны (развивающий традицию, идущую от Д.Н. Кайгородова) получил настолько значительный отклик с мест, что объём печатных страниц журнала уже не стал вмещать собранной информации целиком, а у самого Г.И. Полякова, работавшего над редактированием без помощников, не оказалось времени и сил для её обработки и компактизации. В результате популярный проект пришлось закрыть, о чём подписчики были уведомлены специально⁸.

Орнитологическая коллекция Г.И.Полякова, насчитывающая около 10 тысяч экземпляров, собранных

⁸ Все попытки организовать специализированный орнитологический журнал в России после Г.И. Полякова не могут быть признаны полностью удачными. Затянутый во второй половине 1920-х гг. томскими орнитологами журнал «Урагус» продержался лишь четыре года, после чего был закрыт властями. Сборники «Орнитология», основанные в 1960-х гг. профессором Географического факультета МГУ В.Ф. Ларионовым, по сути, не были периодическим изданием (выходили не ежегодно, хотя позднее удалось наладить более регулярную публикацию выпусков), однако обратная связь между корреспондентами и редакцией в этом издании не была налажена, да и отбор статей для публикации был гораздо более жёстким, чем у Г.И. Полякова. В 1990-х гг. попытку издавать «Русский орнитологический журнал» предпринял А.В. Бардин. Но как полноценный журнал, который печатался два раза в год, он просуществовал лишь недолгое время, после чего издатель перешел на выпуск тонких книжек «Экспресс-выпусков» (с одной-тремя статьями в каждой). До некоторой степени поддержанию обратной связи с любителями природы на местах способствует издаваемый ныне один раз в год наш журнал «Мир птиц». Однако наиболее соответствует духу «Орнитологического вестника» Г.И. Полякова выпускаемый в Киеве орнитологический журнал «Беркут», основанный украинскими коллегами.

Дом Г.И. Полякова в Саввино. Фото Г. Ерёмкина

в разных уголках России, в 1923 году была передана им в Зоологический музей Московского университета. Вместе с коллекцией были пожертвованы музею 37 сундуков специальной конструкции, в которых она хранилась. Многие экземпляры из этой коллекции можно видеть в фондах музея и поныне.

Интересно, что помимо птиц, вторым увлечением Г.И. Полякова была фотография. До нашего времени сохранилось довольно много чёрно-белых отпечатков с его негативов (тогда они делались преимущественно на стеклянных фотопластинках). Кроме пейзажей, сцен, связанных с семейными мероприятиями и охотой, на фотографиях Г.И. Полякова запечатлены одни из первых в России футбольных матчей (считается, что эта игра была привезена сюда английскими партнёрами «Товарищества Саввинской мануфактуры» – отчасти для того, чтобы занять досуг рабочих «осмысленным и культурным» мероприятием).

В 1925 г. Г.И. Поляков ездил по командировке Московского общества испытателей природы в Курскую область, где занимался изучением её фауны. С 1926 по 1927 гг. он работал техническим специалистом во Всероссийском кооперативно-промышленном союзе охотников.

Арест Г.И. Полякова 10 июня 1927 г. произошёл под довольно надуманным предлогом поддержания связи с зарубежными предпринимателями (хотя ничего, кроме посылок с бытовыми вещами, он из-за границы не получал). Интересно, что в деле Г.И. Полякова он упоминается по характеру своей основной деятельности как «редактор журнала» (хотя «Орнитологический вестник» к тому времени уже 10 лет как не выходил), в то время, как его старший брат, Елисей Иванович Поляков – как «экономист» (то есть человек, по сфере занятий более близкий частному предпринимательству). Тем не менее, приходится признать, что с точки зрения господствующей коммунистической идеологии серьёзные основания для его ареста у властей были: воспоминания местных жителей говорят о том, что в дореволюционное время Г.И. Поляков нередко принимал достаточно жёсткие и «крутые» решения при возникновении разногласий и споров между

руководством фабрики и рабочими (старший брат Елисей, увлекавшийся археологией и коллекционированием предметов искусства, вел себя несравненно «мягче»). Возможно, такое различие в поведении братьев связано с тем, что Григорий Иванович понимал: как младший сын, он не может получить значительную долю наследства отца и должен рассчитывать преимущественно на свои силы в реализации жизненных замыслов. Известно, что Елисей Иванович Поляков на собственные средства совершил кругосветное путешествие и бывал во многих странах мира (о выездах Г.И. Полякова за границу никаких сведений не имеется, максимум, что он мог себе позволить – месячный отдых в Кисловодске).

Осужденный коллегией ОГПУ 3 октября 1927 г. на 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию (статья 58-10), Г.И. Поляков содержался как заключённый в лагере особого назначения, базировавшегося в Соловецком монастыре. При этом, насколько возможно, он собирал сведения о птицах, используя как собственные, достаточно ограниченные в пространстве наблюдения, так и, главным образом, опросы других людей. Результатом стала работа о птицах Соловков (1929), содержащая сведения о 104 видах (современный список видов птиц островов насчитывает 225 видов)⁹. Интересно, что, находясь в заключении, Григорий Иванович одно время числился заведующим музеем и библиотекой Соловецкого общества краеведения, и даже имел возможность вести переписку с П.П. Сушкиным, работавшим в Ленинграде, посылать ему экземпляры добытых птиц и получать от него кольца для кольцевания¹⁰. Кроме опубликованных фаунистической сводки и обзора методов и итогов кольцевания птиц, на Соловецких островах Г.И. Поляковым были подготовлены работы, посвящённые соловецким чайкам, гнездовым колониям гаг, работе охотхозяйств Соловков и Кемьского района, однако эти рукописи затерялись и до настоящего времени не найдены.

После освобождения (весной 1932 г.) из лагеря Г.И. Полякову первое время не разрешали жить в крупных городах, он был направлен на поселение в

⁹ См.: Г.И. Поляков. К познанию орнитофауны Соловецких островов. // «Материалы Соловецкого общества краеведения», вып. XX. 1929. 56 стр.; А.Е. Черенков, В.Ю. Семашко, Г.М. Тертицкий. Птицы Соловецких островов и Онежского залива Белого моря: материалы и исследования (1983–2013 гг.). Архангельск, 2014. 384 с.

¹⁰ Работы по кольцеванию птиц на Соловках были начаты в 1925 г. Вначале птицы метились Росситенскими кольцами, полученными из Ленинграда (окольцовано 10 чаек), в 1926 г. – кольцами собственного изготовления (окольцовано 50 птиц, из них – 46 гаг), а начиная с 1927 г. – кольцами БЮН (в 1927 г. – 25 чаек, в 1928 г. – 169 птиц 10 видов, в 1930 г. – 35 птиц). См.: Г.И. Поляков. Кольцевание птиц и опыты его на Соловках. // «Соловецкие острова», № 2-3. Соловки, 1930. С. 65-70; В.К. Рахилин «Начало кольцевания птиц в нашей стране». // «Историко-биологические исследования», вып. 8. М., «Наука», 1980. С. 202-228.

Вологду, где стал внештатным сотрудником местного естественно-исторического музея. Однако здоровье его было в значительной мере подорвано пребыванием на Соловках (по-видимому, там он получил хронический туберкулёз), и сделать ему в Вологде удалось относительно немного¹¹.

Последние годы жизни Г.И. Полякова прошли на даче в поселке Перловка под Москвой, в стеснённом материальном положении. Хлопоты через Московское общество испытателей природы для получения персональной пенсии к положительному результату не привели¹². По-видимому, в значительной мере приходилось жить на доходы родственников и кормиться с собственного огорода. Скончался Г.И. Поляков 4 апреля 1939 г. и похоронен на Перловском кладбище (рядом с МКАД, ныне – в черте Москвы). Однако его могила с большим деревянным крестом была утеряна в годы Великой Отечественной войны – крест был унесён местными жителями и использован как топливо, с которым в тогдашней обстановке были серьёзные перебои.

Интересно, что все дома, в которых жил Г.И. Поляков в Москве и Подмосковье, сохранились до настоящего времени. Это и московские дома, расположенные неподалёку от обширного владения Морозовых в Лялином переулке¹³, и дом в бывшем селе Саввино (нынешний адрес – г. Железнодорожный, ул. Ленина, д. 8а; дом объявлен памятником истории решением совета депутатов г. Железнодорожного с указанием его принадлежности первому владельцу), и дача в Перловке (ул. Трудовая, д. 13). В последние годы его правнуком, Вадимом Шульцем, неоднократно выдвигалась идея о создании в Саввинском доме историко-краеведческого музея, в котором можно было бы разместить экспозицию, посвящённую природе и птицам Подмосковья, и материалы об истории семьи Поляковых.

Г.С. Ерёмкин

¹¹ В письме С.А. Бутурлину, датированном маем 1932 г., Г.И. Поляков сообщает о нередких встречах зелёного дятла и гнездовании ястребиной славки в долине р. Вологды, которых он считал реликтовыми южными формами, обнаруженными здесь гораздо севернее границы области их современного постоянного распространения.

¹² Так следует из рассказа его правнука, Вадима Шульца, на выступлении, посвящённом меценатам и дарителям Зоологического музея Московского университета 28 января 2015 года: <https://www.youtube.com/watch?v=Yz7TUAW7NZ8>; в справке о смерти Г.И. Поляков всё-таки значится «персональным пенсионером». Реабилитирован Григорий Иванович Поляков в мае 2003 г.

¹³ В справочнике «Вся Москва» (1916) указывается, что Г.И. Поляков проживал по адресу Лялин переулок, дом 20. По этому адресу находится шестизэтажный доходный дом 1911 года постройки, принадлежавший до революции С.Л. Меллеру-Закомельскому. В деле об аресте Г.И. Полякова, произошедшем 10 июня 1927 г., приводится другой адрес: Лялин переулок, д. 27, кв. 1; здесь к дореволюционному периоду относится здание, ныне имеющее составной номер 23-29, корпус 2 (которое соединено в единый комплекс с особняком Морозовых).

Памяти Святослава Георгиевича Приклонского (1932-2016)

27 декабря 2016 г. ушёл из жизни Святослав Георгиевич Приклонский – выдающийся российский орнитолог и специалист в области заповедного дела в масштабах всей природоохранной системы России.

С.Г. Приклонский родился 8 августа 1932 г. в г. Пермь. В том же году семья переехала в Нижний Новгород (тогда – город Горький), где прошли детство, юность и студенческие годы ученого. В 1950 г. он стал студентом биологического факультета Горьковского государственного университета, который окончил в 1955 г. Дальнейший жизненный путь С.Г. Приклонского был связан с Окским государственным заповедником, где он работал с 1956 г. по 2011 г. сначала научным сотрудником, потом заместителем директора по научной части (1964-1977 гг.) и директором (1977-1998 гг.).

Профессиональные интересы учёного в значительной степени сформировались под влиянием В.П. Теплова. Это, прежде всего, миграции птиц; динамика численности животных и факторы, ее определяющие; проблемы охраны отдельных ландшафтов, экосистем и природных объектов; организация биологических исследований; разработка методик и проведение учетов численности млекопитающих и птиц на территории бывшего Советского Союза с использованием широкой корреспондентской сети. Святослав Георгиевич – автор 363 научных и 54 научно-популярных работ. Среди наиболее существенных из них можно упомянуть «Опыт оценки количественного воздействия крупных хищников на популяции копытных Европейской части СССР» (1979); «Сколько водоплавающих отстреливают в СССР» (1970); «Факторы, влияющие на протяжённость суточного хода лисицы» (1975); «Протяжённость суточного хода и некоторые вопросы экологии и значения волка в зимний период» (1983); «К экологии ужа обыкновенного в Окском заповеднике» (1990); «Чёрный аист» (2001); работы по экологии водоплавающих, дневных хищных птиц, сов, куликов, ряда видов воробьиных, в том числе – обыкновенного скворца.

Острый ум, неиссякаемая энергия, компетентность во многих вопросах уже через несколько лет делают Святослава Георгиевича личностью, известной и популярной в очень широких кругах специалистов. В 1965 г. С.Г. Приклонский избирается Председателем общественной комиссии содействия учетам, с 1970 г. он член Орнитологического комитета СССР, в период с 1973 по 1985 гг. – Председатель

Волжско-Уральской орнитологической комиссии, с 1976 г. – член Экологической секции Научного Совета АН СССР «Биологические основы реконструкции и охраны животного мира», с 1983 г. – член президиума Всесоюзного орнитологического общества. Начиная с 1967 г. Святослав Георгиевич участвует в международных совещаниях по биосферным заповедникам, по водоплавающим птицам, охотничьему хозяйству.

С 1972 г. С. Г. Приклонский принимал активное участие в работе межсекционной рабочей группы «Вид в ареале», где был руководителем сбора материалов для монографии «Обыкновенный скворец». С конца 1970-х гг. он член редколлегии многотомной сводки «Птицы СССР» (с 1993 г. – «Птицы России и сопредельных регионов»). Святослав Георгиевич был составителем и ответственным редактором трех последних томов сводки (1993, 2005, 2011); велика его заслуга в возрождении этой сводки в 2000-х гг.

На основе собранных в 1956-1963 гг. на стационарах Центральной орнитологической станции материалов о миграции водоплавающих птиц, в 1965 г. С.Г. Приклонский защитил кандидатскую диссертацию; в 1999 г. он защитил докторскую диссертацию «Научные основы мониторинга охотничьих животных на больших территориях».

Вступление С. Г. Приклонского в 1977 г. в должность директора ОГЗ было, в первую очередь, вызвано его желанием усилить и развить научную и природоохранную деятельность заповедника. В число важнейших задач, например, входило расширение территории заповедника для более полного сохранения и представления природы Мещеры. Многочисленны были хозяйственные проблемы: остро ощущалась нехватка жилья на Центральной усадьбе, в упадок приходили кордоны на территории заповедника, не хватало транспортных средств. Все эти вопросы легче было решить, будучи директором заповедника. Понимая, что хозяйственная деятельность существенно снижает возможности роста его как научного работника, Святослав Георгиевич предполагал, что, проработав директором не более пяти лет и сняв наиболее острые проблемы, он вновь целиком посвятит себя научной деятельности.

Однако предполагаемые 5 лет руководства заповедником растянулись на 20 с лишним. С присущими ему энтузиазмом и энергией С.Г. Приклонский занялся решением административных вопросов, которые на практике оказались гораздо сложнее, чем виделось ранее. Тем не менее с 1977 г. в поселке Брыкин Бор началось интенсивное строительство жилья и производственных помещений, ценой больших усилий была закрыта расположенная на Центральной усадьбе турбаза, в здании которой позднее разместилось управление заповедника. В МСХ СССР, а затем Госагропроме СССР, к которым относился заповедник, удалось

добиться повышенного финансирования, улучшения обеспечения транспортом. Благодаря, прежде всего, усилиям С.Г. Приклонского, в 1985 г. Окский заповедник получил статус биосферного резервата, а к 1990 г. в результате многолетней целенаправленной деятельности директора площадь заповедника была увеличена почти вдвое. В период директорства С.Г. Приклонского издано 10 выпусков Трудов заповедника, из которых в 7 он был ответственным редактором. В дополнение к существующему еще с 1959 г. питомнику чистокровных зубров при заповеднике были созданы питомники редких видов журавлей и хищных птиц.

Одна из значительных вех в деятельности С.Г. Приклонского как директора – присвоение в 1993 г. Окскому заповеднику (одному из двух заповедников РФ на тот период) Диплома Совета Европы. В 1998 г. заповедник повторно получил подтверждение этого высокого статуса.

Памяти Георгия Александровича Носкова (1937-2017)

9 января 2017 года умер Георгий Александрович Носков. Профессор, доктор биологических наук, известнейший в мировом научном сообществе орнитолог, посвятивший свою жизнь изучению годового цикла сезонных явлений у птиц, оценке состояния природных комплексов и организации особо охраняемых природных территорий России. Основатель Ладожской орнитологической станции – второй по величине станции кольцевания и прижизненного обследования птиц на территории России. Создатель Нижне-Свицкого государственного природного заповедника – единственного действующего заповедника в Ленинградской области. Автор идеи и один из проектировщиков Ингерманландского заповедника, призванного защитить уникальные природные сообщества островов Финского залива Балтийского моря. Автор и создатель системы особо охраняемых территорий Ленинградской области.

Георгий Александрович долгое время возглавлял лабораторию экологии и охраны птиц, а также единственную на Северо-Западе России группу по особо охраняемым природным территориям при Биологическом НИИ Санкт-Петербургского государственного университета.

В 1970-х гг. Георгий Александрович руководил орнитологической комиссией проекта «Вид и его продуктивность в ареале» программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера». В 1980–1990-х гг. по заданию Правительства Ленинградской области руково-

дательность Святослава Георгиевича была высоко оценена. Он награжден орденом «Трудового красного знамени», медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», почетной грамотой Рязанского облисполкома, дважды знаками «Ударник социалистического соревнования», «Заслуженный работник сельского хозяйства», дипломами и медалями ВДНХ. С.Г. Приклонскому было присвоено почетное звание «Заслуженный эколог Российской Федерации».

До самых последних дней Святослава Георгиевича волновали проблемы и перспективы как родного Окского заповедника, так и всей заповедной системы России. Имя Святослава Георгиевича Приклонского навсегда осталось в российской орнитологии и в истории Окского заповедника, в сердцах коллег, друзей и родных.

Сотрудники Окского государственного природного биосферного заповедника

дил программой работ по инвентаризации природных комплексов на территориях, предлагаемых к охране. В 1990–2000-х гг. был соруководителем российско-финляндских проектов по сохранению биоразнообразия и выявлению недостатков в охране природных комплексов на Северо-Западе России. Был главным редактором трёхтомного издания «Красная книга природы Ленинградской области», ответственным редактором «Красной книги Санкт-Петербурга» и книги «Заповедная природа Карельского перешейка».

Автор более 300 научных публикаций, в том числе 9 монографий. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. Председатель Санкт-Петербургского орнитологического общества.

До последнего момента Георгий Александрович работал над созданием двухтомника «Миграции птиц Северо-Запада России» – фундаментального труда, в котором подводятся итоги многолетней работы орнитологов по изучению миграций птиц в разные сезоны на территориях Республики Карелия, Мурманской, Архангельской и Ленинградской областей.

Георгий Александрович был идейным вдохновителем и организатором самых масштабных проектов по изучению миграций птиц на Северо-Западе России. А Ладожская орнитологическая станция, испытывавшая на своем пути много административных и финансовых трудностей, до сих пор функционирует и приносит значимые научные результаты благодаря энтузиазму и кропотливой работе профессора.

В 2017-м году – в год особо охраняемых территорий России, Георгий Александрович должен был отметить 80-летие. Не дожидаясь. Ушёл...

Спасибо за то, что научил видеть уникальность и хрупкость живого мира!

Ученики, коллеги, друзья

Памяти Тихона Игоревича Шпиленка (12.10.1980 – 23.12.2016)

23 декабря 2016 г. после тяжелейшей болезни ушёл из жизни директор Кроноцкого государственного природного биосферного заповедника, председатель правления Ассоциации директоров государственных природных заповедников и национальных парков России, профессионал и подвижник заповедного дела Тихон Игоревич Шпиленок. Ему было всего 36 лет.

Ни поверить, ни совместить в своем разуме его самого – его лицо, его энергичность, его живой талантливый ум, его молодость – с понятием «смерть» – невозможно. Все, кто его знал, до самого конца надеялись – он победит. Он всегда побеждал.

Огромное горе. Еще не вполне осознанное, и огромная потеря. Заповедное дело потеряло одного из мощнейших лидеров, настоящих, без натяжки. Без него будет трудно. Рвутся связи, рушатся планы, теряется целостность задач. Кроноцкий заповедник, в который он вложил столько сил, труда, нервов, замыслов и надежд – теперь без него. Без него и все его друзья, а ведь для многих из заповедных людей он был Другом с большой буквы. Не зря многие пишут теперь в соцсетях «Прощай, Брат!».

Шпиленки – легендарная семья. Тихон вырос в кругу удивительных, необыкновенных людей. Любить природу, понимать ее, трудиться для нее – это всегда было для него естественным, и другого дела для себя он и не мыслил, ни пока рос, ни пока учился, ни когда

работал. Это всегда было в приоритете. Семья гордилась и гордится своим Тихоном Игоревичем. И будет гордиться всегда.

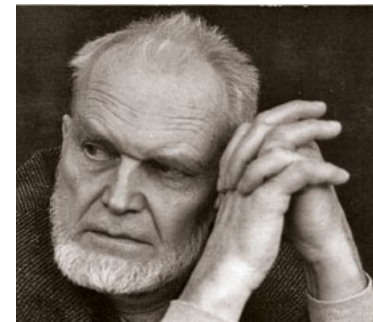
Все заповедные знают, как он работал – на разрыв... С 2002-го после учебы с Брянщины – к океану. На Сахалин. На Курилы – госинспектором в заповедник «Курильский», туда, где сложнее некуда. И опаснее тоже. Потом в 2007 – в Кроноцкий на Камчатку. Те, кто помнит, как это было, рассказывают, что дела там до него были – хуже некуда. Поднял заповедник, как пишет В.Б.Степаницкий – из руин. Сделал его образцовым, визитной карточкой системы, открыл для всего мира – это чистейшие факты, без натяжки. Покончил с массовым браконьерством, создал возможности для научной работы, для развития туризма. И самые удивительные фильмы о природе были сняты именно там. И камчатских медведей теперь люди, совершенно далёкие от заповедной системы, на фото узнают «в лицо» – это тоже там. Это потому – что для него это было важно. И многое, многое другое – сколько всего там, на Камчатке началось благодаря ему, сколько интереснейших замыслов рождалось, сколько планов строилось, важных и интересных для всех – это тоже благодаря ему. Поехать в Кроноцкий – это всегда было мечтой для каждого, и для каждого, кому это удалось – было событием.

Лучшие уходят молодыми. Мы будем помнить его всегда – молодым, сильным, мощным, умным, талантливым. Веселым, смеющимся, рассказывающим байки, верным другом, любящим сыном, мужем и отцом. На его страничке в фейсбуке кто-то написал «иногда конец – это начало».

Прощай. Мы всегда будем тебя помнить.

Е. Головина

Алексей Владимирович Яблоков (03.10.1933 – 10.01.2017)

Скончался Алексей Владимирович Яблоков – последний из славной когорты деятелей охраны природы старшего поколения, поколения наших учителей. Это поколение –

Вадим Николаевич Тихомиров, Николай Николаевич Воронцов, Феликс Робертович Штильмарк, Алексей Владимирович Яблоков – были не только людьми с активной природоохранной позицией, но и крупными учеными, профессионалами в своих областях.

Они пришли к природоохранной деятельности от науки, осознав необходимость защиты биосферы от бездумного наращивания темпов хозяйственной деятельности в ходе «покорения природы».

Алексей Владимирович был выдающимся ученым-зоологом и эволюционистом, как зоолог он избран членом-корреспондентом Академии наук в 1984 г., еще в советское время.

В 1989 г. А.В. Яблоков избирается народным депутатом СССР от Научных обществ и ассоциаций при АН СССР (за него проголосовало, в том числе, и Всесоюзное орнитологическое общество, вопреки негласной установке голосовать за директора одного из академических институтов). В 1989-1991 гг. он был заместителем Председателя Комитета по

экологии Верховного Совета СССР, членом координационного совета Межрегиональной депутатской группы, позже некоторое время был советником президента Б.Н. Ельцина по вопросам экологии и охраны здоровья.

С июня 2005 г. Алексей Владимирович становится председателем партии «Союз зелёных России»

(в настоящее время входит как фракция в партию «Яблоко»), с 2008 г. он член политического комитета «Яблока».

А.В. Яблоков до последних дней жизни оставался принципиальным и негибким человеком, борцом. Светлая ему память.

Союз охраны птиц России

Николай Павлович Харитонов (1956-2016)

7 ноября 2016 г. скоропостижно скончался Николай Павлович Харитонов – один из учредителей Союза охраны птиц России, член первого состава Исполкома Союза, избранного 9 февраля 1993 г., член Дружины биофака МГУ по охране природы в 1970-

1980-х годах, один из организаторов и авторов первого издания Красной книги Московской области (1998).

Н.П. Харитонов родился 24 апреля 1956 г. Закончил биологический факультет МГУ, с 1979 г. работал в системе дополнительного (внешкольного) образования. До 2003 г. возглавлял лабораторию, затем – сектор экологии Дома научно-технического творчества молодежи. В 2003-2005 гг. работал заместителем директора по науке Талдомской администрации особо охраняемых природных территорий и заместителем

директора Федерального Детского эколого-биологического центра.

В 2005 г. возглавил отдел программно-методического обеспечения Городского программно-методического центра дополнительного образования детей ГПБОУ «Воробьевы горы» (в советское время Московский городской Дворец пионеров и школьников на Ленинских горах), с сентября 2015 г. занимал там же должность старшего методиста программно-методического отдела Ресурсного научно-методического центра непрерывного образования.

Николай Павлович был одним из тех бескорыстных помощников, которые помогли Союзу охране птиц России выстоять в первые, самые трудные два года его существования, когда у Союза не было ничего – ни денег, ни помещения, ни оргтехники. Именно на его ксероксе и принтере в Доме научно-технического творчества молодежи, где Н.П. Харитонов тогда работал, были распечатаны и размножены первые документы Союза.

Светлая тебе память, Николай Павлович, и пусть будет земля тебе пухом!

Союз охраны птиц России

Алексей Александрович Естафьев (17 апреля 1941 г. – 26 декабря 2016 г.)

26 декабря 2016 г. после тяжёлой продолжительной болезни скончался ведущий научный сотрудник от-дела экологии животных, доктор биологических наук, лауреат Государственной премии Республики Коми в области науки, Заслуженный работник Республики Коми, председатель Коми отделения Союза охраны птиц России в 1990-х гг., член Рабочей группы по журавлям Евразии Алексей Александрович Естафьев.

Основные научные интересы А.А. Естафьева были сконцентрированы на изучении фауны птиц таежной зоны республики Коми и тундр Европейского

Севера. Благодаря его энтузиазму и организаторскому таланту вышла в свет многотомная сводка «Фауна европейского Северо-Востока России», которая в 1999 г. была удостоена Государственной премии Республики Коми.

А.А. Естафьев был экспертом в области охраны и рационального использования ресурсов животного мира Управления государственной экологической экспертизы Российской Федерации и Департамента по охране окружающей среды Республики Коми. Он участвовал в экспертизах крупных народохозяйственных проектов Российской Федерации, Республики Коми и Ненецкого Автономного округа по освоению лесных ресурсов, разработке и эксплуатации месторождений нефти, газа и других полезных ископаемых.

Награжден медалями «20 лет победы в Великой Отечественной войне» и «Ветеран труда».

Союз охраны птиц России

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА ЧЛЕНА СОЮЗА ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ

Фамилия, имя, отчество _____

Дата рождения _____ Электронная почта _____

Интернет-страничка _____ Телефон дом. (____) _____

Телефон моб. 8- (____) _____ Телефон раб. (____) _____

Факс (____) _____ Почтовый индекс:

Адрес для переписки: _____

Место работы или учебы и должность _____

Вы считаете себя: орнитологом-профессионалом / любителем (нужное подчеркнуть)

Вид членства: индивидуальный, семейный, коллективный (нужное подчеркнуть)

Какими иностранными языками Вы владеете? _____

Какой раздел орнитологии Вам интересен? _____

Какие районы России Вам интересны? _____

Кто пригласил Вас вступить в Союз? _____

Для коллективных и семейных членов: как Вы хотите быть поименованы в дипломе _____

В каких направлениях деятельности Союза Вы хотите участвовать? (отметьте галочками)

Научные проекты Природоохранные акции Развешивание гнездовых и кормушек

Фотографирование птиц Поддержка Союза в интернете Просветительская деятельность

Распространение информации о деятельности Союза

Другие направления деятельности (какие): _____

Хочу участвовать лично Могу организовать людей // Я хочу только оплачивать взносы

Дата заполнения: _____ 201_г. Подпись: _____

Прошу принять меня в члены Союза охраны птиц России

ВСТУПАЙТЕ В СОЮЗ ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ!

Наши цели – охрана птиц и мест их обитания, распространение знаний о птицах и их жизни, развитие любительской орнитологии в России.

В наших рядах – самые разные люди: от профессиональных орнитологов до начинающих птицелюбов. Не важно, сколько вам лет и какова ваша профессия. Если вы любите птиц – нам по пути! Ведь сейчас, как никогда раньше, птицы зависят от нашей заботы, от нашего к ним отношения.

В Союзе каждый найдет дело по силам – от зимней подкормки птиц и развески скворечников до участия в исследовательских и природоохранных проектах.

Как вступить в Союз охраны птиц России:

– вырежьте и заполните помещенную здесь учетную карточку члена Союза и платежную квитанцию на ее обороте;

– оплатите членский взнос в любом отделении Сбербанка и вышлите в Координационный центр Союза заполненную учетную карточку вместе с квитанцией. Оплатить взнос можно также в любом из региональных отделений Союза или в Координационном центре в Москве.

Каждый вступивший получает членскую карточку, доступ к электронной рассылке, журнал «Мир птиц» и информационные материалы Союза.

Как вступить в Союз

Форма ПД-4

Извещение

Общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»
(наименование получателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7	4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9
(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)

в Сбербанке России ОАО, г. Москва БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за _____ год
(наименование платежа)

Ф.И.О. плательщика _____
Адрес плательщика _____

Кассир

Сумма платежа _____ руб. ____ коп. ____ « ____ » _____ 20 ____ г.
Подпись плательщика _____

Форма ПД-4

Квитанция

Общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»
(наименование получателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7	4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9
(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)

в Сбербанке России ОАО, г. Москва БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за _____ год
(наименование платежа)

Ф.И.О. плательщика _____
Адрес плательщика _____

Кассир

Сумма платежа _____ руб. ____ коп. ____ « ____ » _____ 20 ____ г.
Подпись плательщика _____

Годовой членский взнос в 2017 г.:

Индивидуальный – 300 руб.

Льготный (для пенсионеров, инвалидов, безработных) – **150 руб.**

Семейный – 300 руб.

Поддерживающий – от 500 руб.

Попечительский – от 3000 руб.

ПОДДЕРЖИТЕ СОЮЗ!

Если вам небезразлична судьба птиц России, вы можете помочь нам сделать больше для их защиты. Даже самый скромный взнос, внесенный вами, послужит нашему общему делу – охране птиц!

Внести все пожертвование вы можете безналично на расчетный счет № 40703810438090102269 в Сбербанк России или у нас в офисе по адресу: Москва, шоссе Энтузиастов, дом 60, корп. 1 с 10.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

1 килограмм семечек для подкормки птиц	80 р
Содержание одной раненой птицы (сутки)	500 р
1 деревянная кормушка	800 р
1 скворечник или синичник	800 р
Устройство одной гнездовой платформы для хищных птиц	7 000 р
Один бинокль для наблюдения за птицами	от 5000 р
Зрительная труба для наблюдения за птицами	от 15 000 р
Установка птицезащитных устройств на одном километре ЛЭП	14 000–20 000 р
Печать одного номера журнала «Мир птиц»	130 000 р